

Дельта
1982

A. Falk-Rønne

*HVOR
ER DU,
PARADIS?*

Прогресс
1989

А.Фальк-Рённе

*ГДЕ ТЫ,
РАЙ?*

ББК 26.89(8)
Ф 19

Редактор А. И. Прокопенко

Фальк-Рёнке А.

Ф 19

**Где ты, рай?: Пер. с дат.— М.: Прогресс, 1989.—
168 с.: ил.**

Книга известного датского путешественника, исследователя, публициста и писателя Арне Фальк-Рёнке посвящена началу колонизации Австралии в конце XVIII века. Обладая даром высокой художественности и опираясь на огромный документальный материал, автор воссоздает картину Англии времени промышленного переворота с ее чудовищными социальными противоречиями. Герои книги — каторжники, привезенные в только что созданную колонию в Австралии и сумевшие совершить дерзкий побег.

Ф 1805070000—278 66—89
006(01)—89

ББК 26.89(8)

ISBN 5—01—001630—3

Редакция литературы по географии, экологии и народонаселению

Заведующий редакцией О. Д. К а т а г о щ и н

© Delta, 1982

© Перевод на русский язык издательство «Прогресс», 1989

А.Фальк-Рённе

ГДЕ ТЫ, РАЙ?

Перевод с датского
Л. Р. Серебрянного

Мэри Брод в Плимуте
Британская Фемида
Первая флотилия
на пути в Австралию
В Ботани-Бее
Несправедливое
наказание

Подготовка к побегу
На баркасе — в океан
Спасительный
«сладкий чай»

Москва
Прогресс
1989

Нравы и обычаи аборигенов

**Большой Барьерный риф
и Лабиринт**

**Жизнь на острове
Черепахи**

Встреча с крокодилами

Охотники за головами

**Прибытие на Тимор,
разоблачение и арест**

Опять в Англию

**Неожиданное
спасение**

Введение

Несколько лет назад я путешествовал по Тихому океану, следуя по пути мятежного корабля «Баунти»¹ к далекому острову Питкэрн, где и поныне живут потомки Флетчера Кристиана и других бунтовщиков и их полинезийских жен. Лейтенанта Вильяма Блая и 18 моряков, оставшихся верными долгу, которые сами захотели или по каким-то причинам были вынуждены присоединиться к своему командиру, посадили в баркас, и на этом утлом судне опытному мореплавателю Блау удалось преодолеть расстояние в 4000 морских миль по океану от острова Тофоа в архипелаге Тонга вдоль внутренней (западной) стороны в ту пору неизвестного Большого Барьерного рифа через Торресов пролив и Арафурское море. Они добрались до голландской фактории на острове Тимор, аванпоста цивилизации, 28 апреля 1789 года.

Справа — Первая страница дневника Джеймса Мартина, написанного в лондонской тюрьме Ньюгейт. В нем описаны события, происходившие во время побега заключенных из каторжной колонии в Австралии. Они совершили беспрецедентно героическое плавание, преодолев на баркасе огромное расстояние по не изведанным в то время морям Тихого океана.

Memorandum
By James Martin
I James Martin being convicted at the
City of Exeter in the County of Devonshire
being found guilty of stealing of
16 $\frac{1}{2}$ of old Lead and 4 $\frac{1}{2}$ of old Iron
Property of Lord Courmy powderm
Pachmere Exeter. and sentence for to be
transported to Botany Bay for 7 years.
Returned from the Bar to Exeter goal 8
months. from thence and so
to there and so

После пребывания на острове Питкэрн я повторил маршрут Блая по воде и по воздуху. Вместе с австралийским ботаником Ричардом Девенпортом мы проехали от Куктауна до маленького острова в пределах массивного Барьерного рифа, где Блай и его спутники впервые увидели землю.

Это был прекрасный январский день в разгар лета Южного полушария. Глядя вниз из окна вертолета, мы оба, я и Девенпорт, ощутили, насколько велик крупнейший риф нашей планеты. Он простирается почти на 3000 километров от субтропического острова Фрейзер на юге до тропических островов в Торресовом проливе на севере, что соответствует кратчайшему расстоянию от Копенгагена до Гибралтара, однако, кроме того, риф извивается как змея, что делает его еще длиннее. Местами, как, например, у мыса Мелвилл на полуострове Кейп-Йорк, риф подступает так близко к берегу материка, что можно слышать, как отдается гул набегающих волн в чаще влажного тропического леса, но зато в других местах риф далеко отстоит от материка, например, у мыса Таунсэнд на 400 километров. В этом месте встречаются также группы других рифов, что оправдывает данное ему название — «кладбище судов». На небольшом вертолете мы подлетаем к двум рифам и проходим над ними во время отлива на высоте нескольких метров. Зеленые и красные голотурии — морские огурцы — как раз в это время высовывают верхние части тел над водной поверхностью, а бурые кружева водорослей расстилаются пучками. Сверху все это похоже на гигантский персидский ковер, зачем-то погруженный в воду. «Одно плохо: на этом ковре можно спать только до обеда», — усмехается Девенпорт и указывает вниз на красочную неразбериху. Теперь я тоже замечаю тысячи сероватых, иногда почти совсем белесых объектов, которые проглядывают среди морских огурцов, водорослей и морских звезд. Это — кораллы с еще живущими небольшими особями, окруженными миллиардами их отмерших сородичей. Одни из них похожи на наконечники стрел, другие напоминают зубы акул, третьи — сталактиты, которые, словно миниатюрные минареты, пробиваются сквозь пелену водорослей.

Машина снова взмывает ввысь, в бесконечную, пронизанную солнечным светом голубизну небес. Далеко внизу под нами виден тот проход в рифе, сквозь который Блай и его

Арне Фальк-Рёнке — известный датский писатель и путешественник, проведший несколько десятков лет в странах Тихоокеанского региона. Австралийский материк, Новая Гвинея, Новая Зеландия, пестрая мозаика островов Океании — весь этот яркий и красочный мир тропической и субтропической природы, растения и животные, а главное люди — знакомы Фальк-Рёнке в живых деталях, из которых создавалась ткань многочисленных произведений писателя. В этих работах причудливо переплетаются прошлое и настоящее, традиции и современность, романтический полет фантазии и неприкрытая правда реальной действительности. Книги Фальк-Рёнке не раз переводились в нашей стране. Особенно большую популярность завоевали две из них — «Слева по борту рай», повествующая о судьбе мятежной команды корабля «Баунти», и «Путешествие в каменный век», знакомящая с племенами, населяющими самые глухие районы Новой Гвинеи, с их нравами и обычаями, которые дают представление о жизни наших далеких предков.

Новая книга датского писателя «Где ты, рай?», вероятно, наиболее совершенная в литературном отношении, сразу же захватывает воображение читателя необычным сюжетом и подлинным драматизмом изображаемых событий и человеческих судеб. В ней мастерски выписаны характеры основных героев, каждый из которых наделен ярко индивидуальными чертами. Читатель погружается в описание полного опасностей плаванья горстки смельчаков, бежавших с каторги, по необъятным просторам Тихого океана, перелистывает страницы гражданской истории Англии конца XVIII века, знакомится с начальным периодом освоения Австралии европейцами. Интересный познавательный материал органично вписан в рамки художественного произведения, в котором ставится извечный вопрос о праве человека на свободную и счастливую жизнь.

спутники на баркасе вошли в спокойные воды. Сверху риф похож на жемчужное кольцо огромных размеров; его овал в длину превышает пятьдесят километров; мористый край отмечен сотнями белых точек и столбиков: этот прибой у коралловых островов виден с высоты нашего вертолета. Жемчужное кольцо наброшено на светло-голубой бархатный полог моря. Пилот снова направляет машину вниз, и на мгновение жемчужная цепь превращается в лунный кратер, а там внизу среди огромной массы крохотных окаменевших животных от зоны прибоя поднимается дымка водяного пара, которая колышется, словно жертвенный костер в индийском храме, над полосой белого песка, который теперь показался со стороны рифа, обращенной к лагуне.

Пилот готовится к посадке на твердый песчаный грунт поблизости от острова Ресторейшн. Мы раскачиваемся над банкой на высоте нескольких метров, снова взмываем вверх, разворачиваемся и летим обратно. Пилот мгновенно ориентируется в обстановке. Он показывает жестами нам, что песок достаточно уплотнен, чтобы вертолет мог снова подняться в воздух. В третий раз он пролетает на небольшой высоте над маленьким песчаным островом и касается земли; некоторое время колеса продолжают вращаться, выбивая плотный песок, и наконец мотор останавливается. В тот же миг несущий винт тоже поворачивается в последний раз, и этот звук гулко отдается в наших барабанных перепонках. Потом оглушительный грохот обрушивается на нас, так как риф находится совсем близко — всего лишь в нескольких сотнях метров. Здесь он состоит из двух высоких скал, напоминающих корни сломанных зубов во рту. Чуть подальше возвышаются остатки еще одного гигантского коренного зуба, окаймленные белой полосой прибоя, и затем, насколько хватает глаз, тянется низкий край кораллового рифа. На привезенной с собой резиновой надувной лодке мы осторожно гребем к острову Ресторейшн, где джунгли подступают почти к самому берегу.

Девенпорт срывает со стебля несколько продолговатых листьев и протягивает их мне. «Знаешь, что это такое? — спрашивает он. — Это листья сарсапарильи². Если бы Блаю и его спутникам было известно это растение, они бы меньше страдали от жажды, причем даже самые слабые из моряков сохранили бы свои силы и не были бы так вымотаны тропическими болезнями в Голландской Ост-Индии».

Это было мое первое знакомство с листьями кустарника сарсапарильи, или «сладкого чая», как его называли раньше. У человека, пожевавшего их, возникает ощущение насыщения, позволяющее длительное время обходиться без воды и пищи. В этом отношении есть сходство с листьями растения кока, которые жуют индейцы, живущие в Андах. Вечером в нашем лагере, устроенном на берегу, Девенпорт сварил пригоршню этих листьев, и мы пьем красно-бурую сладковатую жидкость как чай. Этот прекрасный вечер сменяется спокойной ночью, когда стихает шум прибоя (во время отлива) и шелест ветра в свисающих кронах пальм создает умиротворенность в душе.

В ту ночь у костра на острове в Большом Барьерном рифе образ Мэри Брайент вошел в мою жизнь.

Ричард Девенпорт рассказывает, что благодаря этим листьям «сладкого чая» осуществилось одно из самых рискованных предприятий в истории мореплавания. «Я имею в виду не Блая и его спутников, — говорит он. — Их плавание, конечно, было незаурядным, но ведь в конце концов на баркасе были компас и секстант, Блая считали одним из лучших капитанов того времени, а все его спутники были опытными моряками. Нет, я думаю о молодой женщине из Ботани-Бея, о Мэри Брайент, о ее двух маленьких детях и восьми других беглецах из страшной каторжной колонии, которые на небольшом баркасе бороздили эти воды среди островов и рифов через три года после плавания Блая. Правда, один из них, по слухам, раньше был пиратом в Вест-Индии и,

2
unhappy to see

Mary's Justice

Associate.
propagating the
to catch for tea

— he was employed
the Provisionary
to require in
is now seen
— that one
to Duke House,
in the Old Ho
back track — the
she was dagger
in time he was
the Woods — the
can outside the
is wife of the P.
Alan of the year
that the Provision
the first to sell
Camp, getting
back. That he
the South, for
of the year — when
— that the D
went over by
in the world
back full of

Mr. White, Provoked Surgeon relates that once at time Bryan
brought him Hope from the State to that his
House — that his opinion of Bryan is and
was, that he is strictly honest; that he was
employed in the Charlotte to some of the
Provision, I think so
To receive 100 Lashes — to be deposed of the admission of the
Feb, and the Boat — to continue in the Boat, 40
to be removed out of the Boat his crew was
4th Feb.
Mary White, for taking a boat over a Sea, on an Broadhead,
ordered to receive 25 Lashes
D. C.

7th February, 1789:—
Dorcas Hooper, for Insolence & Schism, ordered 25 Lashes
to be taken out of two of the Mrs Hooper's Justice
of the Peace, 20
Condemned } The Hooper's Justice
of the Peace }
Mary Hooper, accused of a Treason & Lashes & an half from
to Day before
D. C.

Seven Years	Bonj. ⁿ Smith	9	✓
Seven Years	Some Meach.	10	✓
Seven Years	James Martin	11	✓
Seven Years	Thomas Watson	12	✓
Seven Years	Anth'y Mayne	13	✓
Seven Years	{William Coombe or Anicbone}	14	✓
Seven Years	Sam. ^e Stambell	15	✓
Seven Years	Sam. ^e Pigott	16	✓
Seven Years	James Stott	17	✓
Seven Years	William Chaap	18	✓
Seven Years	John Ball	19	✓
Seven Years	William Plover	20	✓
Seven Years	Mary Pround	21	✓
Seven Years	Catherine Fryer	22	✓
Seven Years	{Mary Aydon als Shepphards}	23	✓

Tried at Exeter March 1786

Слева сверху — Группа заключенных, приговоренных лондонским судом к ссылке на каторжные работы в колониях в 1781 г.

В конце XVIII века в Англии интенсивно развивались капиталистические отношения. Лишенные земли крестьяне были вынуждены наниматься на мануфактуры и шахты, где подвергались жесточайшей эксплуатации. Палочная дисциплина насаждалась в армии и флоте. В стране существовали массовая безработица и преступность. Система правосудия, подчиненная интересам господствующих классов, ужесточила наказания за малейшие проступки. Тюрьмы были переполнены. Самой обычной мерой наказания была смертная казнь через повешение, которая, впрочем, нередко заменялась ссылкой на каторжные работы в заморских колониях. После провозглашения независимости Североамериканских штатов было принято решение об организации каторжной колонии Ботани-Бей в Австралии. Подлинные документы, обнаруженные автором в архивах и библиотеках нескольких стран, использовались при создании настоящей книги и придали ей остроту и пафос реальной жизни.

Слева внизу — Факсимиле протокола судебного заседания в Сиднее 4 февраля 1789 г. Один из героев книги Вильям Брайент по ложному доносу был обвинен в продаже рыбы, принадлежащей колонии, на сторону и приговорен к сотне ударов кнутом и ссылке на каторгу на остров Норфолк.

Справа — Факсимиле одной из страничек списка каторжников, отправленных в колонию Ботани-Бей в 1787 г. В самом низу значатся имена Мэри Брод и ее подруг Кэтрин Фрайер и Мэри Хейдон, а в средней части — Джеймса Мортон, который вел дневник, положенный в основу настоящей книги.

возможно, умел пользоваться квадрантом, но все же их предприятие кажется фантастически смелым. Они тоже добрались до Купанга на острове Тимор после того, как на них нападали австралийские аборигены, их преследовали канибалы на каноэ, их уносило далеко в океан. Там они сбились с пути и израсходовали весь провиант. Но они выжили благодаря собранным Мэри листьям сарсапарильи». Девенпорт закурил трубку и помешал угли костра. «Может быть, им помогло преодолеть все испытания совсем другое,— добавляет он.— Они хотели быть свободными. Эти люди выросли в обществе, где быть бедным само по себе преступление, и жили в обстановке сословных предрассудков, которые нам теперь трудно понять. Они были осуждены на смертную казнь, которая была заменена пожизненной ссылкой, за ничтожные проступки, например за кражу дюжины шелковых носовых платков, контрабандный провоз двух бочек вина без уплаты налога на таможне или угон овцы. К сожалению, мы так мало знаем о замыслах этих людей, а о Мэри и ее спутниках на баркасу известно лишь, что они наверняка добрались до Купанга. Мне кажется, что их судьба гораздо более интересна, чем участь чванливого и склонного к интригам лейтенанта Блая. И их плавание, наверное, гораздо более героическое, чем плавание Блая, поскольку эти простые люди совершили морской поход, который не всякий опытный моряк рискнет предпринять, даже напрягая все силы. Кто же они были такие и как им удалось в открытой шлюпке проплыть более 4000 морских миль? Говорят, что у них возник своеобразный ритуал, который быстро вошел в обычай. Когда им становилось особенно плохо, один из них спрашивал: «Где же рай? Я не вижу его». А другой отвечал: „Мы обязательно его найдем. Только держитесь”».

Где-то здесь на этом берегу или совсем рядом Мэри Брайент и ее товарищи устраивали лагерь. Рассказ Девенпорта о беглецах из Ботани-Бея почему-то произвел на меня неизгладимое впечатление. Может быть, этому способствовала и вся окружающая обстановка. Впервые осенью того же 1981 года я смог проверить исторические факты. Занимаясь в библиотеке имени Митчелла³ в Сиднее в связи с работой над книгой «Король острова», посвященной пребыванию датчанина Йоргена Юргенсена на каторге на Тасмании, я имел возможность просмотреть большую выборку иллюстративного материала, посвященного тому историческому периоду, когда Австралия была английской колонией, в которую ссылали каторжников. Библиотекарь выкладывал пакеты разных бумаг на стол, и, когда я открыл один из них, там оказался засушенный лист сарсапарильи. «Это недоразумение,— извинился библиотекарь,— это относится к совсем другому побегу с каторги».

Так я снова напал на след беглецов из Ботани-Бея и с тех пор стал заниматься этим делом, как детективной историей. Я хотел больше узнать о Мэри Брайент и ее товарищах прежде, чем все это обратится в пыль и забудется. Работа захватила меня. Лист «дикого сладкого чая» снова навел меня на след каторжников, бежавших на баркасе из Ботани-Бея.

Дружелюбный библиотекарь сообщил мне, что лист сарсапарильи был прислан в библиотеку имени Митчелла профессором Ф. А. Поттлом, который, разбирая архив покойного шотландского литератора Джеймса Босвела, обнаружил этот лист в одной из книг. Рядом лежала записка, которая подтверждала, что этот замечательный шотландец спас Мэри Брайент от виселицы и в знак благодарности она подарила ему эту единственную реликвию, сохранившуюся от страшного путешествия по неведомым морям. Поттл считал, что лист «чая» должен храниться на родине, в Сиднее, а не в Оксфорде, и таким образом он нашел пристанище среди старинных документов эпохи каторжной колонии в Австралии.

Как уже упоминалось выше, у меня появилось стремление к поискам: я хотел знать все, что известно о Мэри Брайент и ее товарищах по побегу. С этой

целью я снова прилетел в Австралию и в библиотеке имени Митчелла погрузился в чтение старых судебных протоколов эпохи «первой флотилии»⁴. Позднее в британских архивах я получил копию списка узников тюрьмы Ньюгейт. Таким же путем мне удалось обнаружить копию дневника, который вел один из беглецов, ирландец Джеймс Мартин, во время побега. Первоначальный текст дневника был утерян, однако, когда Мартин в качестве узника был водворен в Ньюгейт, он подготовил там рукопись под названием «Меморандум важнейших событий во время побега». С этим меморандумом, а также двумя газетными статьями (1792 года) я смог ознакомиться и на этой основе написал заключительные разделы книги, после того как посетил местности, где разворачивались основные события. Повествование о Мэри Брайент и ее побеге, разумеется, не могло быть создано без великодушной поддержки, оказанной мне сотрудниками архивов Нового Южного Уэльса и библиотеки имени Митчелла. Пользуясь случаем, я благодарю их за неизменную предупредительность и большую помощь.

*Арне Фальк-Рённе
Кассемосе-Санн, июль 1982 г.*

Примечания

¹ В 1788 г. на шлюпе «Баунти» капитан Вильям Блай отправился в Полинезию для выполнения особого поручения английского Адмиралтейства. Он должен был взять на Таити саженцы хлебного дерева и доставить на Антильские острова. Трудные условия морской службы, плохое питание, нехватка пресной воды и, главное, жестокость капитана побудили команду судна поднять мятеж. Взбунтовавшиеся матросы высадили Блая и с ним 18 членов команды, не осмелившихся нарушить корабельный устав, в баркас вместе с запасом продовольствия и пресной воды. Понимая, что о возвращении на родину не может быть и речи, так как бунта на военном корабле не прощают, моряки с «Баунти» после шести месяцев, проведенных на Таити, решили начать новую жизнь. Они разделились на две группы. Одна из них пожелала поселиться на одном из отдаленных островов Тихого океана. Матросы обманом завлекли на судно красивых таитянок и, проплыв 1300 миль, добрались до острова Питкэрн, где основали самостоятельную общину, которая существует до сих пор. Другую группу моряков с «Баунти», которая предпочла остаться на Таити, впоследствии арестовали, им было предъявлено обвинение в мятеже, большей частью малообоснованное, и всех этих лиц повесили без суда и следствия.— *Л. С.*

² Скорее всего, здесь имеется в виду хардейбергия однолистная (*Hardeubergia monophylla*). В тексте оставлено название «сарсапарилья».— *Л. С.*

³ Библиотека названа в честь Томаса Митчелла (1792—1855) — английского исследователя, который провел четыре экспедиции по Австралийским Альпам и внутренним районам Австралии.— *Л. С.*

⁴ «Первая флотилия» была отправлена в мае 1787 г. из Англии в составе 11 парусных судов, на борту которых находилось более 1000 человек, из них ³/₄ — каторжники. В январе 1788 г. корабли бросили якорь в заливе Ботани, но вскоре стоянка была перенесена немного севернее, в залив Порт-Джексон. Этот день, 26 января, считается датой основания Сиднея и официально празднуется как День Австралии.

Глава 1

Плимут, Англия, 1786 год.— Жестокость, повседневная жизнь и классовые различия в английском обществе.— Ужасные условия на судах английского флота.— Мэри Брод арестуют за воровство.— Кольцо виселиц вокруг Лондона.— 223 нарушения закона караются смертной казнью.— 300 ударов кнутом за кражу овец.— Мэри приговаривают к смертной казни, которую милостиво заменяют семью годами каторжных работ.— «Белых невольников» отправляют в Северную Америку.— В связи с войной за независимость в Северной Америке местом ссылки выбирается Новая Голландия.

1

Находясь в некотором смятении духа после двух рюмок молочного грога, почтенная Агнес Лейкмен решила отправиться из порта Плимут через неприглядные переулки портовых кварталов в дом на окраине города, где она жила вместе с братом. Мачты судов покачивались на воде, словно живой лес, а тот, кто выпил теплое молоко с джином, естественно, мог испытывать некоторую неустойчивость и на суше. Кварталы, прилегающие к порту, отнюдь не пользовались лучшей репутацией, и в этот почти весенний январский день тысячи людей толпились на узких, плохо вымощенных улицах, загрязненных различными отбросами. Брат мисс Агнес, добродетельный и деловой мистер Эдмонд, работает в одной из контор судового снабжения, которая обеспечивает капитанов торгового флота всеми видами товаров, необходимых на Золотом Берегу⁵, где погружают на суда невольников для отправки в Вест-Индию. А из Вест-Индии корабли возвращаются в Плимут с сахаром и ромом, иногда с шелком и другими красивыми тканями, это и есть так называемая «трехсторонняя торговля».

На этот раз мистер Эдмонд дешево выторговал у одного из матросов красивую шелковую косынку и подарил своей сестре. Она восхищена подарком, хотя в обычном состоянии, наверное, никогда бы не решилась надеть ее на себя среди всей этой грязи. Видимо, под бодрящим влиянием молочного грога она завязывает косынку узлом на шее и прижимает к себе сверток с двумя серебряными подсвечниками, предназначенными для капитана судна. Эдмонд должен передать их ему, когда тот снова отправится в плавание.

Плимут и Портсмут — два крупных порта английского флота и очаг смуты, которая в самом конце XVIII века переросла в массовое восстание во флоте Великобритании. Как все города этой страны, они носят отпечаток жестокости, которая была присуща всему английскому обществу и фактически привела к состоянию гражданской войны, когда социальные низы ополчились против имущих, образованных, титулованных. Люди, не имевшие образования, бедные и отверженные обществом, были обречены жить на улицах, на задворках, в жалких кабаках, где можно вволю набраться джина за шесть пенсов и затем улечься спать на полу где-нибудь в вонючем подсобном помещении. И жестокость проникла всюду. В длинных извилистых темных переулках часто полива-

ли скипидаром пойманных крыс (а их было множество) и поджигали на потеху народу. В 1792 году, когда Дэвид Тайри был осужден за измену, его казнили публично, сняли с виселицы еще живым, растянули и разорвали на четыре части. Горожан Портсмута и приезжих согнали к месту казни, чтобы они насладились этим зрелищем. Толпа прорвала ограждение, люди хватали оторванные части тела и расчленили их на еще меньшие куски. Кабатчик из Госпорта раздобыл голову казненного и выставил ее, чтобы увеличить доходы своего заведения.

Вероятно, флот, офицеры и матросы несут значительную ответственность за атмосферу грубости и жестокости, которая прочно утвердилась на военных кораблях его величества, а также на торговых судах. Рядового матроса можно бить кнутом за малейший проступок, практикуются бесчеловечные телесные наказания, людей заковывают в кандалы и бросают в трюм судна. Матросы жалуются и на питание, непостижимо плохое по современным меркам: в пищу кишат черви, а вода отдает тухлятиной. Однако главные предметы недовольства касаются жалованья и увольнения на берег. Матросам и даже офицерам платили по тарифам, утвержденным еще во времена Кромвеля. Таким образом, лейтенант Вильям Блай с корабля «Баунти» зарабатывал всего около трех шиллингов в день. Офицеры, как старшие, так и младшие, могли получить увольнение на берег, когда хотели, но рядовых матросов капитаны не решались отпускать на берег, опасаясь дезертирства. Сопоставление числа рекрутов, набранных во флот, и потерь в военный период с 1774 по 1780 год показывает, что всего было взято 175 990 рекрутов, во время прохождения службы убито 1243 человека, 18 541 «выбыл по болезни» и 42 069 дезертировали.

Из-за тысяч беглых моряков, укрывавшихся в Портсмуте и Плимуте, эти портовые города становились небезопасными «для порядочных людей». Многих дезертиров снова насильственно завербовывали, а некоторые из них обзаводились подложными увольнительными документами, которые изготавливались ловкими людьми, умевшими писать, и продавались в розницу в трактирах. Бумаги не всегда подвергались тщательному изучению. Като Мартин, матрос с судна «Долли», плававшего в Ост-Индию, показывает вербовщику увольнительную, в которой приведены его приметы — рыжеволосый и голубоглазый. На самом деле он негр, черный как смоль. Увольнительную он приобрел на стороне и поскольку сам не умел ни читать ни писать, то не знал, что там написано.

Таков Плимут, по которому в этот январский день 1786 года идет Агнес Лейкмен. Как, однако, здесь воняет! И отчего люди так орут! Веснушчатые рыжие женщины с наполненными рыбой корзинами на головах и маленькими трубками, крепко зажатыми между гнилыми зубами, оставляют шлейф скользкой рыбьей чешуи на неровных камнях улиц. В сточных канавах, которые, словно реки, текут вдоль мостовых, среди непролазной грязи проплывают корки апельсинов, дохлые крысы и тухлые рыбы головы. Двое оборванных ребятшек присели на корточках над канавой и, не стесняясь, справляют нужду.

Может быть, было бы лучше нанять носильщиков; их достаточно много, и они готовы отнести куда угодно; ее непрерывно окликает какой-нибудь носильщик, надеясь заработать: «Миледи! Миледи! Не пачкайте ваши красивые ноги. Позвольте доставить вас к вашему дому». Но Агнес Лейкмен не поддается соблазну. Вероятно, она не чересчур скупа, но понимает, что надо экономить по мелочам, чтобы скопить деньги к старости. Себя она считает старой женщиной, так как ей скоро исполнится сорок лет. Зубы у нее в ужасном состоянии, их осталось всего три, однако она утешает себя тем, что у большинства дам в ее возрасте тоже плохие зубы. Немногие мужчины пытались за ней ухаживать. Откровенно говоря, Агнес называют старой девой. Она совсем некрасива и непривлекательна: ужасно тощая и долговязая, как будто создан-

ная из сплошных линий и углов. В своем квартале она известна по прозвищу Лошадь, некоторые называют ее также «богатой лошадью». Тот, кто в этот день наблюдает, как она, спотыкаясь, ковыляет по грязи, должен также признать, что ее грубое вытянутое лицо под красивой шелковой косынкой сильно напоминает морду усталой лошади.

2

Три молодые девушки увидели Лошадь. Они стоят, прислонившись к стене, поблизости от общественного колодца. Мимо проходят разные люди, преимущественно не из благородных сословий: служанки, ищущие работу, но тем не менее имеющие достаточно времени, чтобы восхищаться спесивыми лакеями в ярких ливреях; бойкие посыльные и медлительные тунеядцы; дамы легкого поведения, вышедшие подцепить клиентов; вербовщики кадров для королевского флота, словно работоторговцы, они не упустят случай сбить с ног какого-нибудь молодого человека и затащить его на борт корабля, где капитан покупает молодых парней, которых можно продать как слуг (этот термин применяется для обозначения беглых невольников в североамериканских колониях, которые недавно дерзнули назваться «свободными штатами»); старые евреи в меховых шапках, торгующие шнурками для обуви; девочки и мальчики, которых посылают к колодцу, чтобы они принесли полные ведра воды.

Мэри Брод и две ее подруги, Кэтрин Фрайер и Мэри Хейдон, которую зовут также Мэри-Пастушка, несколько месяцев назад появились в Плимуте. Они уроженки деревень Корнуолла. Сама Мэри родом из небольшой общины Фовей, ее отец — рыбак. Несмотря на все, что ей пришлось испытать в Плимуте, у нее сохранился веселый блеск в глазах. В свои 22 года, имея привлекательную внешность, она вполне могла бы пополнить ряды куртизанок. Но она вовсе этого не хочет и не отзывается на подобные предложения. Ведь Мэри, так же как и ее подруги, отправилась в большой город, надеясь получить работу, приличный заработок. Первоначально она мечтала стать портнихой и шить платья дамам высшего света, но невозможно найти такую работу. Вместо этого пришлось стать камеристкой у благородной дамы в Девоншире, но она сбежала с этой службы, а дома, в Фовее, тоже не было работы.

Английские земельные законы, которые вступили в силу еще во время правления королевы Елизаветы, теперь впервые привели к наглядным результатам. Благородные феодалы всюду прибрали к рукам большую часть земель и превратили их в пастбища для овец, одновременно расширив площади своих охотничьих угодий. Крестьян вынуждали продавать землю, часто себе в ущерб, и в сельской местности не находилось работы для молодых людей. Тем, кого не привлекал невольничий труд на прядильных фабриках и кто не хотел работать в угольных шахтах, где 7—8-летние мальчики толкали вагонетки ногами и руками, была уготована жизнь в крайней нищете.

Положение в стране походит на гражданскую войну между богатыми и бедными. На больших дорогах орудуют разбойники, а в городах — шайки карманников; каждый человек в опрятной одежде подвергается риску быть ограбленным. Перед въездом в города установлены деревянные скелеты виселиц, над которыми кружат стаи черных воронов, рвущих трупы повешенных преступников. На реях судов в порту тоже качаются несчастные, застигнутые на месте преступления. Не менее 223 нарушений закона караются смертной казнью, в том числе карманное воровство, кража со взломом, убийство, ограбление дома на сумму более 40 шиллингов, отправление писем с угрозами, выкапывание деревьев из частных садов и на улицах, разорение шестов в посевах хмеля, мятеж и дезертирство, изнасилование, преступление норм нравств-

венности, похищение наследника, разрушение прудов для рыбы, нанесение увечий скоту, изготовление фальшивых документов и банкнотов, морское пиратство, кража лошадей и других видов скота, кража белья или одежды стоимостью свыше 40 шиллингов, незаконное возвращение из ссылки, утаение смерти незаконнорожденного ребенка, измена, святотатство.

Бедные по необходимости вынуждены преступать букву закона, и к ним повседневно обращены цинизм и бесцеремонность властей. Даже самое маленькое нарушение закона карается поркой, например невежливый ответ слуги дворянину или невнимательность матроса во время прохождения службы. Триста ударов кнутом вряд ли могут вынести многие здоровые мужчины, такая кара причитается за кражу овцы; за браконьерство наверняка полагается виселица, причем не играет никакой роли, кто совершил преступление: молодой человек лет двадцати или подросток. Ведь он преступник, грех бродит в его крови. Пятнадцатилетние мальчишки раскачиваются на виселицах Плимута.

Поверьте, что боязнь таких ужасных наказаний удерживает Мэри Брод и ее двух подруг от занятия тем, что мы теперь довольно скромно называем воровством. Однако девушки три дня не ели, и в преуспевающей Англии, где еды хватило бы на всех, ежедневно люди умирают от голода. Когда предоставлен выбор между тем, чтобы умереть от голода или умереть на виселице, разница не очень велика. Теперь взгляните на тощую костлявую старую деву с лошадиным лицом, с красивой шелковой косынкой и свертком в руке. Края косынки развеваются на ветру. Не требуется особой сноровки, чтобы сорвать эту косынку и быстро убежать с ней. Она наверняка стоит не менее пяти шиллингов. А на пять шиллингов три человека могут прокормиться много дней, да еще в придачу получить кувшин доброго хмельного пива. Но почему у нее такая неуверенная походка? Не исключено, что она утром пропустила рюмку водки в портовом квартале. Она направляется в темный переулочек, и, как только в него войдет, можно осуществить замысел.

Три девушки сразу принимают единодушное решение. Мэри сорвет шелковую косынку, Кэтрин и Мэри Хейдон попробуют вырвать сверток. В переулочке довольно темно, но там также очень тесно. В это время как раз прогоняют стадо свиной вниз по переулочку, и людям приходится расступаться во все стороны. Агнес Лейкмен отходит к стене дома, и этот момент Мэри использует, чтобы сорвать с нее косынку. Кэтрин проползает между ногами толстого господина и снизу резким движением вырывает у нее сверток, затем перебрасывает его Мэри Хейдон, и в тот же миг три девушки быстро проносятся сквозь толпу людей подальше от места преступления.

Агнес раздражается истерическим воплем, который заглушает грохот телег и крики продавцов, расхваливающих свой товар. «Меня обокрали,— орет она.— Меня хотели убить». Но это не производит никакого впечатления, пока сиплый голос не объявляет: «Даю крону тому, кто поймает вора».

Крона, целых пять шиллингов,— это состояние для многих людей, находящихся в переулочке. Маленький юркий сапожник бросает то, что у него было в руках, и пускается в погоню за воровками. Если он получит вознаграждение, то сможет кормить свою семью, немощную мать, кашляющую жену и четырех тощих ребятишек, целую неделю. Две долговязые немолодые проститутки, которые пытались скрыть свои оспины столь многими кремами и румянами, что больше напоминают клоунов, чем женщин, причмокивают языком при мысли о том, сколько джина можно приобрести на крону. И они тоже бросаются в погоню за девушками. За ними устремляются многие другие. Там и сям среди разного рода товаров идет дикая охота. Кэтрин удаётся пнуть ногой телегу лудильщика с кастрюлями, горшками и сковородами, так что вся эта посуда вываливается в грязь переулочка. Кто-то толкнул старую бабу, несущую на голове плоскодонную корзину с живыми угрями, содержимое корзины

соскользнуло вниз и лежит в липкой жиже. Угри обвилились вокруг шеи и плеч одной из рябых проституток, которая разразилась потоком грязной брани. Теперь большинство людей в переулке участвует в погоне. У трех девушек мало шансов ускользнуть, поскольку пронзительный крик «Держите воровок!» распространяется в толпе, словно огонь, который бежит быстрее, чем девушки. Из одного переулка они бросаются в другой, который выходит в грязный двор, и попадают в узкий проход, заканчивающийся высоким зеленым дощатым забором. Они запутываются в своих юбках, перелезая через забор. Однако это удается только Мэри Хейдон; Кэтрин и Мэри схватывают, и на них обрушивается град ругани, плевков и пинков. Через несколько минут Мэри Хейдон тоже поймана, и их всех ведут к мисс Агнес.

Возникает новое, непредвиденное осложнение. Кто получит обещанные пять шиллингов? Сапожник и одна из рябых проституток затевают драку, причем удары сопровождаются отборной руганью. Много других добрых людей тоже претендуют на получение награды. Гнев обращается от трех девиц на мисс Агнес. «Ты костлявая старая кляча! — кричит одна из женщин легкого поведения и плюет ей прямо в лицо. — Ты намереваешься обмануть порядочную даму и утаить положенное вознаграждение».

Но вот вооруженный человек прокладывает себе путь сквозь толпу, и плотный мужчина с пистолетом за поясом и саблей в руке требует объяснить, что здесь происходит. Это один из констеблей городского шерифа, его сопровождают шесть солдат, которые быстро разгоняют толпу и одевают наручники Мэри, Кэтрин и Мэри Хейдон.

«Арестуйте трех воровок, — говорит мисс Агнес. — Они пытались украсть мой головной убор и серебряные подсвечники, которые я несла в свертке». Она наклоняется поднять сверток и тут обнаруживает, что вместо подсвечников в нем лежат две головки сыра. Пронзительным голосом она вопит: «Констебль, вокруг нас воры, арестуйте их всех...»

После этого переулочек сразу становится безлюдным, помощник шерифа и солдаты препровождают трех арестованных девушек в городскую тюрьму. Мэри успевает рассказать мисс Агнес, что ни она, ни ее подруги не крали подсвечники. «Позвольте нам убежать, — просит она. — Миледи, мы решились на кражу только потому, что были голодны».

«Позволить вам убежать! — Мисс Агнес раздражается дьявольским смехом. — Нет, вы посягнули на то, что я заработала. Обещаю вам, я сама выйду посмотреть, как вы качаетесь на виселице».

3

Через два месяца, 20 марта, в его величества год 1786, Мэри Брод (ее фамилию сонный невнимательный писец между тем превратил в Браунд) и ее двух подруг привели к его милости сэру Джеймсу Эйру, судье Эксетерского суда, высокопоставленному господину, чья толщина была равна его длине; под его серо-белым париком трепыхалось розовое лицо, потное и упитанное, чем-то похожее на ветчину. Его милость известен как «мастер виселиц», так как он никогда не упускал возможность уклониться от приговора к смертной казни через повешение. Он член судейской коллегии, которая прозвана «счастье кнута», так как она приговаривает к порке за малейший проступок: 13-летний мальчик, который по тогдашнему обычаю вылил ранним утром содержимое ночного горшка из окна третьего этажа на улицу и, к несчастью, попал в возвращающегося домой дворянина, наказывается сотней ударов кнутом; 72-летний служащий береговой охраны при высадке на берег из лодки нечаянно толкнул толстого священника, и помазанник божий оказался в том месте гавани Плимута, куда стекают воды городской канализации, за это виновник должен по-

нести наказание в 50 ударов кнутом по голой спине. Мальчики и молодые мужчины, которые, находясь в городской толпе, не успевают быстро уступить дорогу, когда мимо проносят благородного джентльмена на носилках, должны ощутить безжалостный кнут на своей коже. Для человека из простого народа это привычно, так как его спина имеет опыт общения с властью имущими. Зато джентльмена нельзя трогать, поскольку на него распространяются совсем иные законы.

Мэри и ее две подруги принадлежат к сословию, которое стоит ниже мужчин из простонародья. Они относятся к женскому пролетариату, таких нарушительниц закона редко приговаривают к наказанию кнутом, но они плотно заполняют тюрьмы и тюремные суда, а иногда их продают как служанок в Америку.

«Мастер виселиц» выглядит усталым в то утро, когда он должен судить трех девушек. Он играл в карты в доме сэра Бомонта Хатема до поздней ночи, и там было выпито немало доброго портвейна. Мудрому господину не везло в игре. Он проиграл 12 фунтов, и это, что ни говори, для него ощутимая сумма. А здесь перед ним — эти мерзкие особы, которые пытались украсть у порядочной, хотя и вряд ли особенно интересной, старой девы новую шелковую косынку и два серебряных подсвечника. Он надевает пенсне с некоторым затруднением, так как его милость ощущает дрожь в руках после выпитого ночью портвейна, и пытается отыскать оценку похищенных вещей. «Шелковая косынка стоимостью 12 пенсов, два серебряных подсвечника стоимостью 11 фунтов стерлингов и 11 шиллингов». Это как раз сумма, которую он проиграл за карточным столом. Ведь это маленькое состояние. Британское общество погибнет, если подобным распущенным женщинам позволят нападать на добропорядочных граждан. Его светлость уходит в помещение, находящееся за залом суда, и помощник, верная правая рука, подходит, ковыляя, со стаканом и бутылкой портвейна. Без слов он наливает, и без слов «мастер виселиц» опрокидывает в себя содержимое стакана.

Отдохнув в течение продолжительного времени в уборной и еще пару раз проконсультировавшись с бутылкой портвейна, он возвращается с большим трудом в помещение суда, привычным движением с достоинством напяливает черную шапочку на парик и хриплым голосом произносит приговор:

«Женщины Мэри Браунд, Кэтрин Фрайер и Мэри Хэйдон, она же Мэри-Пастушка, приговариваются к смерти через повешение за нападением на достойную мисс Агнес Лейкмен и кражу шелковой косынки и двух серебряных подсвечников, принадлежащих названной даме, общей стоимостью 11 фунтов, 11 шиллингов и 12 пенсов. Из городской тюрьмы преступницы будут направлены на каторжный корабль «Дюнкерк», стоящий на рейде Плимута, где они будут находиться, вплоть до дальнейшего уведомления о дате и месте казни. Упокой, боже милостивый, их души».

С сильным грохотом его светлость поднимается и быстро покидает зал суда, чтобы вернуться к бутылке портвейна.

Однако затем оглашается выписка из судебного протокола, откуда следует, что его величество король своей милостью амнистирует трех женщин и также других крупных правонарушителей и заменяет им смертную казнь ссылкой «в наши владения на другой стороне света» сроком на семь лет.

Мэри и ее две подруги не совсем теряют надежду: по слухам, многих ссыльных посылают в Америку в качестве слуг, и, по правде говоря, лучше оставаться живым невольником в североамериканских колониях, чем тут болтаться в петле на виселице. Ведь они привлекательные молодые женщины, и, может, все удастся, если они смогут произвести впечатление на мужчин там, на чужбине, и в жизни появится что-то лучшее, чем жалкое существование в грязных кварталах Плимута.

Однако именно в эти годы американские колонии отделились от метрополии и превратились в Североамериканские свободные штаты.

Трудно судить о том, что знали три девушки о политической обстановке, но для британских властей, во всяком случае, стало ясно, что Америку больше нельзя использовать как место для ссылки преступников из Великобритании. Бенджамин Франклин откровенно заявил, что опорожнение содержимого английских тюрем на американскую землю соответствует тому, как «если бы англичане выливали бы содержимое своих ночных горшков на наши обеденные столы». По его словам, посылать гремучих змей с судами обратно в Англию в надежде, что они утратят свою ядовитую природу во время пребывания по другую сторону Атлантики,— это то же самое, что и надежды английских властей на исправление преступников на американской почве.

Правительство в Лондоне поставлено в трудное положение, так как переполненность тюрем и тюремных судов сделала их настоящими рассадниками заразных болезней и множества уголовных преступников. На протяжении столетий правительство избавлялось от правонарушителей, высылая «белых невольников», которых называли слугами и отличали от черных рабов. Еще в правление Елизаветы II парламент в 1597 году принял закон, разрешавший отправлять хулиганов, бродяг и нищих в Новый Свет. В 1665 году 11 приговоренным к смерти преступникам в Миддлсексе предоставили выбор между виселицей и ссылкой в качестве невольников на каторжные работы. С 1717 года органы правосудия во всей Англии приговаривают разбойников, вымогателей и взломщиков к виселице, но в половине случаев смертная казнь заменялась ссылкой. Может, это делалось потому, что там, в Северной Америке, была потребность в белых невольниках. На аукционах в Виргинии их продавали тем, кто предлагал более высокую цену. В объявлении, помещенном в виргинской газете в середине семнадцатого века, можно прочитать: «10 слуг и 1 женщина предлагаются для продажи с корабля «Лавли», стоящего на рейде у верфи в Уидуу-Аллене. Там же продается превосходный стерширский сыр по цене восемь пенсов за фунт». Мужчины-невольники, которые могут хорошо работать, предлагаются за 10 фунтов. Искусные ремесленники, например плотники и кузнецы, оцениваются от 15 до 25 фунтов. Впрочем, когда дело касается молодых красивых женщин, цены повышаются. Около 1760 года колонист в Мэриленде пишет: «Новая нация нуждается в рабочей силе. Для Северной Америки лучше принимать белых слуг, чем черных рабов». И таково общее мнение.

Нарушения закона, которые наказывались ссылкой, поражали крайностями: это могли быть кража пары брюк, мелкое карманное воровство, кража мешка моркови, порча стога сена или просто бродяжничество, но, например, такой разбойник с большой дороги, как страшный Джек Шеппард, которого должны были бы четвертовать или отрубить голову, был послан в Америку для продажи в качестве слуги. Ту же участь разделил известный адвокат, которого застigli на месте преступления: он воровал книги в Тринити-колледже в Кембридже. Было интересно наблюдать за его отправкой на корабль: его огромный багаж доставили на трех экипажах; в пути его кормили за одним столом с капитаном, с которым он также разделял каюту. Там он разместил большой запас спиртных напитков, и поэтому в них ни он, ни капитан, ни судовые офицеры не испытывали недостатка во время плавания через Атлантику.

Однако теперь, когда Северная Америка утрачена для англичан, им пришлось искать другое место для ссылки преступников. В парламент вносились на этот счет разные предложения. Одно из них сводилось к тому, чтобы обменивать преступников на узников-христиан, содержащихся мусульманами в застенках варварских стран. Другие предлагали создать каторжную колонию в Гамбии,

чтобы отправлять туда правонарушителей на работорговых судах и обменивать их на Золотом Берегу на черных рабов, которых можно продать в Вест-Индии, а на вырученные деньги приобрести сахарный тростник и ром. Предложения рассматриваются в палате общин. Там обсуждалась и возможность использования Новой Зеландии как места каторги. Однако это предложение тоже было отвергнуто с мотивировкой, что тамошние маори — людоеды.

Ученый-ботаник Джозеф Бэнкс первый употребил название «Новая Голландия» для обозначения современной Австралии. Он посетил ее вместе с Джеймсом Куком на корабле «Индевор» и выходил на берег залива, который, по его словам, можно считать «ботаническим чудом» из-за обилия неизвестных в Европе растений. Поэтому он дал ему название «Ботани-Бей» — залив Ботани⁵. Помимо изумления от множества новых растений, Бэнкс не выразил особых восторгов. Его, например, не удовлетворило качество почв и ограниченность запасов свежей питьевой воды. Странно, что этот человек, такой благородный и задававший тон в правительственных кругах как эксперт в сфере науки, по-видимому, не обратил внимания, что ни одно из собранных семян не давало плоды или зерно, составляющие основу питания людей. Возможно, время и расстояние создали в воображении Бэнкса ореол привлекательности вокруг этой местности, и он почему-то решил, что, если колонисты привезут с собой семена и зерно, район вокруг залива Ботани отлично подойдет как место ссылки. Так было найдено место, куда Великобритания на протяжении жизни двух поколений будет отправлять нежелательных лиц. Поэтому название «Ботани-Бей» стало символом бессердечности и жестокости, а слово «ботаник» быстро превратилось в одно из ругательств в английском языке.

Палата общин одобрила предложение Бэнкса, и министр внутренних дел лорд Сидней в Августе 1786 года оповестил, что его величество милостиво пожелал выбрать Ботани-Бей как место ссылки и флотилия с преступниками в ближайшее время отправится в новую колонию его величества.

Примечания

⁵ Золотой Берег — территория в Западной Африке у Гвинейского залива, населенная народностями ашанти, эве, люси, га и другими, которые несколько столетий вели борьбу с английскими колонизаторами. В 1957 г. на территории Золотого Берега и западной части соседнего Того образовалась республика Гана.— *Л. С.*

⁶ Экспедиция Кука находилась в районе Ботани-Бей с 20 апреля до 6 мая 1770 г. Здесь впервые произошла встреча европейцев с австралийскими аборигенами.— *Л. С.*

Глава 2

Обстановка на тюремном корабле «Дюнкерк». — «Индианка» Бетти и ее прошлое. — Тоска по раю Руссо. — Винная Бутылка. — Мэри встречает Вильяма Брайента, Джеймса Кокса и Джеймса Мартина, прозванного Писателем.

1

Известный литератор того времени доктор Сэмюэл Джонсон, который так проникновенно писал о том, что волновало литературные салоны, разделяя точку зрения аристократов о необходимости строгого наказания простолудинов, которых злая судьба заставила преступить закон. «Давайте займемся ими. Смертная казнь рассчитана на то, чтобы привлечь зрителей, — замечает он. — Без этого массового зрелища цель не будет достигнута. Старый прием (вспарывать живот и вываливать внутренности на лицо преступника, пока он еще жив) самый подходящий для всех участников. Почему мы от него отказались?» Джонсон оправдывает и необходимость порки кнутом, а, говоря о преступниках, приговоренных к принудительным работам на тюремных судах, почтенный ученый муж выражает откровенное удивление: «Я не могу понять, в чем заключается их наказание; ведь, если бы они никогда не занимались воровством, им пришлось бы так же много работать. В настоящее время они только работают и, следовательно, отличаются от честных людей лишь тем, что раньше крали, а само пребывание в тюрьме не имеет значения».

Доктор Джонсон вряд ли когда-нибудь бывал на борту хотя бы одного из многочисленных тюремных судов, куда осужденных набивали как сельдь в бочку, потому что власти не знали, где их разместить. Старые, давно отслужившие свой век суда стоят на рейдах крупнейших портов Англии, без мачт и деревянных покрытий палуб, полусгнившие и зловонные; они вмещают такую массу несчастных узников, что мужчины, женщины и дети, попадая в эту обстановку, болеют и умирают. Здесь живут психически больные и слабоумные бок о бок с матерыми старыми преступниками, мальчишками, стянувшими несколько яблок из лавки уличного торговца, невинными девушками, которые не смогли побороть соблазн нарядиться в хозяйкины платья и отправиться в таком виде на прогулку в город, и вульгарными пожилыми проститутками, которые отдаются любому мужчине за стакан джина и заражают венерической болезнью, известной под названием «турецкая музыка».

На такой тюремный корабль «Дюнкерк» попадает Мэри. Она обречена влачить здесь жалкое существование, пока ее не сошлют в земли его величества на другом конце света. Ее подруг, Мэри Хейдон и Кэтрин Фрайер, от-

правляют на другой тюремный корабль, и Мэри становится совсем одинока. На какой-то момент она падает духом и думает, что лучше бы ее повесили, чем заживо гнить на «Дюнкерке». Но она еще так молода и имеет приятную внешность. Она прислушивается к тем, кто вполне приспособился к той странной обстановке, в которой ей придется долго находиться, и скоро приобретает некоторые навыки.

Впрочем, вначале все было плохо. Когда ее вместе с другими женщинами, осужденными на каторгу, подвели к барже, которая должна была доставить их на «Дюнкерк», невысокая плотная женщина приказала построиться в длинную шеренгу и выложить перед собой узелки с вещами. Пронзительным голосом надзирательница заявила: «Меня зовут мисс Энни Крофтли. Постарайтесь не забыть мое имя, так как отныне вы подчиняетесь мне. Хотя вы всего лишь куча грязных воровок, как женщин вас освободят от железных оков. А их у нас множество видов. Давайте я покажу вам некоторые из них, чтобы потом вы не говорили, что вас не предупреждали».

Она подает знак двум женщинам, находящимся позади нее с большим кожаным чемоданом. Девушка, стоящая рядом с Мэри, успевает шепнуть: «Это две любимицы нашей Обезьяны, такие же заключенные, как и мы, но они еще отвратительнее, чем сама Обезьяна!»

Каждая из женщин вытаскивает по несколько цепей из чемодана длиной около полуметра и с двумя запорами. «Смотрите, девушки,— кричит Обезьяна, и в ее голосе звучит радость,— это обычные наручники. Безобидная, широко употребляемая цепь, которую носят мужчины. Это, так сказать, их орденская лента». Она заливается непродолжительным раскатистым смехом, который завершается хриплым кашлем. Ее помощницы криво улыбаются. «Унесите ее, мои голубки, и позвольте нам теперь показать дамам нечто более миниатюрное. Вот это, например, ножные кандалы!» Тем временем женщины подносят более короткую и мощную цепь. «Если я встречу вас с каким-нибудь мужчиной на нашем «Повелителе крыс», вы быстро научитесь понимать, почему такое название дано «Дюнкерку», ваши ноги будут закованы в эту цепь, которая не позволяет их даже немного раздвинуть». Здесь Обезьяна снова раздражается приступом кашля. «А теперь мы покажем те страшные вещи, которые предназначены для простофиль, которые пытаются сбежать. Поэтому учтите, милые дамы, побег с «Повелителя крыс» невозможен. За это полагается самое жестокое наказание, и вас унесет сладостный ветер смерти!»

На кривую цепь, которая теперь демонстрируется, страшно смотреть. Она достигает метра в длину и заканчивается ошейником с длинными шипами; у несчастного одновременно сковывают ноги, руки и шею, и он может сидеть только согнувшись в неудобном положении, пока не снимут цепь. Наконец ее убирают в кожаный чемодан и вытаскивают из него на свет божий последний предмет, это орудие порки — кнут с кожаными полосками. «Это мой добрый друг Резвый Джек,— говорит Обезьяна.— Я редко достаю его, но, когда это случается, уж он порезвится на ваших спинах. Так что ведите себя так, чтобы мне не приходилось приглашать Резвого Джека на танец. Вот, пока все. Теперь позвольте, дамы, пригласить вас на баржи, чтобы ехать в ваш будущий дом. Добро пожаловать!»

Когда баржа подошла к борту «Дюнкерка», Мэри впервые услышала звук, который затем будет преследовать ее днем и ночью: звон и ляг цепей, которые носили каторжники. Мэри прежде слышала похожий звук, но в совсем иной обстановке. У ее дяди, брата матери, было свое хозяйство. Хотя землю отнял местный помещик, но в хлеву еще оставались коровы; они были привязаны цепями к решеткам стойл, и этот звенящий звук встречал ее, когда она входила в хлев.

Однако здесь цепями скованы люди. Некоторые из них прожили так пять

лет среди отталкивающей вони немых тел и тухлой воды. Каждое утро зимой еще до рассвета они сползали со своих деревянных нар, где спали в три яруса, и становились в ряд, пригнув головы в проходе, так как на средней палубе помещение такое низкое, что взрослый человек не может распрямиться во весь рост. Они выпивали жидкую молочную кашу и съедали ломтик черствого хлеба. Затем их сковывали цепями вместе и на баржах отвозили к месту работы, где они, находясь по колена в грязи и воде, занимались строительством насыпи для новых портовых причалов и дамб. Вечером арестантов отводили обратно на судно, и они, изможденные, заваливались на койки в ожидании следующего дня. Их охранники получали ничтожное жалование, но не могли устроиться на другую работу, некоторые из них спивались и озлоблялись, но тем не менее лихо брали взятки.

На этом невольничьем судне так же, как и на многих других (их насчитывалось более ста), стоявших на рейдах английских портов, можно было получить и несколько лучшие условия, если имелись деньги, чтобы заплатить охраннику. У узника могут быть знакомые, и тогда появляется шанс достать несколько шиллингов во время работ на берегу и дать пенни стражнику, а у молодых женщин и без денег имеются другие возможности улучшить свое положение на борту «Повелителя крыс».

2

Однако поначалу Мэри всего этого не знает. Помещение для женщин находится на средней палубе. Сюда загоняют 24 новеньких, железная дверь захлопывается за ними, и Обезьяна представляет их «старожилам», которых более полусотни. Они только что вернулись с работы по разборке старых тросов. Две группы женщин некоторое время наблюдают одна за другой. Наконец одна из старожилок нарушает молчание и говорит: «Ну, что вы в нас увидели?» Никто из новеньких не знает, что ответить. Та же женщина продолжает: «Разве Обезьяна не сказала вам, что мы распределяем койки и надо, чтобы новенькие нас отблагодарили. Как насчет бутылки джина?»

Однако ни у кого нет ни джина, ни какого-нибудь другого подарка. Одна из старожилок по прозвищу Барышня Бетти хватает узелок у Мэри: «Посмотрим, что у тебя там. Может, найдется что-нибудь в качестве подарка?»

Однако Мэри вовсе не собирается отдавать единственное, что у нее есть. Она тянет узелок к себе, и тогда Бетти толкает ее и бьет кулаком по лицу. Через несколько секунд начинается драка среди женщин. Одни из них привыкли к такому порядку, где все решается силой, тогда как другие пытаются защитить свои пожитки.

Пронзительный звук проникает сквозь крики и вопли. Внезапно воцаряется тишина, и только поодаль слышится бряцание цепей.

Голос Обезьяны заполняет самые дальние углы средней палубы. «Кто затеял драку? Это, как всегда, ты «индианка» Бетти?»

Бетти подбегает к решетке.

«Бог видит, мадам,— ухмыляется она,— это не я, это новенькая». И она указывает на Мэри.

Обезьяна кричит: «Подойди сюда ко мне, дерзкая девчонка».

Мэри осторожно приближается. «Она хотела взять мои вещи, а это все, что у меня есть»,— объясняет она.

Обезьяна открывает люк в решетке, и Мэри стоит прямо перед ней, она протягивает руку и дает увесистую затрещину, так что девушка падает навзничь.

«Обращаясь ко мне, надо говорить «мадам». Понятно? Я больше не желаю

разговаривать с тобой. Бетти, позаботься о распределении коек. И боже избави, если я еще услышу у вас шум этой ночью».

Мэри долго лежит на разохшемся полуистлевшем полу. Спустя некоторое время, когда женщины уgomонились, одна из них подползает к ней с влажной губкой и смывает с лица кровь. Это совсем маленький человечек, похожий на растрепанного птенца. Она вряд ли больше полутора метров ростом, лицо ее смертельно бледное, а голос с присвистом. «Теперь я помогу тебе забраться на койку,— шепчет она.— Здесь не всегда так скверно, как сегодня. Мы работали на улице и весь день распутывали старые канаты. От этого некоторые из нас совсем обезумели и перестали соображать, тем более что никого из продавцов джина не было поблизости. Утром все будет совсем иначе. Вот увидишь».

Маленькая женщина вполне сочувствует Мэри. Она осторожно укладывает ее спать на нары, накрывает старым одеялом и шепчет свое имя: «Меня зовут Энн Смит. Я хочу, чтобы ты меня называла просто Энн. Многие зовут меня Змейкой, но я не отзываюсь на эту кличку. Я получила ее за то, что помогала Петеру Лягушатнику залезать в узкие окна, куда другие не могли протиснуться. Нас обоих приговорили к повешению. Ты тоже должна была болтаться на виселице?»

Мэри кивает и начинает плакать.

«Ну не надо, утри слезы. Петер говорит, что, как только нас привезут к месту ссылки, мы убежим и никто нас не удержит. Его не проведешь, моего Петера. Он француз, его зовут Пьер Парри, но здесь его называют Лягушатником, потому что они считают, что все французы едят лягушек. Здесь, на «Повелителе крыс», есть люди, которых приговорили к каторге более пяти лет назад, а они все еще здесь работают».

«Но почему их не отправляют к месту назначения?»

«Петер говорит, что мятежники в Америке совершили переворот и поэтому нас не могут больше посылать к индейцам. Однако до него дошли слухи, что нас сошлют в Новую Голландию».

Это название Мэри Брод слышит впервые. «Она находится по другую сторону Ла-Манша, по соседству с Голландией?»

Энн тихо смехается. «Привет! Если Новая Голландия была бы расположена так близко от преуспевающей Голландии, то Петеру и мне удалось бы быстро смотаться в Париж. Но к сожалению, Новая Голландия находится так далеко, что никто не может дойти до этой страны. Ты никогда не слыхала о человеке по фамилии Кук? Конечно, нет. Это он открыл Новую Голландию несколько лет назад, и, чтобы туда добраться, надо плыть несколько лет, и часть времени через большое море, где плавают огромные ледяные горы — айсберги. А в Новой Голландии живут людоеды, и летом там ужасно холодно, а зимой очень тепло. Там все совсем не так, как у нас. И именно туда нас ссылают».

«Нас там продадут людоедам?»

«Об этом я ничего не знаю, но это не твоя забота, моя дорогая, поскольку ни ты, ни я, ни другие женщины здесь на средней палубе точно не знают, в какое место нас хотят отправить. Когда ты встретишь Билла Контрабандиста, может быть, он расскажет тебе, что будет с нами».

«Но ведь здесь только одни женщины, как же я увижу этого мужчину?»

«Жди и присматривайся. Все решается не на средней палубе, как хотят Обезьяна и ее помощницы. Тебе надо только подружиться с Биллом Контрабандистом, и тогда жизнь не будет такой невыносимой, как тебе теперь кажется».

«Но ведь она меня ударила, Обезьяна, хотя я ей ничего не сделала».

«Понимаешь, Обезьяна должна поддерживать уважение к себе. Если женщины поймут, что она утратила хоть маленькую долю своего авторитета, она не сможет управлять ими. Ведь женщины, с которыми ты спишь в одном

помещении, не самые лучшие чада божьи. Три самые отчаянные из проституток Плимута спят через четыре койки от тебя. Одна из них «индианка», а за что ее так прозвали, я тебе потом расскажу. Обезьяна тоже ее довольно сильно боится, но еще больше она боится Билла. Завтра я расскажу тебе подробнее об этом, а теперь постарайся немного поспать».

3

Прошла целая неделя, прежде чем Мэри привыкла к жизни на борту «Повелителя крыс» и к режиму работы на берегу. Однако она быстро познакомилась с другими узниками и поняла, что Бетти совсем не такая плохая, какой казалась вначале. По ее опухшей физиономии можно было судить о пристрастии к джину, но сохранились и следы былой красоты. Бетти была одной из самых популярных «индианок» в известном доме свиданий миссис Хейес, организованном для лондонских аристократов. За эту репутацию она должна благодарить открытие Таити Куком.

Наибольшее впечатление на англичан произвело не открытие Новой Голландии с заливом Ботани, а пребывание Кука на Отахейте (как тогда называли Таити) и особенно составленное Куком и Бэнксом описание нравов местного населения.

Слово «индейцы», применявшееся ко всем аборигенам, кроме негров, по смыслу очень близко соответствовало «благородным дикарям» Жана Жака Руссо. При этом принималось допущение, что, как только люди освободятся от пагубных оков цивилизации, они станут вести райский образ жизни. Чем же отличались индейцы Отахейте от жителей Англии? Они не ведали различий между джентльменом и простолюдином, офицером и матросом. При подходе судна на берегу раздавался барабанный бой, на воду спускали лодки, и гребцы направлялись к большим деревянным судам, чтобы молодые женщины приветствовали чужеземцев. Женщины стояли в лодках, одетые только в лубяные юбки, при этом они вертели задами и кричали от восторга на таитянский манер. Словно молнии, они поднимались на корабль по веревочным лестницам, перебирались через поручни и прыгали прямо в объятия матросов и офицеров, нисколько не думая о том, с кем из них разделить ложе на корме или за мачтой; впрочем, некоторые детали они скоро выяснили. Они не знали власти поцелуя, но прижимали свой нос к носу гостя, не обращая внимания на его сословие и должность. В европейском понимании поведение этих женщин было непристойным: не оставалось никакого сомнения в том, какова была цель их пребывания на борту корабля. Но они предоставляли все, о чем мечтали мужчины, находясь много месяцев в плавании. Врач Джон Хоуксворт живо описывал, как молодые мужчины и женщины открыто совокупляются на глазах у зрителей, которые отпускают им добрые советы. При этом девочки 11 лет получают сексуальное образование. Несколько располневшая таитянская королева Обереа, с которой Джозеф Бэнкс неоднократно разделял ложе из пандапуса, руководила публичными праздниками, посвященными Венере.

Миссис Шарлотта Хейес, чей элегантный бордель находился на углу площади Кингз-Плейс и улицы Пэлл-Мэлл, стала устраивать таитянские праздники в честь Венеры в зимнем Лондоне. Она направляла своим клиентам приглашения такого рода: «Миссис Хейес свидетельствует свое почтение лорду X и извещает его милость, что в 7 часов вечера 12 прекрасных нимф, все девушки, исполняют знаменитый обряд Венеры так, как его празднуют на Отахейте, под наблюдением и руководством королевы Обереа (роль которой исполняет сама миссис Хейес)».

Двадцать три благородных джентльмена, включая пять членов палаты об-

щин, были настолько привлечены этим отпечатанным приглашением, что все они встретились в доме миссис Хейес. Они присутствовали на представлении, когда двенадцать атлетически сложенных юношей и девушек исполняли желания таитянских богов любви. После этого был устроен роскошный стол.

Бетти была одной из «индианок» в доме миссис Хейес, но в силу разных причин для молодой женщины оказалось нелегко каждый вечер разыгрывать роль девственницы, и на этой почве возник конфликт между миссис Хейес и Бетти. В конце концов королева Обереа обвинила жрицу Венеры в том, что она обсчитала на одну гинею одного из молодых джентльменов из дома лорда Сандвича. Бетти вышвырнули из храма Венеры в Пэлл-Мэлле, и она несколько лет занималась уличной проституцией, скатываясь все ниже по иерархической лестнице публичных женщин. За кражу карманных часов у одного господина ее приговорили к смерти в Олд-Бейли⁷, но приговор был заменен пожизненной высылкой из страны.

«Где же находится настоящий Отахейте, — вздыхает она как-то раз на расвете, когда девушки еще спят на нарах. — Как бы ускользнуть от всего этого и обрести подлинный рай».

«Мы найдем его! — Энн произносит эти слова весьма уверенно. — Петер наверняка узнает, как нам туда сбежать».

«Ну тебя вместе с твоим Петером Лягушатником, даже если бы он и мог выволочить нас отсюда. Ты полагаешь, что рай — это грязные улицы Плимута или Лондона. Или ты считаешь, что рай — это гнуть спину на богатых, на так называемых джентльменов, на благородных снобов, на всех бандитов, облеченных властью. Я бы разбила их мерзкие головы так, чтобы оттуда брызнул мозг».

Однако Энн уверена в том, что Отахейте действительно существует: «Рай находится где-то там за горизонтом, и если мы будем расторопны, то обязательно сумеем его отыскать».

Бетти презрительно фыркает: «Если вообще и есть рай, то он создан для мужчин. А наш рай знаешь где? Это бутылка».

Утром на средней палубе приходят две помощницы Обезьяны будить заключенных. Сами они спят в помещении бывшей каюты, которое отделено решетчатой дверью от средней палубы. Обезьяна, которая живет на берегу, обычно появляется гораздо позже, когда женщин на четырех баржах привозят в большой каменный дом на пристани, где надо распускать старые тросы. Отсюда нельзя убежать, так как каменный дом окружен железной решеткой и вооруженные солдаты сопровождают каждую баржу так, что тот, кто осмелится прыгнуть за борт, будет немедленно сражен пулей.

Однако на пути в мастерскую и обратно к баржам подплывают торговцы на яхтах и предлагают купить джин, пироги и разные другие продукты. Они также захватывают письма для заключенных, и, когда приходит письмо какой-нибудь женщине на барже, они доставляют его за одно-два пенни. Помощницы Обезьяны и стражники устремляют взоры на грязные дома и портовые сооружения Плимута, пока это происходит, но потом получают несколько пенсов от торговцев и снова приступают к исполнению своих обязанностей. В дни, когда нет продавцов джина, настроение заключенных ухудшается и часто возникают перебранки и скандалы. Работа по разбору веревок грязная и пыльная, но для Мэри и многих других заключенных она не вызывает особых сложностей или неудобств. Незадолго до наступления темноты узниц отвозят обратно на «Дюнкерк».

Некогда корабль его величества «Дюнкерк» считался гордостью британского флота, но это было более полувека назад. Затем оно было признано непригодным к плаваниям и разоружено, и вот теперь оно стоит на рейде Плимута. Судовые палубы изменились до неузнаваемости, мачты сняты, только сам корпус сохранился в порядке, чтобы морская вода не просачивалась в слишком боль-

ших количествах. Временами раскладывался крысиный яд, но он вряд ли производил сколько-нибудь значительный эффект. Когда на судне появились первые заключенные, крыс настолько приручили, что ради развлечения их подкармливали остатками почти несъедобной еды, заставляя взамен танцевать на задних лапках.

Не только крысы прокладывали себе путь с одной палубы на другую, но также заключенные додумались до того, чтобы общаться между собой таким путем. И крысы и заключенные сотрудничали настолько успешно, что за долгие годы превратили прогнившее нутро «Дюнкерка» в особый мир с многочисленными потайными ходами. В конце 1780-х годов узники носили только кандалы, а ночью их не приковывали к койкам, то есть они могли свободно передвигаться в пределах огороженного помещения, куда стражники никогда не решались заглянуть. Билл Контрабандист почти пять лет находился на средней палубе, которая соседствовала с помещением, в котором жили женщины; без особых трудностей он и его товарищи прорыли к ним лаз, и результаты были очевидны. Об этом знали помощницы Обезьяны и, разумеется, сама Обезьяна, а также начальник «Дюнкерка», пожилой, сильно спившийся унтер-офицер, которого за его маленькую плотную фигуру прозвали Винной Бутылкой. Однако он и его собутыльники вряд ли были заинтересованы в том, чтобы перекрыть потайной ход, так как среди заключенных находился некий Джеймс Кокс, приговоренный к смерти Эксетерским судом 24 мая 1784 года. Его документы по непонятной причине исчезли, но кто бы он ни был, он всегда щедро платил за то, чтобы проход к женщинам поддерживался открытым. Это был сильный человек с пышной копной черных волос, всегда носивший с собой оружие. Возможно, находились и те, кто завидовал ему, но были и заключенные, называвшие его «мистер Кокс». Во время работ на берегу он часто отсиживался в тени, разумеется щедро заплатив за это стражнику. Когда торговцы приближаются к баржам, они направляются прежде всего поближе к Джеймсу Коксу.

Много говорят о том, откуда Джеймс Кокс берет средства, позволяющие ему вести более удобное существование, чем другим заключенным. На этот счет распускают разные слухи: дескать, он был участником воровской шайки, имеющей связи в высших кругах общества, и поэтому может претендовать на известную экстравагантность поведения. Сам он ничего лишнего не говорит, но держится дружелюбно и всегда помогает, если может. Однако он так осторожен, что имеет при себе только ограниченные средства и во время ежедневных переправ на баржах приобретает совсем немного, так что жулики (а их на «Дюнкерке» немало) не решаются его обчистить.

4

Однажды, когда Джеймс Кокс проползал по проходу в женское помещение на средней палубе и поздоровался с Мэри, его сопровождали двое друзей. Один из них, ирландец Джеймс Мартин — долговязый тощий человек, который, похоже, был замешан в воровской компании; его приговорили к шести годам ссылки за кражу одиннадцати железных нарезных болтов стоимостью 4 шиллинга 6 пенсов. Его приятель и сверстник Вильям Брайент, прозванный Биллом Контрабандистом, уроженец Корнуолла, был приговорен к семи годам ссылки в Америку за то, что «оказал сопротивление представителям налогового управления, которые в соответствии с предписаниями закона хотели конфисковать имущество контрабандного происхождения». Оба друга вместе с Джеймсом Коксом занимали определенное положение в кругу заключенных. Джеймс Мартин умел читать и писать, и таких грамотных среди узников было совсем немного. Конечно, он знал далеко не совершенный письменный английский язык,

но этого вполне хватало, чтобы сочинять письма для своих товарищей. Они могли сообщить своим родственникам и знакомым, где они находятся, и таким путем иногда получить несколько шиллингов; этого было достаточно, чтобы облегчить свое существование до терпимого уровня путем подкупа нужных лиц. Мартин занимается сочинением писем отнюдь не задаром, но он предъявляет весьма умеренные запросы и является значительным лицом в этом странном обществе, в котором, как в кривом зеркале, отражалась жизнь тогдашней Англии. Здесь тоже выражены классовые различия. К Джеймсу Коксу многие другие узники обращались со словом «мистер», с Джеймсом Мартином разговаривали любезным тоном, а Вильям Брайент среди воров и разбойников на «Дюнкерке» был признан своего рода шерифом, чьим приказаниям повиновались. Он имел определенное влияние на некоторых представителей власти, с которыми общались заключенные. Прошло несколько дней, и Мэри сама убедилась в том, насколько велик его авторитет.

Из Лондона прибывает комиссия для ознакомления с условиями содержания заключенных на «Дюнкерке». Всех узников — мужчин и женщин — выстроили на палубе в два ряда для осмотра, и члены комиссии в сопровождении Винной Бутылки и Обезьяны движутся вдоль рядов. Один из благородных господ, который постоянно достает понюшку табаку и держит у ноздрей шелковый носовой платок, спрашивает несколько экзальтированным голосом: «Если кто-нибудь из заключенных имеет претензии, пусть он спокойно выйдет вперед и скажет, что у него на душе».

Воцаряется тишина. Слышен лишь слабый ляг кандалов. Но вот Вильям Брайент делает шаг вперед: «Сэр, разрешите мне задать вопрос?»

Винная Бутылка подошел к нему, чтобы заставить вернуться в строй, но благородный господин с носовым платком воспрепятствовал этому пренебрежительным жестом:

«Кто ты такой и за что осужден?»

«Вильям Брайент, сэр, приговорен к семи годам ссылки в Америку за контрабанду».

«Ну давай послушаем, что у тебя на душе?»

«Милорд, многие из нас, приговоренные к ссылке в Америку, давно находятся на «Дюнкерке», но мы слышали, что североамериканские колонии потеряны для нашего возлюбленного короля, дай бог ему долгие лета, и потому нам, конечно, хотелось бы знать, что с нами теперь будет. Поэтому, сэр, я и рискнул обратиться с этим вопросом к членам комиссии».

«Ты прав, Брайент. Рад, что могу всем вам сообщить, что очень скоро выйдет постановление о том, как с вами быть. В какую страну вас отправить, правительство определит в ближайшие месяцы». Господин снова втянул в ноздри табак и исчез вместе с другими членами комиссии.

Вечером, когда Билл Контрабандист, Петер Лягушатник и Джеймс Мартин навещают Мэри и других девушек, Обезьяна и ее две помощницы внезапно появляются у железной решетки. Трое мужчин бегут обратно к проходу, пытаются уйти в свое помещение, но вход забаррикадирован досками, принесенными некоторыми женщинами, которые недовольны тем, что Билл Контрабандист в последние дни проявляет интерес к Мэри.

Обезьяна приводит в женское помещение на средней палубе двух вооруженных стражников и подает знак, чтобы они следовали за ней. В руке у нее Резвый Джек.

«Что видят мои скромные глаза,— говорит она,— ведь несколько кавалеров пробрались к моим дамам».

Она подает знак одной из своих помощниц, чтобы та позвала Винную Бутылку. «Разве это не заинтересует старшего сержанта Белфорта!»

Мэри сильно переживает за участь трех мужчин, но те воспринимают ситуа-

цию с величайшим спокойствием. Девица Бетти зычным резким голосом разглагольствует о моральном разложении, о том, что бедные женщины вынуждены быть свидетелями того, что происходит между Биллом и Мэри.

«Да, ты имеешь право осуждать»,— холодно замечает Обезьяна.

Спустя некоторое время появляется старший сержант Белфорт вместе с мистером Коксом, и оба как будто навеселе. Вернее сказать, они настолько пьяные, что еле стоят на ногах, поддерживая друг друга. Заключение и стражник в таком замечательном единодушии.

Вильям Брайент быстро улавливает обстановку. «Дорогая мисс Энн Крофти, разрешите несчастному арестанту сказать несколько слов, прежде чем вы вынесете приговор? Хотя мы, узники, лишены удовольствия слушаться вас, все мы слышали о вашей душевной теплоте и потому надеемся, что вы проявите великодушие и к нам, ведь на этот раз мы нарушили правила. Поэтому, мадам, очень прошу вас перейти в отдельное помещение вместе с мистером Коксом и мной. Там предоставится возможность мне, непосредственному виновнику, понести заслуженное наказание».

«Хорошо, болван»,— говорит грозная женщина, но в ее голосе не чувствуется никакого гнева.

Долго потом женщины-заключенные слышат смех, раздающийся из каюты, где обычно спят помощницы Обезьяны. Там Обезьяна, Винная Бутылка, Кокс и Вильям Брайент проводят собрание. После этого разговоры о проходе между мужским и женским помещениями больше никто не заводит. Девица Бетти и ее приятельницы получают большую взбучку от Вильяма за донос. И на этом дело прекращается.

Билл Контрабандист и Мэри Брод быстро находят общий язык. Между ними возникает не просто симпатия, а глубокая взаимная любовь, любовь, которую не останавливают никакие преграды и которая вместе с тем остается земной. Развитие событий приводит к тому, что через несколько месяцев Мэри замечает, что забеременела. Но к этому времени в жизни заключенных происходят большие перемены.

Примечание

⁷ Название здания Центрального уголовного суда Великобритании в Лондоне.— Л. С.

Глава 3

Первая флотилия отплывает в Новую Голландию (Австралию).— Обстановка на борту судна.— Капитан Уоткин Тенч.— О губернаторе Артуре Филлипе.— «Бесперспективная авантюра».— На борту транспортного судна «Шарлотта».— Драка на палубе.— Мэри рождает дочь, которую окрестили Шарлоттой.— Позади остался мыс Доброй Надежды.— Дизентерия и цинга при прохождении «ревущих сороковых».— После восьмимесячного плавания показался берег Нового Южного Уэльса.

1

В марте 1787 года у мыса Спитхед собираются суда, предназначенные для перевозки первой партии заключенных в каторжную колонию Ботани-Бей в Новой Голландии. Свыше тысячи людей — заключенные, солдаты и офицеры под командованием капитана Артура Филлипа — должны отправиться на противоположный край света. Они сойдут на берег неизвестной страны и создадут там колонию, которая в течение ряда лет должна обеспечить себя всем необходимым. Это, несомненно, была самая дерзкая из многочисленных попыток колонизации в мировой истории.

Страна получила название Новый Южный Уэльс, ее первый губернатор, капитан Артур Филлип, плывет на флагманском военном корабле «Сириус», сопровождаемом вспомогательным судном «Сэплай» с пушками на борту. Заключенных размещают на следующих транспортных судах: «Александр» (213 мужчин), «Скарборо» (208 мужчин), «Френдшип» (77 мужчин и 20 женщин), «Шарлотта» (88 мужчин и 20 женщин), «Принц Уэльсский» (100 женщин) и «Леди Пенрин» (102 женщины). Три судна, «Голден-Гроув», «Фишбёрн» и «Борроудейл», должны перевезти большую часть провизии и имущества для новой колонии в расчете на два года. Группа морских пехотинцев под командованием майора Роберта Росса, которая составит гарнизон колонии, распределена по судам.

Многие сложные проблемы возникают еще до отплытия флотилии, например вопрос о соотношении полов: в путь отправляются немногим более 200 женщин и примерно 800 мужчин. Джеймс Матра, который плывал в качестве мичмана с Куком и участвовал в разработке планов организации каторжной колонии Ботани-Бей, еще на подготовительном этапе обращал внимание на такое неравное соотношение полов и в своем докладе (Proposal for establishment a settlement in New South Wales] и предлагал послать одно из транспортных судов на недавно открытые острова Дружбы (Тонга), в Новую Каледонию или на Таити с тем, чтобы там «без труда набрать достаточное число женщин для мужского населения в Новом Южном Уэльсе и тем самым избежать немалых смут и беспорядков». В официальных инструкциях, переданных капитану Филлипу от имени его величества короля Георга III министром внутренних дел лордом Сиднеем 25 апреля 1787 года, отмечалось канцелярским языком того времени, что при посещении островов Южного океана рекомендуется брать с собой тех молодых женщин, которые пожелают сопровождать транспортные суда к месту их назначения. Однако при этом все же

оговаривалось, что не следует применять насилие по отношению к женщинам, если они не захотят присоединиться к флотилии.

Не менее сложно было определить, чем заниматься после длительного плавания. Джозеф Бэнкс при всей своей учености довольно неточно описал условия в новой стране. Он сообщил об «обширных лугах». Но могут ли на этих землях расти зерновые культуры, как в Англии? Можно ли там выращивать картофель? Каковы возможности для разведения скота? Поэтому возникли понятные расхождения в мнениях о том, что надо взять с собой из скота, семян и продовольствия, а в отношении личных вещей высказывались совершенно разные точки зрения. Разумеется, тут речь идет не о том, что заключенные могут захватить с собой еще что-либо, кроме той одежды, в которой они ходят, а также узелка с некоторыми вещами про запас. Если у них есть драгоценности, которые не перешли к государству по решению суда, или деньги, конечно, их можно взять с собой. Но это разрешение практически осуществляется лишь в весьма немногочисленных случаях.

После очень больших хлопот врачу Джорджу Бутье-Уоргену позволили взять пианино, а пастор Ричард Джонсон без осложнений погрузил на борт судна всю свою литературу, состоявшую, между прочим, из 100 экземпляров книги пастора Иджена Уайта «Ты не должен красть» (Отвращение от воровства), «Увещевания тем, кто поминает имя господя всуе» Матильды Блоджет (70 экземпляров), «Сотня слов тем, кто хочет вести праведный образ жизни» (100 экземпляров), 200 экземпляров Нагорной проповеди, всего 25 книг назидательного труда «Откровенные утренние молитвы для заключенных», но целых 200 экземпляров «Назидания против лживости», кроме того, 100 библий, 100 молитвенников, 400 экземпляров Нового завета и 500 псалтырей.

Заключенные мужчины и женщины, солдаты, офицеры, несколько врачей и священник — все отправляются в путь, как по своей воле, так и вопреки ей, для основания новой колонии. Наши современники удивляются тому, что среди вольных людей, посланных правительством, не было ни одного садовника или агронома. Большинство заключенных выросли в трущобах больших городов Англии и никогда не занимались ремеслом, лишь некоторые, особенно осужденные за контрабанду, знали толк в рыболовстве. Как можно было ожидать, что ловкий карманный вор или искусный фальшивомонетчик смогут обрабатывать землю? А многочисленные проститутки, чем их занять?

Возникают некоторые вопросы по поводу точного числа заключенных. При отплытии первой флотилии из Англии всего в ней было 759 заключенных, включая 16 детей и двух женщин весьма преклонного возраста — Элизабет Бекфорд 70 лет и Дороти Хендленд (известной также по кличке Грей), которой было 82 года, когда ее приговорили за мошенничество.

Судя по сопроводительным документам, заключенные принадлежат к изгоям общества. За многими из сопровождающих солдат морской пехоты тоже числятся неблагоприятные проступки, за которые полагалась каторга, но их помиловали при условии, что они изъявят желание отправиться в Новый Южный Уэльс. Некоторые солдаты были направлены в штрафные воинские части, хотя вряд ли имелись сколько-нибудь ясные представления о месте прохождения службы, кроме того, что оно находится очень далеко от Англии. Впрочем, положение солдат было несравнимо лучше, чем положение заключенных, когда первая флотилия достигла места назначения.

Хотя любое увольнение на берег для моряков было исключено, тем не менее более ста из них дезертировали еще до выхода судов в море. Они знали, что их ждет впереди: долгие месяцы и годы с ними будут обращаться как с собаками, а многие из них, вероятно, никогда не увидят снова зеленые поля Англии, поскольку они умрут от болезней во время продолжительного плавания. Один молодой человек, сын сапожника, был настолько недалковиден, что добровольно завербо-

вался во флот. Об обстановке на судне во время плавания он пишет: «Что может еще сказать молодой человек, который, попав на военный корабль за кров и стол, сразу же вынужден расстаться со свободой слова и действий. Конечно, ему нельзя помешать думать, но он должен хранить свои мысли в глубине души, никогда не позволяя им выскользнуть в ходе разговоров. Я бывал на юте только во время вахтенной службы; мне разрешалось отвечать только «Да, сэр», когда ко мне обращались, и одновременно я отдавал честь как необходимую дань уважения офицерам. Матросов наказывали за самую ничтожную ошибку или оплошность, например если не услышишь, когда будят на ночную вахту, или если не исполнишь порученное задание достаточно четко, хотя на самом деле все может быть сделано наилучшим образом и не ясно, в чем заключается погрешность, тем не менее тебя хватают и заковывают в железо».

Многие офицеры знали, что речь идет об историческом плавании, и потому для потомков заводи́ли дневники, в которых подробно описывали долгое плавание и первые годы жизни в новой колонии. Это прежде всего касается капитана Уоткина Тенча, одного из немногих человеческих офицеров экспедиции, который находится на борту «Шарлотты», куда доставляют также Мэри Брод и Вильяма Брайента. Он упоминает о них в своем дневнике. Кроме Тенча, на «Шарлотте» плывет доктор Уайт, тоже вполне порядочный человек, но там есть и другие офицеры, которые, как видно из их дневников, в обращении с заключенными обнаруживают непомерную жестокость. Отсюда становится понятно, что многие из заключенных воспринимают пребывание в Новом Южном Уэльсе как ад и готовы бежать отсюда при первой возможности.

Назначение губернатором капитана Артура Филлипа, которому было лет под 50, оказалось сюрпризом для многих на флоте, поскольку, несмотря на удачную карьеру, его считали малоинициативным человеком. Долгое время он довольствовался половиной жалованья и жил как джентльмен-землевладелец. Тем не менее лорд Сидней остановился на его кандидатуре, и в благодарность за это Филлип назвал первое поселение в новой стране в честь министра внутренних дел. И ныне, обращаясь к этим событиям прошлого, надо признать, что Сидней неплохо разбирался в людях, хотя Филлип с его габсбургской внешностью — с выступающей нижней челюстью, длинным, острым и несколько искривленным носом, тшедушным телосложением — совсем не был похож на типичного британского морского офицера и не обладал представительной губернаторской фигурой. Но он обладал выдержкой, был благоразумен в своих требованиях и с исключительной твердостью настаивал на их выполнении. Это был человек болезненный, его мучили боли в боку, возможно почечная колика. Один из авторов дневников вспоминает, как часто в пути Филлип страдал от морской болезни. Сидя в кресле под укрытием грот-мачты, он съеживался в своем плаще, нахлобучив треугольную шляпу, так что был виден только длинный кривой нос, и отрывисто произносил: «Меня укачивает, как собаку». Однако при этом он не выказывал признаки подавленности настроения и не боялся болей; когда впоследствии в него угодило копье аборигена и рана, видимо, причинила ему сильную боль, он не заикнулся об этом, разговаривая с офицерами, и даже не упомянул этот эпизод в своих отчетах. У Филлипа очевидные способности к языкам, в частности он свободно говорит по-португальски, так как служил в португальском флоте, и, между прочим, он договорился о перевозке группы португальских заключенных из Лиссабона в Бразилию.

Как губернатор, Филлип обладает громадной властью, и ему подвластна, по крайней мере судя по документам, огромная территория. Она простирается от мыса Йорк на севере до «самой южной оконечности Нового Южного Уэльса», включая «все земли к западу от 135° восточной долготы, а также все прилегающие острова в Тихом океане». По площади все эти земли и воды вдвое больше Европы, но совершенно неизвестны губернатору и его подопечным.

Слева — Провозглашение Джеймсом Куком английской колонии Новый Южный Уэльс, под которым понималась вся восточная часть нынешней Австралии. Церемония состоялась на острове Поссеши в 1770 г.

Справа сверху — Первая подробная карта Сиднея и его окрестностей, составленная Уоткином Тенчем в 1788 г. В этих местах происходили многие события, описанные в книге. На карте выделены заливы Порт-Джексона и Ботани. Западнее Порт-Джексона пунсоном отмечен Роуз-Хилл, переименованный в 1789 г. в Парраматту. Здесь была создана первая в Австралии земледельческая колония. К востоку от нее находится Рыбачья бухта. У входа в залив Порт-Джексон расположены скалы Хедз.

Еще в середине XVIII века многие части побережья Австралии оставались малоизвестными или вообще не известными европейцам. Лишь в некоторых местах на севере и на юге материка ранее побывали Янсзон, Карстенс, Тасман и другие голландские мореплаватели, окрестившие всю эту страну Новой Голландией. Восточный берег континента впервые изучил знаменитый английский путешественник Джеймс Кук в 1770 г. Он высаживался в нескольких участках побережья и на островах. В частности, он обнаружил хорошую якорную стоянку в заливе Ботани. Поскольку Кук не смог установить, та ли это страна, которую открыли голландцы, он на всякий случай объявил ее владением британской короны под названием «Новый Южный Уэльс». Это название распространялось на всю восточную часть австралийского материка до 135° восточной долготы вплоть до 1825 г., когда отделились колонии Южная Австралия, Виктория и Квинсленд. С тех пор на долю Нового Южного Уэльса приходится немногим более 10% площади Австралии (802 тыс. км²). Население этого штата 5,6 млн. человек.

В Великобритании, во всяком случае среди аристократии, выражается большая радость по поводу избавления от «целого букета хулиганов и падших женщин», как выразился один знатный господин в одном из лучших клубов Лондона. «Надо отправить их так далеко, чтобы они никогда не вернулись на родину», «пусть их сожрут людоеды» или «отхлестать их как следует кнутом и высадить на пустынный берег, где нет питьевой воды». Таких предложений вносилось немало.

Итак, флотилия отправлялась в путь без особенно радужных перспектив. В лондонских кафе, в кулуарах парламента, в министерствах — всюду говорят о «бесперспективной аванюре в безнадежность». Многие опасаются, что «ботаники», как называют заключенных, вскоре после высадки одолеют небольшой гарнизон и учредят республику, в которой самые сильные, то есть самые жестокие, захватят власть. Предсказывают, что развернется обычная борьба за женщин и все в целом завершится массовым кровопролитием. И как этот начальник тюрьмы в чине губернатора, этот в недавнем прошлом джентльмен-землевладелец справится со своими задачами на пустынном берегу на краю света?

Никто не сомневался в том, что это край света. Берег Нового Южного Уэльса находится за 25 000 километров от Англии. Кук и его люди — единственные англичане, которые высаживались на этом берегу в стране антиподов, и ни один достаточно опытный морской офицер не может сказать, сколько времени займет плавание в Ботани-Бей: год или, может, полгода? Врачи могут лишь примерно оценить, сколько человек доберется до этой страны: четверть или даже половина погибнет от цинги или других болезней, поражающих моряков во время продолжительного плавания.

2

Один из кораблей флотилии, «Шарлотта», водоизмещением 385 тонн под командой Томаса Гилберта направляется в Плимут, чтобы взять заключенных с тюремного судна «Дюнкерк». Последний раз Мэри, ее подруги, Билл Контрабандист, Джеймс Мартин и многие другие садятся на баржи, взяв свои пожитки, как им велели. Заключенных везут на «Шарлотту». Ветра нет, но корабль стоит далеко на рейде, и из-за крупной зыби женщинам трудно подняться по трапу на борт. Тогда спускают боцманский мостик, по которому они поднимаются. На палубе полный хаос, чудовищная мешанина припасов, которые в самый последний момент загружаются с баржи. Офицер зачитывает имена заключенных по длинному списку, затем отделяет женщин от мужчин, и обе группы ведут в разные помещения, расположенные под верхней палубой. Здесь Мэри вновь встречает своих плимутских подруг Кэтрин Фрайер и Мэри Хейдон, которых тоже повезут к месту ссылки на «Шарлотте».

«Шарлотта» похожа на другие транспортные суда, переоборудованные для перевозки заключенных: она снабжена двумя баррикадами метровой высоты из толстых дубовых досок, сверху усеянных железными шипами. Одна из баррикад проходит за грот-мачтой от правого борта до поручней левого борта, другая следует через палубу перед грот-мачтой. Пространство между баррикадами предназначено для заключенных в то время, когда им разрешено находиться на верхней палубе. Чтобы попасть в помещения под палубой, заключенным надо пройти через двери, охраняемые часовыми, которые следят за тем, чтобы мужчины были в кандалах и наручниках.

Помещения под палубой почти такие же, как на «Дюнкерке», но здесь заключенные должны находиться в то время, когда корабль плывет под знойным тропическим солнцем в экваториальных широтах. Даже теперь, в марте месяце, на средней палубе ужасно жарко. Мужское помещение простирается

на всю ширину корабля и заканчивается впереди и сзади деревянными дверями, которые отделяют его от женского помещения с одной стороны и матросского с другой. Посередине корабля проходит узкий коридор, по обе его стороны расположены отсеки, разделенные перегородками на камеры шириной по 7 футов 6 дюймов (2,3 м). Каждая камера рассчитана на пять человек так, что одно спальное место в ширину занимает 18 дюймов (45 см). Переборки, выходящие в коридор, снабжены небольшими окошками, через которые стражники могут просматривать камеры заключенных и в случае неповиновения туда просовывают ружья и открывают огонь. Вдоль бортов в камерах нет никаких окон или иллюминаторов. Свет и воздух проникают к заключенным только через единственный люк трюма. Под люком начинается проход шириной восемь футов (2,4 м) через весь корабль, и, кроме узкого коридора между камерами узников, это единственное место, предназначенное для того, чтобы около сотни заключенных могли справить нужду и размять ноги. Пять больших лоханей используют в качестве параш.

На «Шарлотте» 100 заключенных мужчин и 24 женщины, 40 солдат морской пехоты, 30 моряков — матросов и офицеров. Все они должны совершить плавание в Новую Голландию. Кроме того, у трех морских пехотинцев есть жены и пятеро детей. Всего 202 человека теснятся на корабле, который на самом деле предназначен для вдвое меньшего числа людей.

Два месяца «Шарлотта» стоит вместе с другими судами флотилии в Спитхеде⁹. Наконец 13 мая 1787 года раздается серия пушечных выстрелов с флагманского корабля «Сириус», на котором находится капитан Филлип, и вся флотилия выходит через пролив Нидлз среди скал в море в сопровождении военного судна «Гиена», которое проходит с ними несколько сотен морских миль, а затем возвращается в Портсмут с последними сообщениями капитана Филлипа в адмиралтейство и гражданский департамент. Никому из заключенных не разрешили взглянуть, как исчезает в море зеленый берег Англии, все они сидят под верхней палубой на деревянных нарах, закованные в кандалы и наручники. Они прислушиваются к скрипу якорных цепей, которые поднимают на борт, и к слабым звукам песни, которую поют моряки, поворачивая ворот. Эта старинная народная песня — последнее воспоминание об Англии:

А Джонни раздобыл новую шапку,
А Джонни отправился на ярмарку,
А Джонни купил себе шелковую ленту
И подвязал свои каштановые кудри.
Отчего же мне не любить Джонни,
Отчего же ему не любить меня,
Отчего же мне не любить Джонни
Так же сильно, как люблю тебя.

Несмотря на спертый воздух, плохие условия ночлега, скученность и первые проявления морской болезни, в настроении узников все же чувствуется некоторый оптимизм. Теперь им, во всяком случае, ясно, что тягостные дни на борту «Повелителя крыс» больше не повторятся, а то, что их ждет впереди, вряд ли может быть хуже оставленного позади.

3

Оптимистичный настрой получает дальнейшее развитие, когда через трое суток плавания ранним утром всех заключенных собирают на верхней палубе. Здесь закованные в цепи мужчины вновь встречают женщин. Когда их построили в несколько рядов и провели переключку, слово берет молодой офицер. «Я капитан Тенч,— говорит он,— и я так же, как все находящиеся на «Шарлотте»

морские пехотинцы, матросы и офицеры, заинтересован только в том, чтобы плавание до Нового Южного Уэльса прошло по возможности без трений. От вас зависит, чтобы наши надежды оправдались. Но мы начнем с того, что проявим добрую волю, освободив мужчин от их цепей. Если все пойдет хорошо, будет предоставлена возможность ежедневно совершать прогулки по палубе. Но если будет допущено малейшее нарушение дисциплины, я вынужден буду снова заковать вас в кандалы и держать под верхней палубой».

Слова капитана Тенча вызвали крик радости, который, кажется, никогда не кончится. Некоторые из мужчин носили кандалы и наручники сначала в тюрьмах и затем на тюремных судах более пяти лет, а теперь, когда кузнец и его двое подручных освобождают их от этих оков, им трудно устоять на ногах. Вильям Брайент пытается сделать несколько шагов, но шатается на палубе, что вызывает смех у его друзей. Другие заключенные после снятия цепей чувствуют себя так, словно исчезла сила земного притяжения. Двое мужчин бросаются кузнецу на шею и рыдают от восторга. Джеймс Кокс кричит так, что слышно от кормы до форштевня: «Трижды ура капитану Тенчу, его солдатам и всей команде «Шарлотты»!» Ликующие крики буквально сотрясают корабль, одна из женщин начинает петь «Боже, спаси короля», гимн подхватывают другие женщины и мужчины. Кто выступил запевалой, может быть Змейка Энн? А теперь даже девица Бетти, старая Дороти Хендленд и ее близкая подруга Салли, занимающиеся гаданием для женщин, подхватывают припев. Можно ли действительно поверить, что капитан Тенч растроган? Этот симпатичный человек перекидывается взглядами с капитаном, дородным Томасом Гилбертом, и объявляет, что по случаю этого дня будет роздано по порции рома мужчинам и женщинам. Очередной крик восторга раздается после этого сообщения, так как судовой ром — это не что иное, как разбавленный джин, который раньше заключенные могли нелегально доставать в обмен.

Тенч просит позвать к себе Джеймса Кокса. «Спасибо за провозглашение здравицы,— говорит он.— Сегодняшний день — залог будущих успехов».

«Я сделал лишь то, что сделал бы каждый на моем месте, сэр»,— отвечает Джеймс Кокс.

«Могу я узнать, к чему вас приговорили, Кокс?»

«К пожизненному заключению, сэр!»

«Я не нашел ваше имя в списках заключенных,— добавляет капитан с улыбкой.— Вы ведь, надеюсь, не тайный пассажир?»

«В таком случае я предпочитаю быть тайным пассажиром на «Шарлотте», чем узником на тюремном корабле «Дюнкерк», сэр».

«Но в чем заключалось твое преступление?»

«Я был гранильщиком алмазов и не смог противостоять искушению, попытался украсть бриллиант. За это был приговорен к смерти, но казнь была заменена пожизненным заключением».

Кажется, Тенч хочет еще что-то сказать, но делает знак головой Джеймсу, показывая, что аудиенция окончена.

После полудня «Шарлотта» приближается к островам Атлантического океана, находящимся во власти католического монарха, и первые летучие рыбы появляются у носа корабля. На следующее утро, когда Мэри и другим женщинам разрешили выйти на палубу, на горизонте показался остров Тенерифе, словно зубчатый вал бурной волны. Над ним возвышается вулкан Тейде — увенчанный снегом конус с резко очерченным снизу венцом облаков.

В Санта-Крус-де-Тенерифе берут на борт продовольствие, и, после того как контур Тейде исчезает за горизонтом, начинает сказываться жара, усиливаясь с каждым днем.

Темно-синие волны, окаймленные белой пеной, приобретающие изумрудно-зеленый оттенок там, где лучи солнца просвечивают сквозь разбивающиеся

гребни, ударяют в корму, и корабль начинает раскачиваться, словно толстая рыбачка, которая, переваливаясь с боку на бок, спускается вниз по улицам в портовых кварталах Плимута. Каждый день с рассветом открывается только безбрежный океан; теперь постоянно ощущается дыхание пассата, который ласково надувает паруса. Позади остаются миля за милей, хотя кажется, что «Шарлотта» не сходит с места. Влажная жара вызывает зловонный пот, одежда липнет к телу. Внизу, под палубой, лежит грузная Мэри, которой тяжело ходить из-за беременности. Она слышит, как от напряжения потрескивают снасти и рангоуты, когда ветер играет в таях и рифах. Часто ее тошнит, тогда она, пошатываясь, поднимается на палубу и мечется от одного борта к другому, пытаясь ухватиться за что попало. Всюду ее преследует запах внутренних помещений корабля, нижнего трюма, зловонный дух, исходящий от квадратной части люка, непереносимый, отталкивающий запах нищеты, гнили, испражнений и сладковатых рвотных масс.

Очень редко Мэри удается увидеть отца ожидаемого ребенка, поскольку женщинам не разрешается выходить на палубу одновременно с мужчинами. Пастор Джонсон весьма педантично настаивает на этом пункте. В беседах с капитаном Гилбертом, который не слишком высоко ценит понимание морали слугой господ, он подчеркивает, что, поскольку у большинства заключенных женщин не особенно надежное прошлое по части зловещих желаний плоти, не следует разрешать мужчинам видеть их даже издалека.

Может быть, это ограничение — одна из причин того, что узники, так же как и морские пехотинцы, становятся раздражительными и учащаются потасовки на палубе. Однажды здоровенный толстый пивовар Томас чуть не проломил череп Вильяму Брайенту, обвинив его в мошенничестве во время карточной игры. В мгновение ока большая часть мужчин вовлеклась в жестокую драку. Морской пехотинец хватается ружье и стреляет в воздух, но возбуждение вокруг чересчур велико, чтобы мужчины восприняли такое предупреждение.

Тогда четыре солдата с деревянными дубинами в руках прыгают через деревянный барьер и щедро раздают удары забиякам, и заключенные понимают, что надо прекратить драку. Но Томаса не удержат. Он внезапно набрасывается на одного из солдат, вырывает у него дубинку и наносит ему страшный удар по плечу, отчего несчастный падает на палубу, корчась от боли.

Заключенный напал на морского пехотинца и ударил его. Все знают, что это карается смертной казнью через повешение.

Драка прекращается сразу же после того, как упал солдат. Вильям Брайент и Джеймс Кокс подбегают, чтобы помочь ему, но другие морские пехотинцы, перемахнув через барьер, отгоняют их. Всех заключенных уводят под палубу и заковывают в кандалы.

Четверо суток они лежат под верхней палубой в ужасной духоте, скованные вместе. Стоит беспокойная погода, море сильно волнуется, большинство людей страдает от морской болезни, их тошнит, а другие страдают от дизентерии, и с кандалами трудно добраться до одного из отхожих мест. Эрвин, немолодой мужчина, приговоренный к семи годам ссылки за кражу овцы у помещика, умирает на третью ночь. Рано утром к люку подходит врач, доктор Уайт, и сообщает заключенным, чтобы все они собрались на палубе.

Лишь немногие из них могут твердо стоять на ногах в строю, когда пастор Джонсон читает «Отче наш» и труп Эрвина с пушечным ядром, привязанным к ногам, бросают за борт.

После этого капитан Уоткин Тенч оглашает приговор пивовару:

«Губернатор Филлип как представитель его Королевского величества приговаривает заключенного Томаса Уотсона к смертной казни через повешение за нападение на капрала Джеффри Милстона».

Тенч делает паузу и продолжает: «Однако, учитывая хорошее поведение

заклученных на «Шарлотте» после отплытия, а также ходатайство самого капрала Милстона, губернатор Филлип милостиво заменяет это наказание трехкратной поркой по сто ударов кнутом».

Трижды по сто ударов кнутом — это больше того, что в состоянии вынести взрослый мужчина, и это настолько мучительная кара, что ей можно предпочесть виселицу. Но Тенч продолжает читать:

«Понимая, что поведение заключенного Томаса Уотсона — следствие плохой погоды в самые последние дни, капитан Гилберт, доктор Уайт и я решили помиловать заключенного, освободив его от порки, надеясь, что отныне он не нарушит распорядок на судне. На этом дело прекращается».

Заклученные слишком слабы, чтобы кричать «Ура!», но, если бы у них хватило для этого сил, нет никакого сомнения в том, что оглушительные крики «Ура!» показали бы, что Тенч, Уайт и Гилберт стали героями дня.

С некоторыми женщинами возникают другие проблемы. Трудно, чтобы не сказать невозможно, воспрепятствовать их общению с солдатами морской пехоты. Вначале Тенч предпочитал смотреть сквозь пальцы на это, но пастор Джонсон и, может быть, особенно его супруга Глэдис полагали, что необходимо вмешаться, исходя из моральных принципов. Поэтому Тенч однажды ночью провел облаву, в результате которой шесть морских пехотинцев были обнаружены в помещении заключенных женщин. На следующее утро на палубу были вызваны все женщины, кроме тех, кто чувствовал себя совсем плохо, и Тенч предоставил слово пастору Джонсону, который убежденно увещевал о пагубности и опасности греха. «От имени капитанов Гилберта и Тенча я извещаю, что вам не разрешат выходить на палубу, если будет продолжаться такая греховная жизнь,— грозит он.— Не забывайте, что наш милостивый господь видит все, что здесь происходит, даже под верхней палубой».

Девушка Бетти, которая вдоволь запаслась ромом и джином за счет благосклонности к морским пехотинцам, уже успела утром пропустить пару рюмок. «Мои нары находятся как раз у стенки, которая отделяет меня от каюты господина пастора и его жены,— рассказывает она,— и я ручаюсь, что постель госпожи пасторши по ночам скрипит, когда помазанник божий пытается подняться на ложе любви».

Это откровенное свидетельство вызвало рев смеха, что повлекло за собой серьезную жалобу пастора Джонсона на бесстыжих женщин. Поэтому капитан Тенч велел девушке Бетти днем надеть «колпак». Это бочка, в которой оставлено отверстие для головы; при движении корабля в море бочка падает и катается по палубе. Девушка Бетти приняла наказание с юмором, а визиты солдат к женщинам вряд ли сократились.

4

С 6 августа по 4 сентября флотилия стояла на рейде Рио-де-Жанейро. Офицеры проводили время на суше, но ни морским пехотинцам, ни заключенным не разрешили выйти на берег.

Для Мэри Брод длительное морское плавание было особенно тягостно, так как она ждала ребенка. Доктор Джон Уайт, назначенный главным врачом колонии, плыл на «Шарлотте», и в жаркие дни, когда волнение усиливается и женщины особенно страдают в своем убогом помещении под верхней палубой, он позаботился, чтобы Мэри перевели в отдельный отсек, в котором обычно хранились запасные паруса. Капитан Гилберт позволил их временно перенести, и в этом помещении Уайт принимает роды у Мэри. 8 сентября он записывает в своем дневнике: «Мэри Брод, заключенная, произвела на свет здоровую девочку».

Пока флотилия стоит на рейде Капстада¹⁰, где последний раз загружаются

запасы продовольствия и живого скота, пастор Ричард Джонсон находит время окрестить маленькую дочку Мэри. Она получает имя Шарлотта по названию корабля, но Мэри желает также, чтобы ей еще дали имя Спенс.

«Отец твоего ребенка — моряк по имени Спенс?» — пытается выведать пастор. Однако Мэри отказывается назвать отца ребенка.

Когда флотилия покидает Капстад, ей предстоит самая трудная часть пути. Всего через несколько дней после выхода в море задул юго-восточный ветер, который относит корабли в «ревушие сороковые»¹¹. Шесть месяцев заключенные находятся на борту судна, не получив разрешения выйти на берег ни в Тенерифе, ни в Рио-де-Жанейро, ни в Капстаде. То же относится и к преобладающей части рядовых матросов, поскольку офицеры опасаются, что они сбегут, воспользовавшись пребыванием на берегу.

Корабли попадают в полосу штормов, которые непрерывно следуют один за другим. На «Шарлотте» палубные доски сильно расходятся, и сквозь многочисленные щели между ними вода проникает на среднюю палубу, где заключенные в ненастную погоду сбиваются в кучу. Они промокли до нитки, самочувствие отвратительное, через две недели после отплытия из Капстада вспыхивает эпидемия дизентерии, болезнь сначала распространяется среди заключенных женщин, затем среди мужчин, охватывает моряков, не обходит она и жену пастора Джонсона Глэдис.

Два матроса умирают от дизентерии, и в ненастную погоду пастору Джонсону приходится читать «Отче наш» над их бездыханными телами, зашитыми в парусину. Затем трупы раскачивают и бросают за борт. В этот день небо было сплошь затянуто низкими серыми облаками, из которых, казалось, вот-вот повалит снег; на этих широтах есть опасность натолкнуться на айсберг, поэтому команда должна быть полностью укомплектована. Капитан Гилберт советуется с доктором Уайтом и капитаном Тенчем, целесообразно ли взять двух заключенных на место умерших матросов. «Я не вижу иного выхода из положения», — говорит Гилберт.

«Вильям Брайент — рыбак из Корнуолла. Я предлагаю взять его на место одного из умерших», — советует Тенч и добавляет, что, по его мнению, Джеймса Кокса тоже можно рекомендовать за его хорошее поведение.

Однако, по мнению Гилберта, он слишком стар и не моряк. «Почему бы не взять Джеймса Мартина, черноволосого ирландца, который сочиняет письма для заключенных. Он родом с островов Аран, где все жители понимают толк в судах».

Вильяма и Джеймса приводят из мужского помещения и сразу приставляют к делу. Круглые сутки бушует шторм, волны высотой с башню обрушиваются на корабль. Ветер поет в мачтах, реях и парусах, он свистит, визжит и стонет, как несчастный, которого довели до отчаяния. Сообщение с другими судами флотилии прервано, и невозможно выяснить, находятся ли они где-то поблизости от «Шарлотты» или унесены ветром и течениями к югу от острова Кергелен. Теперь задача заключается в том, чтобы спасти «Шарлотту» во время шторма. Целых три дня моряки и с ними Джеймс и Вильям не снимают промокших одежд, пока ветер не стихает и волнение не прекратилось. Двигаясь к юго-востоку, корабль попадает в область, где царит более или менее спокойная погода.

Два заключенных получают приказ явиться в каюту капитана Гилберта. Обычно узникам запрещается пребывание в этой части судна, и часовой у барьера, построенного на верхней палубе, сначала не впускает их в помещение для офицеров, но, когда второй штурман разъясняет ему, что им разрешено пройти, он, хмурясь, отходит в сторону. В капитанской каюте рядом с Гилбертом сидят капитан Тенч и доктор Уайт. Гилберт поднимается и протягивает им обоим по кружке рома. «Пейте, — говорит он, — вы хорошо порабо-

тали. До прибытия в Новый Южный Уэльс вы можете помогать матросам. Однако вам придется все же ночевать в вашем помещении вместе с другими заключенными. Когда мы достигнем места назначения, капитан Тенч и доктор Уайт обещают замолвить за вас слово, если впредь вы будете так же усердно помогать, как в эти дни».

Вильяму удалось только на очень короткий момент увидеть Мэри и свою маленькую дочурку. Теперь, когда погода прояснилась, женщины выходят на верхнюю палубу и Вильям получает возможность обменяться парой фраз с Мэри, пока Бетти присматривает за малышкой на средней палубе. Еще много месяцев назад они договорились, что Мэри будет отказываться назвать имя отца, так как в этом случае Вильям рискует быть наказанным, поскольку это свидетельство того, что он нарушил запрет посещать женское помещение на «Дюнкерке».

«Нам больше не надо скрывать, что я отец ребенка,— убеждает ее Вильям,— потому что и Тенч и Уайт обещали оказать услугу, когда мы прибудем на место».

«А что это за услуга?»

«Они разрешат нам пожениться».

«Наш ребенок не будет жить в каторжной колонии»,— заявляет Мэри так громко, что Вильяму приходится заставить ее замолчать.

«Мы что-нибудь придумаем, когда прибудем на место,— отвечает он.— Но пока нам надо поддерживать хорошие отношения с властью имущими».

Мэри решительно смотрит на него. «При первой же возможности я убегу, и то же сделают Змейка и Бетти. От Ботани-Бея недалеко до Китая и Отахеите. Мы найдем рай. И если ты не пойдешь с нами, мы отправимся одни».

«Да, да, разумеется, мы убежим. Но давай теперь не будем совершать недобудуманные поступки».

Наконец наступает день, когда капитан Уоткин Тенч записывает в своем дневнике:

«Таким образом, мы после отплытия из Плимута за 36 недель благополучно осуществили наш смелый замысел с целым рядом неожиданных удач, и никто заранее не мог предвидеть такую продолжительность плавания для такой крупной флотилии. Из 211 солдат морской пехоты мы потеряли только одного, а из 775 заключенных, взятых на борт в Англии, умерли в пути лишь 24».

Примечания

⁸ На большинстве других транспортных судов первой флотилии мужчины оставались закованными в кандалы во время своего плавания из-за попытки заключенных захватить корабль «Скарборо». В последующие 50 лет такие попытки предпринимались неоднократно, но каждый раз они жестоко подавлялись, а мятежников вешали на реях. Однако в 1797 году корабль «Леди Шор», шедший из Англии в Новую Голландию, имея на борту 66 заключенных женщин и 2 мужчин, был захвачен взбунтовавшейся командой. Он был приведен в Монтевидео в Южной Америке, где испанцы конфисковали его и отдали женщин в услужение испанским аристократам.

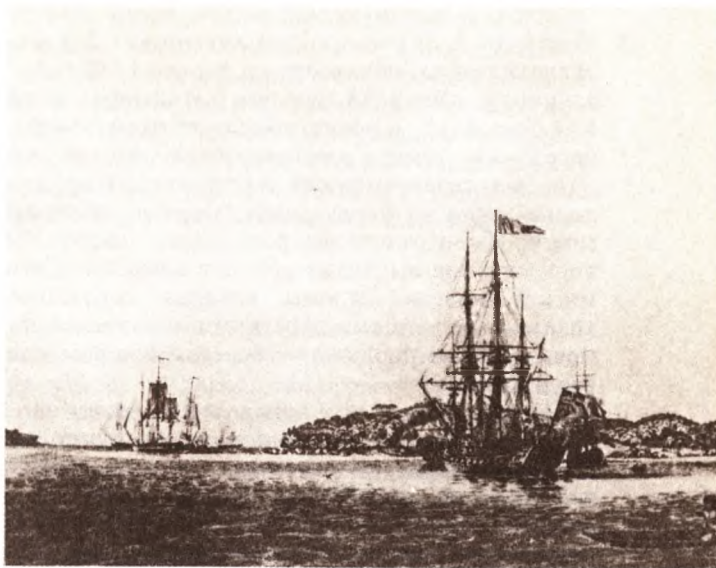
⁹ Спитгхед — восточная часть пролива Солент, отделяющего остров Уайт от Великобритании, находится близ Плимута.— Л. С.

¹⁰ Капстад — голландское название Кейптауна. В конце XVIII в. центр Капской колонии, основанной выходцами из Голландии. В 1806 г. колония была захвачена англичанами и решением Венского конгресса 1814—1815 гг. закреплена за Великобританией. В настоящее время третий по численности населения город Южно-Африканской Республики.— Л. С.

¹¹ Пояс сороковых широт Южного полушария славится сильными штормами, что дало основание для названия «ревущие сороковые», имеет широкую известность в кругу моряков.— Л. С.

Глава 4

Высадка в заливе Ботани.— Пребывание Джеймса Кука в Новой Голландии 19 годами ранее.— Первая встреча с аборигенами.— Вильям Брайент спасает губернатора Филлипа.— Отказ от использования Ботани-Бей как места для поселения.— Прибытие двух французских фрегатов.— Открытие естественной гавани Порт-Джексона.— Выбор места для поселения и основание Сиднея.— Пастор Джонсон венчает Вильяма и Мэри.— Что произошло, когда женщины вышли на берег.— Побеги Змейки и Петера Лягушатника.— Аборигенов ловят, чтобы приобщить к цивилизации.— Джозеф Пейджет и Арабару.— Эпидемия оспы распространяется среди аборигенов.— В губернатора Филлипа попадает стрела, пущенная аборигеном.

1

Утром 20 января 1789 г. впереди показывается полоса земли на расстоянии около 30 морских миль. Это берег Нового Южного Уэльса! После пребывания в пути немногим более восьми месяцев (что было рекордом для того времени) флотилия достигает цели. Филлип плывет впереди с четырьмя самыми быстроходными судами, чтобы подготовить высадку в заливе Ботани, тихоходная «Шарлотта» идет последней.

Это тихий день со слабым восток-северо-восточным ветром, и судно движется к северу весь день, пока берег не становится отчетливо виден. Вечером заключенным — и мужчинам и женщинам — разрешают выйти на палубу, чтобы посмотреть на их будущее местожительство. Многим, однако, приходится остаться в своих помещениях из-за того, что их состояние здоровья в последние недели сильно ухудшилось, многие настолько больны, что не могут подняться с нар. Корабль медленно переваливается с одного борта на другой на больших волнах, и теплой летней ночью зловоние из трюма смешивается с запахом грязной одежды и немых тел в отвратительный дух, который напоминает тот запах, который был на борту «Повелителя крыс».

Всю ночь Гилберт держит «Шарлотту» на некотором удалении от берега, который простирается с севера на юг насколько хватает глаз. Звезды тускло светят на безоблачном темном небе. Рано утром, когда в восточной части небосвода над горизонтом появляется солнце, как красный шар, корабль входит в залив Ботани на всех парусах.

В бухте уже стоят на якорях другие корабли, но нет признаков, что происходит высадка на берег. Маленькие шлюпки курсируют между судами, и с того, которое находится у борта «Шарлотты», офицер сообщает, что высадки на берег еще нет, кроме похода за водой. Гилберт распоряжается приготовить баркас, и среди двенадцати человек на сушу отправляется и Вильям Брайент. Когда дно лодки упирается в грунт у берега, Вильям получает указание прыгнуть на песок, чтобы удержать лодку, другие моряки подбегают к нему и помогают вытащить ее на берег. Вильям Брайент становится первым европейцем, ступившим на землю Нового Южного Уэльса после того, как Кук покинул ее 19 лет назад.

Страна, которую мы теперь зовем Австралией, а раньше называли Новой Голландией, была открыта капитаном Джеймсом Куком во время его научной экспедиции на «Индеворе» в апреле 1770 года. 19 апреля лейтенант Захари Хикс закричал: «Вперед земля!» «Индевор» направился вперед. В 8 часов, когда Кук был в 15 морских милях от этой земли, он изменил курс и поплыл вдоль берега. Он увидел юго-восточный выступ материка и назвал его Пойнт-Хикс. Это был своевременный жест, поскольку лейтенант, как и многие другие молодые люди на борту судна, умер до окончания следующего года. Спустя день можно было отчетливо разглядеть землю. Молодому Джозефу Бэнксу показалось, что она выглядит обнадеживающе: «Сегодня утром на берегу поднимались мягкие покатые склоны, которые выглядели довольно плодородными, холмы казались поросшими деревьями значительных размеров. Около полудня был замечен дымок поодаль от берега. Вечером снова в разных местах наблюдались столбики дыма».

Дым означал, что новая земля заселена. В конце концов был найден проход в скалах, и «Индевор» вошел в бухту, где стал на якорь. На берег вышли около дюжины аборигенов, которые, казалось, не обращали ни малейшего внимания на корабль длиной 106 футов с высокими мачтами и большими парусами. Некоторые аборигены-рыбаки на четырех каноэ проплыли мимо на расстоянии менее четверти мили, но, когда корабль с большим шумом бросил якорь, они вообще не смотрели в его сторону. Нагая женщина, несшая какое-то топливо, появилась на берегу в сопровождении трех детей.

«Она часто посматривала на корабль,— пишет Бэнкс,— но не выражала ни удивления, ни восхищения. Вскоре она разожгла костер, затем приплыли четыре каноэ с рыбной ловли, люди вышли на берег, вытащили лодки и стали готовить еду; судя по их поведению, они совершенно не интересовались нами».

Бэнкс и судовые офицеры не могли поверить, что эти миролюбивые аборигены не хотели доставлять им трудности, но вскоре им пришли в голову другие мысли. Когда после обеда на борту судна они отправились на берег на нескольких лодках, всего более тридцати человек, два аборигена погрозили им со скал длинными копьями: их вовсе не запугало появление множества белых людей. Так как их нельзя было убедить с помощью знаков и жестов, Кук взял ружье и выстрелил над их головами. Это также не заставило их удалиться. Поэтому Кук выстрелил еще раз, на этот раз по их ногам, так как хотел показать, что не желает причинить им никакого вреда — расстояние было более сорока метров. Единственный результат был, однако, тот, что один из аборигенов побежал к своей хижине за щитом, и, когда моряки вышли на берег, оба аборигена метнули в них копья. Пришлось еще дважды выстрелить, чтобы отогнать их прочь. Кук и Бэнкс вошли в одну из хижин, где они нашли полдюжины детей, которые вовсе не проявили к ним никакого интереса. Когда им подарили стеклянные бусы и ленты, эти вещи остались лежать нетронутыми на земле.

Во всем этом были некоторые интересные сюжеты для раздумья, пишет Аллан Мурхед в книге «Роковое воздействие». Вид «Индевора» не произвел, по-видимому, никакого впечатления на этих примитивных людей, потому что был слишком странным, слишком громадным, чтобы они могли это понять. Корабль появился без предупреждения, как грозное природное явление, как ураган или удар грома. Игнорируя его или притворяясь, что игнорируют, аборигены, несомненно, надеялись, что он исчезнет. Но когда от корабля отошли небольшие лодки, они внезапно поняли, что речь идет о людях, об осязательной опасности, и, невзирая на их чужеземные одежды и бледные лица, а также на громогласные непостижимые стреляющие палки, оказали мужественное сопротивление.

Хотя англичанам не удалось наладить отношения с «индейцами», это была

отличная высадка, и именно здесь Бэнкс сделал все свои ботанические наблюдения, которые дали повод для названия залива. Он впервые описал эвкалипт с длинными тонкими ароматными листьями и кустарник с крупными волосатыми орехами, который впоследствии получил название «банксия». Неделя прошла приятным образом и омрачилась лишь смертью от туберкулеза моряка по имени Форби Сазерленд. Он был первым белым человеком, похороненным на этом дальнем берегу. Затем корабль Кука уплыл к северу, и залив Ботани с одинокой могилой на берегу снова на два десятилетия остался аборигенам.

2

На этот раз белые люди приходят, чтобы остаться. Под командой капрала Джеффри Милстона и двух вооруженных морских пехотинцев моряки и Вильям Брайнт отходят от берега, минуя утесы, к плато, поросшему приземистым кустарником. Здесь на расстоянии пятидесяти метров они замечают полдюжины укрытий от ветра, устроенных аборигенами. Увидев белых людей, женщины и дети исчезают в этих укрытиях, а семь-восемь мужчин с длинными копьями в руках угрожающе кричат: «Варавара! Варавара!»

Никто из людей с судна не сомневался в том, что слово «варавара» должно означать «убирайтесь». Милстон не может принять решение, надо ли наступать на аборигенов или повернуть назад. Капитан Гилберт велел проявлять дружелюбие к «индейцам» и применять против них оружие в целях защиты лишь в том случае, если люди с судна окажутся в крайней опасности. Капрал посылает одного из своих людей назад к берегу для получения дальнейших указаний от офицеров, которые тем временем на большой шлюпке подплывают к берегу. Теперь Вильям и моряки вполне могут рассмотреть коренных жителей страны. Они совершенно нагие, как мужчины, так и женщины, и, хотя они находятся довольно далеко, ветер доносит к европейцам неприятный суховатый запах, немного отдающий гарью. В последующие месяцы каждый, кто общается с аборигенами, научается узнавать этот запах как отличительный признак их присутствия. Он частично вмещает ароматы дыма костров и высушенных экскрементов. Последние смешиваются с илом и глиной. Комками этой смеси намазываются и мужчины, и женщины для защиты от москитов и слепней. Бэнкс еще при одной из первых встреч с коренными жителями Австралии отметил эту необычную привычку обмазываться глиной. Они такие грязные, пишет он, что ему пришлось смочить палец и потереть кожу одного из мужчин, чтобы убедиться в том, что естественный цвет этого человека шоколадно-коричневый.

Теперь аборигены начинают снова издавать крики «варавара», поворачивают носы назад, словно приюхиваясь к ветру, и отбегают на пару шагов ближе к источнику. У мужчин в носках продеты кости и более полные части тела обезображены шрамами, а кожа стерта, что связано с привычкой ползать группами вокруг костра ночью, в это время раскаленные угли выскакивают из костра на человеческие тела.

Наконец, к источнику приходят два офицера и шесть морских пехотинцев. Вильям видит, что первый из них — опирающийся на палку капитан Филлип. Губернатор сразу оценивает обстановку. «Вы поступили правильно, — говорит он собравшимся вокруг него. — Хорошо, что вы не атаковали дикарей».

С вытянутыми вперед руками в сопровождении солдат по обе стороны он осторожно направляется к размахивающим копьями аборигенам. Но этот жест не оказывает желаемого впечатления, так как они подходят еще чуть ближе к губернатору, и он распоряжается, чтобы из одного ружья выстрелили над их головами.

При грохоте выстрела они внезапно останавливаются, но лишь затем,

чтобы снова приняться кричать «варавара» еще более угрожающе. Внезапно самый высокий из них устремляется вперед или, вернее, прыгает в сторону Филлипа и мечет в него копье. Вильям, находившийся в нескольких шагах от губернатора, бросается перед ним, и в результате длинное копье вонзается в его левую руку. Он ощущает резкую боль и падает, потеряв сознание.

Вильям снова приходит в себя в маленькой каюте на «Шарлотте». Над ним склоняется доктор Уайт. «Хорошо, что вы очнулись, Вильям,— участливо говорит врач.— Я беспокоился, что яд в острие копья вас погубит». Он вытаскивает из коробки остаток кости длиной около 10 сантиметров, оканчивающийся острием и снабженный ужасными крючками. «Я не вполне разобрался в том, что я вытащил из вашей руки, но меня не удивило бы, если бы это был отравленный наконечник, который, возможно, аборигены насаживает на острие копья».

У Уайта есть также радостные сообщения: «Я говорил с вашей любимой, Мэри Брод, и пастор Джонсон обещал обвенчать вас, когда мы высадимся на берег. Губернатор Филлип, жизнь которого вы, несомненно, спасли, просил меня передать свою благодарность. Я понял, что он возьмет вас и вашу молодую невесту под свою защиту».

Но ни Вильям Брайент, ни кто-либо другой из заключенных не поселились в Ботани-Бее. За несколько дней пребывания в этом районе Филлип тщательно обследовал бухту и ее берега, пришел к заключению, что место не подходит для постоянного поселения. Якорная стоянка подвергается воздействию восточных ветров, огромные волны достигают берега и затрудняют высадку. Поэтому он вместе с несколькими офицерами отправляется на шлюпке за несколько морских миль вдоль берега в поисках отличной естественной гавани Порт-Джексона. Кук видел ее с моря двадцать лет назад и назвал в честь одного из секретарей адмиралтейства, который оказывал ему большую поддержку во многих случаях. Однако короткое пребывание в заливе Ботани способствовало тому, что его название остается символом каторжной колонии, хотя на самом деле она перенесена на несколько миль севернее, в Порт-Джексона.

Когда Филлип возвращается в Ботани-Бей и отдает приказ судам флотилии сняться с якорей, чтобы перебазироваться в Порт-Джексона, у входа в бухту появляются два корабля. Учитывая, что здесь лет двадцать не появлялись европейцы, это сенсационное событие. С облегчением Филлип различает, что это французские суда «Буссоль» и «Астролябия» под командованием известного мореплавателя Лаперуза. Они совершили фантастическое путешествие вокруг света, отправившись из Бреста два с половиной года назад для выяснения возможностей организации китобойного промысла в Южном океане. Лаперуз мальчиком был ранен и взят в плен англичанами, а потом сражался с ними в разных частях земного шара. Однако он не тайт зла и после сердечного обмена любезностями с Филлипом бросает якорь в заливе Ботани¹², в то время как флотилия с каторжниками плывет дальше к новому месту высадки в Порт-Джексона.

Никто из офицеров и матросов не сомневается в том, что Филлип нашел подходящее место для основания новой колонии. Одна естественная гавань за другой открываются по пути к большой бухте, и помощник командира капитан Хантер впоследствии отмечал: «Такого порта нет в других местах земного шара. Здесь могут разместиться корабли всех европейских стран».

Во многих местах к берегу подходят девственные эвкалиптовые леса, но иногда они уступают место открытым участкам и зарослям низких кустарников. Пестрые попугаи тысячами взлетают с деревьев с хриплыми криками, словно протестуя против вторжения европейцев в их стихию. На водах залива покачиваются два черных лебедя, они поднимаются в воздух, тяжело размахивая крыльями, когда мимо проходит первый корабль флотилии. Никогда

ни один белый человек не ступал здесь своими ногами, но люди варавара стоят группами на берегу и потрясают копьями в воздухе с криками «Убирайтесь! Убирайтесь!».

Артур Филлип решает высадиться на берег там, где находит «спокойный залив». Небольшая речка впадает здесь в бухту, и имеется большая открытая площадка среди довольно густого леса¹³.

26 января 1788 года, теплый день. Надвигается гроза, но, несмотря на это, мгновенно начинается разгрузка судов, продолжающаяся целых два дня. И каторжники, и вольные люди собираются группами у перил судов и вглядываются в землю, где они должны провести остаток своей жизни и где будут покоиться их бранные останки.

«Нет, это не подойдет,— говорит один из заключенных и сплевывает в море.— По слухам, отсюда до Китая четырнадцать дней пути пешком к западу. Меня хватит на такое путешествие».

Другой насмешливо похлопывает его по плечу: «Ты, идиот, даже не подозреваешь, о чем говоришь. Отсюда много тысяч миль до ближайшего цивилизованного места. Ты можешь отсюда выбраться только на корабле, друг».

«А что с двумя французскими судами в заливе Ботани?»

Собеседники — с одного из судов, где заключенные постоянно носят кандалы. «Да, убежишь тут куда-нибудь! Как ты доберешься отсюда до залива Ботани с кандалами на ногах? Как ты удерешь с судна и где спрячешься на берегу? Что ты скажешь тамошним людоедам, когда они метнут в тебя копье? Нет, убежать отсюда невозможно. Здешние индейцы — лучшие союзники солдат. Уж они позаботятся, чтобы никто из нас не ушел отсюда живым».

Однако имеются и другие заключенные, которые смотрят в будущее с какой-то надеждой. Среди них Мэри и Вильям и их друзья Джеймс Кокс, Джеймс Мартин и «индианка» Бетти. «Шарлотта» стоит дальше всего от берега в заливе Лорд-Сидней. С судна они могут наблюдать, как губернатор Филлип и его офицеры высаживаются на берег. Группа моряков с корабля «Сэпплай» водрузила флагшток на восточном берегу залива. Вечером в сумерках Филлип и часть его офицеров собираются в этом месте сразу после подъема английского военно-морского флага. Морские пехотинцы салютуют из ружей, и мужчины вокруг флагштока кричат «Ура!». Наверху между деревьями стоят три аборигена, один из них с длинной бородой и очень широким носом. Вероятно, это местный вождь. Он кричит пронзительным голосом свое «варавара». Однако теперь, через несколько дней после прибытия белых людей, аборигены понимают, что слово «варавара» утратило магическую силу. Вождь тоже осознает, что чужеземцы приступают к освоению страны его отцов. Еще один форпост добавляется к могучей колониальной империи Англии.

Женщины на «Шарлотте» получают указание находиться на борту еще несколько дней, но мужчин, кроме больных цингой или дизентерией, без кандалов посылают на сушу под руководством майора Роберта Росса и его морских пехотинцев, чтобы организовать палаточный городок. Сначала надо срубить часть коренного леса поблизости от ручья, затем выкорчевать подлесок, и тогда там можно устанавливать палатки. Уже в это время возникают первые проблемы: стволы деревьев настолько тверды, что топоры разбиваются при сильном ударе, а когда лес повален, не остается места для палаток. Майор ругается и изрыгает проклятия, но это мало помогает. Он низкорослый толстяк, с совершенно неуравновешенным характером. Его люто ненавидят младшие офицеры — три лейтенанта, которых он подверг домашнему аресту на борту судна, а с заключенными он вообще не желает говорить. Он вынужден использовать их рабочую силу, так как даже среди морских пехотинцев много больных, но ни один заключенный не имеет права обращаться непосредственно к нему, разговор должен вестись через одного из солдат.

Вильям Брайент не знает об этом и любезно предлагает Россу унести часть деревьев. Маленький майор взрывается в бешенстве и кричит двум солдатам, которые всегда около него: «Схватите этого парня и всыпьте ему двадцать ударов кнутом!»

«Не знаю, разве я сделал что-нибудь неправильно, сэр», — говорит Вильям. «Ты, парень, еще вдобавок нахал. Тридцать ударов!»

Лейтенант, который стоит поблизости, вероятно, наблюдал этот эпизод и сообщил о нем губернатору Филлипу. Позднее было вынесено решение, что наказание будет отменено, если Вильям извинится перед майором Россом. Хотя он и не чувствует, что вел себя нагло, он приносит извинение Россу, который теперь не имеет ничего против того, чтобы заключенный обратился к нему. Он шипит ему в лицо: «Брайент, я еще тебе покажу, будь уверен. Я еще рассчитаюсь с тобой».

За неделю было вырублено много деревьев и изготовлены изгороди, чтобы скот мог пастись в новой стране. На судах привезли 1 жеребца, 3 кобыл, 3 жеребят, 2 быков, 5 коров, 29 овец, 19 коз, 48 свиней и 25 поросят, 5 кроликов, 18 индюков, 29 гусей, 35 уток, 122 курицы и 87 цыплят — ничтожное количество, чтобы удовлетворить потребности более тысячи человек. Многие животные разбежались; кролики на воле так быстро размножились, что за несколько лет стали бичом для нового общества.

Наконец наступил великий день высадки женщин на берег. Это событие долго ждали и мужчины (как заключенные, так и солдаты), и женщины. Лишь на немногих транспортных судах на борту были женщины, и многие заключенные, до прибытия в Ботани-Бей находившиеся на тюремных судах в Англии, долгие годы не видели молодых женщин. Молодожен пастор Джонсон, фантазия которого в этом отношении вряд ли оставляла желать лучшего, предложил губернатору Филлипу, что он до высадки на берег может обвенчать каждую пару, которая наверняка хочет жениться. «Но ведь они не видели друг друга?» — весьма логично спрашивает Филлип. «Это действительно существенно, ваша милость. Может быть, надо тянуть жребий. Мы позволим мужчинам, желающим жениться, выстроиться в ряд на средней палубе, а на верхней палубе поставим равное число молодых женщин. Каждый мужчина вытаскивает листок с номером, и после этого он может обвенчаться с женщиной, у которой соответствующий номер».

«Но если женщина окажется страшной, как смертный грех, ваше преподобие?» — позволяет себе вмешаться доктор Уайт.

«Мы действительно не учли такое обстоятельство».

«Хотели бы вы сами жениться на пасторше на таких условиях?» — не смог удержаться доктор Уайт.

Пастор Джонсон ухмыльнулся и при этом стал похож на старую мартышку. «Я выдвинул предложение с самыми лучшими намерениями, чтобы избежать разгула жестокости, и не хотел бы быть свидетелем безбожных сцен, которые, несомненно, разыграются, когда возобладают желания плоти», — обиженно говорит он.

Филлип считает, что надо все же предоставить природе идти своим путем, но, возможно, у него не хватило воображения представить себе, чем это обернется. Через несколько минут после высадки женщин на берег вся дисциплина исчезла, как роса при восходе солнца, и, если бы группа заключенных затеяла бунт, никто не мог бы противостоят мятежникам в первые двенадцать часов после высадки женщин. После всего увиденного губернатору стало ясно, что только путем введения самого строгого режима можно избежать мятежа и кровопролития.

Заключенные и морские пехотинцы набрасываются на женщин сразу же, как только они выходят из лодок на твердую почву. Некоторые дамы еще до высадки

на берег успевают договориться с перевозившими их матросами. Для большинства женщин напористость мужчин вовсе не неприятна. Может быть, это объясняется тем, что более половины прибывших женщин оказались в заключении по причине проституции, и самые искушенные из них вряд ли в прошлом оказывались перед столь рьяными претендентами. «Индианка» Бетти быстро оценивает ситуацию и выдает маленькие клочки бумаги с номерами интересующимся мужчинам, которых таким образом можно обслужить, соблюдая очередность. Пастор Джонсон запирает свою Глэдис в только что отстроенном доме. Затем он все же спускается вниз к берегу, чтобы по возможности приостановить разгул плотских побуждений. Однако это не удается не только ему, но и строгому майору Россу, который требует от своих подчиненных, чтобы они в целях предупреждения стреляли в воздух. Никто его не слушает, так как морские пехотинцы неистово ждали появления женщин. Солдаты украли две бочки рома и джина и выбили из них затычки. Заключенные отнюдь не отставали от них и разными способами достали горячительные напитки в таком количестве, что падали вместе со своими кандалами, пытаясь бежать вниз, к лодкам, доставлявшим женщин на берег.

Тогда оставалось еще немало деревьев, которые было невозможно свалить или срубить, а также густые заросли кустарника, поэтому парочкам не надо было далеко отходить в поисках уединения. Разумеется, невозможно было организовать строгую охрану вокруг палаток женского лагеря. Отчасти сами часовые пользуются сложившейся ситуацией, а также принимают взятки от своих товарищей и от заключенных. В таких случаях они отходят в сторону, когда мужчина хочет войти в одну из палаток. Все будущее колонии находится на грани краха. Расхищается лагерный запас спирта, продовольствия, оружия, и это может перерасти в открытый мятеж.

Тогда губернатор Филлип понимает, что необходимо твердой рукой пресечь беззаконие. Немногочисленные не совсем охмелевшие морские пехотинцы под руководством капитана Тенча сгоняют заключенных, а также пьяных солдат, и Филлип перед ними произносит громовую речь, в которой он очень ясно дает им понять, что произойдет, если они не будут следовать его распоряжениям. Король Георг дал ему неограниченную власть, и с этого момента каждый, кто не подчиняется его приказу, будет жестоко наказан. Он выбрал из среды заключенных палача, который стоит наготове с кнутом, и распорядится построить виселицу, на которой будут болтаться те, кто ворует из складов и без разрешения носит оружие. Он также велит заковать в кандалы тех солдат, которые немедленно не последуют его приказаниям.

Воровство не прекращается, и Филлип вынужден пустить в ход радикальные меры. Шесть морских пехотинцев вешают за то, что они забрались в склады, другие получают 300 ударов хлыстом, двух капралов заковывают в кандалы. Он обещает возможность отправки самых неисправимых воров в страну людоедов — Новую Зеландию.

Аборигены вскоре тоже предпринимают угрожающие действия. Когда заключенные похитили их рыболовные снасти и вся дичь вокруг колонии была отстрелена, они стали нападать на каждого встреченного в зарослях кустарников и забивать там своими копьями.

3

Змейка Энн Смит посещает Вильяма и Мэри поздним вечером в хижине, которую они построили на склоне за палаточным лагерем. Энн прикладывает палец ко рту, предупреждая, что надо говорить тихо. Мэри кормит грудью маленькую Шарлотту.

«Я пришла попроситься,— шепчет Энн,— сегодня ночью мы с Питом бежим».

Вильям роняет рыболовные крючки, которые он держал в руках.

«Бежите! Куда вы бежите?» — удивленно спрашивает он.

Энн шикает на него: «Ты знаешь, в заливе Ботани стоят два французских корабля. Капитан Тенч был на борту одного из них, «Астролябии», позавчера. Его доставили домой французские матросы, которых угостили грогом у нас на берегу перед возвращением в залив Ботани. Пит имел возможность поговорить с двумя своими соотечественниками. «Не укроете ли вы меня и мою приятельницу?» — спросил он напрямик. Они оба сказали, что их выпорют кнутом, если это обнаружится, так как граф Лаперуз под честное слово обещал губернатору Филипу, что выдаст каждого каторжника, который попытается пробраться зайцем на его суда, властям в бухте Сидней. Однако они также сообщили, что на судах не укомплектована команда, поскольку десять моряков были убиты и двадцать ранены в схватке с аборигенами на островах Мореплавателей. Пит сказал, что даст каждому из них десять гиней, если они спрячут нас обих на «Астролябии», пока судно отойдет за два дня подальше в море».

«Двадцать гиней! Откуда вам с Питом достать столько денег?» — спрашивает Вильям.

«Мы радовались деньгам».

«А где, можно спросить?»

«Я не могу назвать тебе имя. Но ты ведь можешь догадаться, поскольку это наш общий друг. Насколько я поняла, «Астролябия» затем держит курс на Отахейте. Может, помнишь, Мэри, на «Дюнкерке» мы говорили о рае. Теперь выходит, мы с Питом найдем этот рай».

Вильям выражает сомнение по поводу этого плана: «Ты уверена в том, что можно положиться на этих двух французских матросов? Что, если они просто возьмут двадцать гиней и выдадут вас капитану? И как вы доберетесь отсюда до залива Ботани через джунгли? Ведь вы слышали, что индейцы убили двух человек, бежавших из колонии два дня назад. И у вас нет никакого оружия, даже топора, чтобы защищаться. Откажитесь от этого плана. Он безумный».

Но Энн не согласна. «Нам не представится другого такого подходящего случая, как этот. Мы не останемся «ботаниками» до конца своих дней,— говорит она.— Через несколько дней французские суда снимутся с якоря, и мы уплывем с ними».

Она обнимает Мэри, прощается с Вильямом и исчезает в темноте. На опушке леса ее ждет Пит. Завтра при перекличке заключенных выяснится, что они исчезли, поэтому надо уйти как можно дальше от колонии. В девственном лесу нет троп, но они стремятся держаться как можно ближе к берегу. Сейчас лунная ночь, и их шумное прохождение через заросли кустарника вызывает крики сотен попугаев. Внезапно Энн вздрагивает: из темного леса появляется крупное животное и большими прыжками пронесется дальше в чащу. В первый и единственный раз в своей жизни она видит кенгуру. Помимо лунного света, светлячки на листьях камедного дерева придают волшебный блеск лесу, и кажется, словно многочисленные крохотные свечки горят серебряным пламенем.

Заросли кустарников во многих местах настолько густые и запутанные, что обоим беглецам приходится выбирать в мангровые болота у берега. По вязкому илистому грунту трудно идти, а каждый раз, когда они выбираются на сухую землю, им досаждают жалящие муравьи и термиты.

На рассвете она обращает внимание на свет костра в глубине леса. Пит осторожно пробирается через заросли и замечает два десятка аборигенов, спящих вокруг потухающего костра, их длинные копья воткнуты в землю. Энн

и Пит, стараясь не производить ни малейшего шума, движутся через болото обратно к берегу и совершенно не напрасно: как они предполагали, там стоят два примитивных каноэ аборигенов и в ил воткнуты весла. Они выталкивают одно каноэ перед собой в воду, но сначала надо вползти в него, когда они отходят достаточно далеко от берега. Они медленно гребут вдоль берега, и, когда первый хрупкий луч утреннего света озаряет небосвод, Пит узнает местность: они находятся в лесу на северном берегу залива Ботани. Обогнув на каноэ выступающий в залив мыс, они видят «Буссоль» и «Астролябию».

Однако почти в тот же момент они слышат странный звук, похожий на что-то среднее между стоном и визгом. Очень скоро они обнаружили, откуда исходит этот звук. Пять аборигенов в каноэ появляются у мыса, они за короткое время проходят вперед, два из них крутят в воздухе какие-то деревянные предметы на конце веревки, и это вызывает зловещий звук. Нет сомнений в том, что аборигены разыскивают украденное каноэ и эти предметы, которыми они размахивают в воздухе, надо понимать как угрозу. Пит быстро заводит каноэ в мангровое болото, чтобы спрятать его между извилистыми стволами деревьев и высокой жесткой травой.

Аборигены подъезжают все ближе, и человек на носу каноэ показывает, как пройти среди мангровых деревьев, чтобы обнаружить след пропавшей лодки. Если Энн и Пит останутся в мангровых зарослях, люди варавара очень скоро их обнаружат.

«Нам, видимо, надо обогнуть мыс и надеяться, что с французских судов отправят людей за водой на берег,— говорит Пит,— или индейцы обнаружат нас и пронзят копьями»:

«И индейцы и люди с кораблей заметят нас».

Однако другого выхода нет. Пит быстро выводит каноэ из болота и гребет вокруг мыса, где они опять видят «Астролябию» и «Буссоль», которые стоят на якоре на расстоянии немного более двух миль от них. Баркас с шестью моряками, вероятно посланными за водой, движется к берегу. Нет сомнения в том, что скоро французы и аборигены увидят каноэ с беглецами.

«В лодке сидит офицер»,— говорит Энн.

Пит слишком занят греблей, чтобы ответить ей. Аборигены подплывают все ближе, и вот они оказываются так близко, что вполне могут метнуть копье. Слышен неприятный звук от деревянных предметов, раскачиваемых на веревке. Пит заводит каноэ в маленький залив, подгребает к болоту. «Поторапливайся, прыгай на землю, попробуем подойти как можно ближе к источнику,— кричит он Энн.— Может, индейцы не осмелятся убить нас, если увидят, что поблизости другие белые. Правда, я не думаю, что нас заметили люди с судов, но может, у нас есть еще шанс спастись».

4

В течение следующего полугодия губернатору Артуру Филлипу удастся снова укрепить дисциплину. Палатки постепенно заменяют бараками и хижинами, устанавливают границу лагеря вокруг обжитой территории, и в ее пределах должны находиться все колонисты во время ежедневной утренней переклички. Однако, хотя колония круглые сутки патрулируется морскими пехотинцами, чтобы воспрепятствовать побегам заключенных (как это совершили Пит и Змейка), выясняется, что их нельзя оперативно пресекать. Посылают группу колонистов найти известняк, чтобы приготовить известковый раствор. Экспедиция терпит неудачу: на четырех солдат нападают аборигены, а четыре каторжника, все ирландцы, поспешно убегают, сказав товарищам, что отправятся пешком в Китай. Их дальнейшая судьба неизвестна.

Филлип осознает необходимость одевать кандалы на заключенных, выходящих за пределы лагеря, и каждое утро перед ним предстает грустное зрелище оборванных людей в кандалах (взятые из Англии одежды постепенно изнасились), отправляющихся копать землю, которая затвердела как железо под палящим летним солнцем. В некоторые дни так жарко, пишет Тенч в своем дневнике, что летучие мыши и птицы замертво падают с деревьев. Привезенные овцы погибают от неизвестной болезни. Коровы вырываются на волю, и их не могут найти. В продуктах заводятся жуки и черви, а интенсивная охота не помогает улучшить пищевой рацион. Аборигены становятся настолько агрессивными, что нападают на каждого, у кого нет оружия. В конце концов они, видимо, поняли, что надо убивать белых людей, если они хотят сохранить свой образ жизни.

Примерно в то время, когда резко уменьшается запас взятого продовольствия, появляются признаки голода. Но, к счастью, егеря колонии Мак-Интайр во время похода в глубь страны находит плодородную землю в местности, где полно красивых красных птиц. Филлип называет эту местность по имени влиятельного Джорджа Роуза, своего бывшего соседа в те времена, когда он сам был джентльменом-землевладельцем в Гемпшире. Именно Роуз шепнул лорду Сиднею на ухо, что молчаливый длинноносый капитан вполне подойдет на должность основателя каторжной колонии на другом конце света. Губернатор посылает пятьдесят человек под вооруженной охраной в Роуз-Хилл, чтобы засеять только что вскопанные поля. Однако во избежание все более учащающихся нападений аборигенов на заключенных он распорядается, чтобы солдаты захватили одного-двух «индейцев», чтобы дружелюбным, но решительным образом можно было выучить их язык и дать им понять, как полагается вести себя с новыми хозяевами страны.

В одном из многочисленных заливов в окрестностях Порт-Джексона удалось одержать победу над группой аборигенов и захватить в плен молодого мужчину, которого сначала называли Мэнли¹⁴, поскольку он мужественно защищался. Бухту, где произошла схватка, тоже называли Мэнли, а потом выяснилось, что настоящее имя Мэнли на его языке Арабару. Ему надели цепь на одну ногу и на ночь привязывали к заключенному Джозефу Пейджету, который получил указание вести себя дружелюбно, но решительно по отношению к нему.

Джозеф и Арабару оказываются странной парой в колонии. Двух человек, скованных вместе, используют для разрядки обстановки между коренными жителями страны и прибывшими поселенцами.

Это мероприятие контролируется молодым лейтенантом Брэдли, женоподобным существом с высоким писклявым голосом и манерами придворного парикмахера. Почему он выбрал для этой роли именно Джозефа Пейджета, ясно: раньше он был посыльным в лондонском полусвете, обокрал своего «благодетеля», известного дворянина, и за это был сослан на каторгу. Его ненавидят многие товарищи по заключению, но он пользуется определенным влиянием в обществе, где слишком мало женщин и где красивый молодой человек ценится за свою наружность. Джозеф сумел немного выучить язык аборигенов, и поэтому, когда возникает необходимость общения с коренными австралийцами, он выступает как первый переводчик колонии. Сначала Арабара при каждом удобном случае пытался сбежать. Но когда он понял, что это не удастся, он оказался очень милым и приятным в общении. Его очищают от вшей (и мешают ему поедать своих вшей), а затем начисто отмывают, и окружающие офицеры, включая капитана Тенча, с удивлением видят, что настоящий цвет его кожи не намного темнее, чем у загорелого итальянца или испанца. Ему надевают штаны и куртку и оказывают честь есть за губернаторским столом, где он станет выбрасывать остатки пищи в окно. Во время первых

приемов пищи он зараз съедал 7—8 рыб и уничтожал все, что мог взять. Однако постепенно до него доходит, что у этих странных белых людей подают пищу три раза в день и нет необходимости чересчур набивать утробу. Его совершенно не волнуют крепкие напитки, он пьет только воду, и, когда юный Джозеф берет его с собой посмотреть на порку, осуществляемую под руководством лейтенанта Брэдли, Арабару сотрясается в рыданиях и просит отпустить несчастного. Однако Джозеф притягивает его к себе цепью, так как, по мнению Брэдли, ему полезно наблюдать, как белые люди по праву карают нарушителей закона. Придет время, он вернется к лагерным кострам своих соплеменников и расскажет об этом.

Однако время возвращения Арабару в общество своих товарищей так и не приходит. Несколько месяцев ему приходится жить как дикому животному в цирке. Однажды утром труп аборигена прибывает к берегу бухты Сидней, и в последующие дни в других местах обнаруживают мертвых аборигенов. Нет сомнений в том, что среди них вспыхнула эпидемия оспы и в течение трех месяцев, вероятно, более половины аборигенов в районе Порт-Джексона погибает от этой ужасной болезни. 18 мая 1789 года Арабару тоже умирает от оспы. Лейтенант Брэдли и Джозеф Пейджет весьма расстроены.

Однажды к берегу в северной части залива Порт-Джексон прибывает труп кита. Филлип с группой сопровождающих лиц плывет к этому месту на лодке и обнаруживает там несколько аборигенов, которые приступают к разделке туши. Они принимают угрожающие позы и размахивают копьями. Филлип, несомненно обладавший таким же мужеством, как Кук, безоружный направляется к ним с дружественными жестами. Но аборигены разгневаны, возможно, они понимают, что европейцы принесли им болезнь, унесшую так много человеческих жизней. Один из них пронзает его плечо копьем. Тяжело раненого губернатора уносят в лодку.

Спустя некоторое время главный егерь колонии Мак-Интайр, человек, которого по понятной причине аборигены ненавидят, подвергся нападению во время охоты и был убит. Филлип посылает Тенча в карательную экспедицию с наказом застрелить шесть аборигенов в качестве репрессивной меры. Тенч сначала отговаривается, но затем понимает, что дальнейший отказ приведет к разжалованию, и отправляется исполнить приказание губернатора. В лунном свете он и его люди пристают к болоту у залива Ботани и оттуда идут обратно в Сидней, заметив в пути лишь одного аборигена. В своем дневнике Тенч постоянно оправдывает «индейцев», однако он отнюдь не идеализирует образ «благородного дикаря» в понимании Руссо, а, скорее всего, констатирует, что участь австралийских аборигенов предreshена.

Примечания

¹² Фрегаты «Буссоль» и «Астролябия» под командой графа Жана Франсуа де Лалоп де Лаперуза отправились из Франции 1 августа 1785 года в научную экспедицию по Тихому океану. Лаперуз вышел в этот океан южнее мыса Горн и затем обследовал побережье Северной Америки от Аляски до Монтерея, пересек Тихий океан до Филиппинских островов, оттуда продолжал путь к северу до Камчатки, где в то время часто встречались торговцы пушнинной. Здесь он получил почту с распоряжением плыть в залив Ботани, чтобы выяснить, основали ли англичане там колонию. По пути на юг Лаперуз отправил группу моряков за водой на острова Морепоплавателей, или Самоа. Там на них напали аборигены, которые убили 12 человек, в том числе капитана «Астролябии», и тяжело ранили 12 человек, а оба баркаса были вдребезги разбиты. После этого инцидента Лаперуз решил продолжать плавание прямо до залива Ботани, чтобы построить

там новые лодки, а также взять на борт воду. Отношения между английскими и французскими офицерами были сердечные; французские фрегаты стояли в заливе Ботани, тогда как английский флот переместился в залив Порт-Джексон (см. примечание 15). Самые подробные описания пребывания Лаперуза в заливе Ботани имеются в следующих источниках: Selkirk Henry. *La Pérouse and the French monuments at Botany Bay*, 1918; *La tragique expédition de Lapérouse et Langle*. Hachette. Paris, 1954; *Fragments du dernier voyage de la Pérouse*. Quimper, 1796.

¹³ Спустя 200 лет на этом месте было построено здание Сиднейской оперы, а поодаль возвышаются небоскребы города с миллионным населением.

¹⁴ От английского слова man — мужчина, человек.— Л. С.

Глава 5

«Свободные от цепей» в Рыбачьей бухте.— Устричные банки у реки Хоуксбери.— Вил и его друзья вынуждены взять с собой Джозефа Пейджета.— Лейтенант Брэдли и Черный Цезарь.— Беннелонг попадает в плен.— Дальнейшая участь Беннелонга.— Голод в каторжной колонии.— Вильяма Брайента арестовывают и обвиняют в краже рыбы у колонистов.— Его приговаривают к 100 ударам кнутом.

1

Среди солдат морской пехоты и каторжников стали распространяться слухи, что лишь вопрос времени, когда колонию придется покинуть, а оставшиеся в живых будут переведены в другое место. Чаще всего упоминают ужасный остров Норфолк, куда будут направлены самые закоренелые преступники.

Майора Росса назначают губернатором острова Норфолк.

«Никто не скажет, что я сентиментален,— восклицает он на собрании каторжников и морских пехотинцев ранним утром, когда их созвали к подмосткам эшафота, чтобы присутствовать при смертной казни.— Все должны знать, что вы живете тут, чтобы искупить свои проступки. Вы не имеете права ни на какие удовольствия. Тем, кому хорошо, придется иметь дело со мной. А тот, кто попытается сбежать в лес или смыться в море, будет доставлен обратно в колонию, и я гарантирую, помяните мое слово, что он не пожелает снова родиться на свет божий».

Однако не всем заключенным одинаково плохо, и не все, подчиняясь запрету майора Росса, живут плохо. Это преимущество высшей категории заключенных, к которой относятся Вильям и Мэри Брайент. Вскоре после прибытия в Порт-Джексон их обвенчал пастор Джонсон. Вильям — среди тех, кто не носит кандалов. Он построил довольно примитивную хижину на берегу Рыбачьего залива. Вильям по приказу губернатора становится рыбаком колонии. В его распоряжении находится шестивесельная лодка, на которой он каждое утро, если позволяет погода, выходит в большую бухту, чтобы добыть рыбы для колонии, вместе с Джеймсом Коксом и Джеймсом Мартином. Теперь, когда все суда уплыли в Англию, на остров Норфолк или в Голландскую Ост-Индию за продовольствием, этот баркас, несколько маленьких лодок, которыми располагают колонисты, лодка главного егеря и губернаторский катер остаются единственными средствами передвижения по воде.

Рыбы маловато, у аборигенов есть рыбные места, которыми завладевают европейцы; там можно будет наловить много рыбы, чтобы накормить тысячу людей. Трое мужчин отплывают все дальше от бухты Сидней, и в двенадцати милях к северу, в устье реки, которую ныне называют Хоуксбери, обнаруживают богатые устричные банки. Устрицы становятся ценной добавкой к ежедневному пищевому рациону. Мэри вместе с маленькой Шарлоттой иногда тоже отправляется в эти поездки, она собирает листья сарсапарильи в зарослях

кустарников и приготовляет из них сладковатый на вкус напиток. Заключенные называют его «сладким чаем». Говорят, что он помогает от цинги.

Однажды Вильяма вызывает вице-губернатор колонии капитан Хантер. «Я предоставлю вам в помощь еще одного человека», — говорит он.

«Мы превосходно справляемся втроем, сэр, — говорит Вильям, — четвертый человек будет лишним».

«Я слышал, у вас налажен хороший контакт с «индейцами». Это правда?»

«Точно, сэр».

«Поэтому я отправлю с вами этого человека. Он знает язык «индейцев», и теперь, когда Арабару нет в живых, мы снова установим контакты с аборигенами. Может, вы воспримете это предложение, чтобы немного развлечься там, у устричных банок. Майор Росс потребовал немного усилить наблюдение за вашими поездками. Я направляю этого человека сюда утром, и вы должны взять его с собой на лодке. Это приказ!»

На следующее утро у баркаса появляется Джозеф Пейджет. Возможно, он шпион Росса. Однако Вильям не считает, что они должны что-нибудь скрывать. Они точно следят за тем, чтобы поставлять часть улова колонии, и только небольшую часть позволяют взять себе домой. Джозеф никогда раньше не брался за весло, но он быстро принимается учиться и производит впечатление услужливого и предупредительного человека.

Через несколько дней они встречаются у устричных банок трех аборигенов, которые занимаются тем же делом, что и они сами. Здесь в данный момент полно устриц, так что ни одна из сторон не ощущает, что ее права ущемляются. Здесь Джозеф проявляет способности к языкам, к удивлению своих спутников. За весьма короткий срок он наладил добрые отношения с тремя австралийцами, несомненно, потому, что он может произнести несколько фраз на их языке. Он дает одному из них, высокому, долговязому парню с рубцами по всему телу, свою бескозырку, и тот принимает дар, хотя обычно аборигены предпочитают не иметь дела с вещами, принадлежащими белому человеку. В последующие дни рыбаки снова встречают знакомых аборигенов на отмелях, и между ними завязываются вполне доверительные отношения.

Ранним утром, когда еще не совсем рассвело, Джозеф Пейджет появляется в хижине Вильяма и Мэри с двумя мужчинами. Среди них один из трех негров колонии, великан Цезарь, чью судьбу супружеская чета отлично знает. Цезарь, так же как многие другие, пострадал из-за превратного представления, что Китай находится в нескольких днях пути от голубых гор. Дважды он пытался бежать в обетованную страну свободы, но оба раза вынужден был вернуться после того, как страдал от голода и жажды в лесных дебрях. В первый раз его приговорили к смертной казни, но помиловали и наказали сотней ударов кнутом, во второй раз его также приговорили к смертной казни и заменили ее двумястами ударами кнутом (на этой экзекуции как раз присутствовал Арабару), и ему разъяснили, что смертный приговор остается в силе, если ему не удастся поймать одного или двух аборигенов, из языка которых во время своих безуспешных побегов он выучил несколько слов.

Рядом с Цезарем стоит ужасный лейтенант Брэдли, которого заключенные прозвали Котом, вовсе не только из-за его зеленых глаз, но и потому, что он как офицер, присутствующий при исполнении приговоров, следит, чтобы девятиконечный кнут буквально снимал кожу со спины жертвы за малейший проступок. Он кричит палачу, если он не вкладывает всю свою силу в удары: «Пусть “кошка” танцует, бей или она запляшет на твоей спине!»

«Поехали быстрее, Брайент, мы должны выйти и поймать «индейцев».

«Поймать “индейцев”, сэр?»

«Да, губернатор хочет поймать не менее двух для моего друга мистера Пейджета, чтобы он немного попрактиковался в языке. Если Цезарь не хочет бол-

таться на виселице за свою последнюю попытку к бегству, он должен доставить губернатору двух дикарей».

«Но сэр, если мы нападём на них, мы не сможем больше посещать устричные банки, так как у нас нет оружия, а поблизости живет немало их соплеменников».

«Что по-твоему, каналья, означает приказ губернатора привести двух индейцев?»

Цезарь обещает надушенному коротышке: «До захода солнца у вас в цепях будут не менее двух индейцев, сэр».

«Я надеюсь также на тебя, ниггер, в противном случае через несколько дней вёроны попируют на твоей голове».

Противостоять лейтенанту Брэдли — для Вильяма значит получить добрую порцию ударов кнутом и, кроме того, потерять работу, поэтому он вместе с Джозефом созывает своих товарищей, и вся компания отправляется в путь на баркасе. Брэдли и Цезарь, вооруженные, укрываются на дне лодки, когда она подходит к устричным банкам.

Аборигены находятся там, как обычно, и подают приветливые знаки друзьям, но, как только баркас уткнулся носом в берег, Брэдли и Цезарь выскакивают из своего укрытия и направляют ружья в сторону аборигенов, которые убегают в заросли. Пуля ранит молодого мужчину в ногу, и двум охотникам на людей удается его поймать, поскольку он не может догнать своих товарищей.

Таким образом был пойман Беннелонг — второй абориген, который, словно подопытный кролик, должен помочь сплотить повседневную жизнь черных и белых людей. Однако в противоположность тому, что произошло с Арабару, опыт с Беннелонгом в известной степени удался. Для этого было много причин. Самая важная, может, та, что эпидемия оспы настолько уменьшила численность аборигенов, что сопротивление европейцам практически стало невозможным. Может быть, следует иметь в виду и характер самого Беннелонга. Оказалось, что он легче приспосабливается к образу жизни белых людей, чем его предшественник. Он скоро приобрел вкус к европейской пище и напиткам, и его держат как любимое животное в губернаторском доме. Тенч описывает его как «человека приятной наружности, хорошо сложенного, со смелым мужественным взглядом, который свидетельствует об упорстве и жажде мести». Другие называют его «общительным и любезным».

Надо признать, что Беннелонг делает некоторые «успехи». Он обучается немного говорить по-английски, надевает европейскую одежду и начинает умываться. Хотя ему разрешается приходить и уходить когда угодно, он предпочитает находиться в колонии и на опушке леса; недалеко от скромного жилища Вильяма и Мэри он строит себе еще меньшее жилище, которое не более чем укрытие от ветра, куда иногда приходят навестить его сестры и братья (корни аборигенов, живущих остатками со стола европейцев, уходят к уютящемуся в шалаше семейству Беннелонга). За ним вскоре последовали другие аборигены¹⁵.

2

В июне 1790 года сам губернатор Артур Филлип почти утрачивает веру в возможность дальнейшего существования поселения в районе бухты Сидней. В предыдущем году «Сириус» в мае месяце вернулся из Капстада с небольшим грузом пшеницы, и это был весь запас продовольствия, доставленный в Сидней с тех пор, как первая флотилия высадила свыше тысячи человек в новой колонии. Сначала пришлось сократить дневные рационы на $\frac{2}{3}$, затем последовали дополнительные сокращения, и в конечном итоге губернатор был вынужден распорядиться, что каждый заключенный, так же как и солдат морской пехоты,

может сам сколько угодно ловить рыбу и собирать листья сарсапариллы и что все колонисты, как вольные, так и отбывающие наказание, могут передвигаться за пределами поселения при дневном свете, чтобы раздобыть больше еды. Одновременно губернатор установил смертную кару за малейшую попытку украсть продукты из правительственных складов или присвоить себе рыбу или дичь, пойманную по заданию колониальной администрации. В завершение всех невзгод начался сухой сезон, большинство водотоков пересохло и исчезло в трещинах, и миллионы насекомых, крупные жалящие слепни и распространяющие лихорадку комары набросились на жалких, оборванных жителей колонии. Многие морские пехотинцы и заключенные вынуждены были ходить босиком. Цинга и дизентерия собирали свою дань, и численность населения сократилась менее чем до 700 человек.

Филлип направил небольшое судно на остров Норфолк, где была создана каторжная колония для заключенных, которые нарушили порядок в Сиднее. Начальником этой тюрьмы был назначен жестокий майор Роберт Росс, который пытается увезти с собой по возможности больше заключенных. Быть сосланным на остров Норфолк считается наказанием хуже виселицы.

После истории с пленением Беннелонга Вильям и его друзья не особенно доверяют Джозефу Пейджету, но однажды вечером, когда стемнело, этот молодой человек посещает Вильяма в его хижине. Оба — Вильям и Мэри — замечают, что у него на уме какое-то важное сообщение. «Выкладывай, в чем дело», — говорит Мэри.

«Я не должен рассказывать вам то, что узнал из высоких источников, но вы всегда были так добры ко мне, и мне кажется, что вы должны это знать. — Он прикладывает руки к груди. — У тебя не найдется капельки рома, Вильям?»

«Откуда мне его взять?»

«Но ведь немного рыбы ты, наверное, продаешь на сторону, как я полагаю. В противном случае ты повел бы себя глупо».

«И рискнул бы отправкой на остров Норфолк к Россу? Ты, должно быть, с ума спятил».

«Как раз об острове Норфолк я пришел поговорить с тобой. Росс хочет взять тебя с собой как рыбака, а Мэри останется здесь с ребенком».

Вильям вскакивает со стула, на котором сидит, и хватается за невод.

«Ты врешь, Джозеф. Скажи, что ты врешь!»

«Думаешь, я пришел сюда рассказывать лживые истории. Я сам слышал, как об этом говорили Брэдди и Росс».

«Но ведь Росс терпеть не может меня, зачем ему брать меня как рыбака?»

«Что мне известно? Может, он вовсе не будет использовать тебя как рыбака, а делает это лишь, чтобы навредить тебе. Он не из самых лучших божьих созданий».

Мэри плачет. Джозеф пытается ее утешить: «Не надо вести себя так неразумно, Мэри. Ведь у вас есть баркас, почему бы вам не уплыть на нем на Отахейте?»

«Уплыть на Отахейте! — говорит Вильям. — Ты, наверное, не соображаешь, что говоришь. Надо иметь навигационную карту, нужен компас и секстант, нужно огнестрельное оружие, питьевая вода и продукты. Как мы сможем пройти мимо пушек, стоящих у входа в бухту? Ты думаешь, я не думал о том, чтобы уйти с Мэри и Шарлоттой, чтобы найти место, где мы могли бы жить свободными людьми! Но это невозможно».

Джозеф усаживается в углу на полу, поджав под себя ноги.

«Я должен бежать. Просто я больше всего этого не вынесу. Я умру, если останусь под пятой Брэдди. Очень прошу вас помочь мне».

«Но каков человек? Отправиться в море, не разбираясь в судоходстве, — это самоубийство».

«А что если пробиться по суше?»

«По суше! Что ты под этим имеешь в виду? Как ты думаешь, что находится за горами, которые видны на западе. Еще горы, а за ними снова много гор, а может быть, обширные пустыни. Кокс говорит, что голландцы проплыли тысячи миль к западу в более южных широтах и там находили лишь огромные пространства пустынь. И ты сам знаешь, чем кончались побеги Цезаря по суше. Нет, Мэри и я не собираемся бежать ни по суше, ни по морю».

«Не придется ли тебе раскаяться?»

«В чем мне придется раскаяться?»

«В том, что не хочешь мне помочь».

«Я бы охотно помог тебе, но не могу. А теперь уходи, Джозеф, а то Мэри надоедают все твои разговоры».

На следующий день Вильяма Брайента вызывают к майору Роберту Россу. Едва только он переступил порог, как Росс отдает распоряжение, чтобы ему надели наручники и отправили в тюрьму. Через два дня он предстает перед судом, где прокурор мистер Альт обвиняет его в том, что он «незаконно присваивал часть рыбы, выловленной по поручению администрации, незаконно продавал ее колонистам».

«Признаете ли вы себя виновными в этом весьма серьезном нарушении закона?»

«Нет, ваша милость, и я не имею никакого представления о том, откуда исходит такое обвинение».

«Это вы сейчас услышите. Приведите свидетеля».

Свидетель — не кто иной, как Джозеф Пейджет, — утверждает, что Вильям чуть ли не каждый день предлагал ему брать часть улова для продажи солдатам и заключенным в колонии. Я отказывался, ваша милость, но он угрожал, что жестоко расправится со мной. Наконец я настолько испугался, что принял его предложение, но рыбу я доставил лейтенанту Брэдли».

Лейтенант Брэдли подтверждает показания Джозефа Пейджета.

Доктор Уайт — защитник Вильяма Брайента. Он может подтвердить, что выбрал Вильяма распределять пищевые рационы больным на «Шарлотте» и с тех пор у него сложилось впечатление, что обвиняемый — честный и самоотверженный человек. «Здесь, несомненно, какое-то недоразумение, — полагает он и продолжает, обращаясь к Вильяму: — Скажи мне теперь, Брайент, обстояло ли дело так, как представляет Пейджет, и вы могли брать от него деньги за рыбу. На что же вы тратили эти деньги?»

«Я не брал никаких денег, сэр, потому что не продавал рыбу Джозефу Пейджету».

Уайт обращается к Пейджету:

«Не кажется ли странным, Джозеф Пейджет, что обвиняемый вовсе не брал деньги за поставленную рыбу?»

Но тут Пейджет торжественно заявляет: «Он брал у меня деньги, сэр. Я заплатил ему две кроны монетами, завернутыми в клочок бумаги, и насколько я мог видеть, он закопал их в углу хижины».

«Ты врешь! — Вильям рванулся к Пейджету, но его удержал солдат, схватив его за наручники. — Все это ложь и выдумки».

«Это скоро установит суд», — произносит прокурор и отдает распоряжение, чтобы два солдата отправились к Рыбачьей бухте и провели обыск в хижине. Заседание суда объявляется закрытым, и слушание дела переносится на следующий день. Утром один из посланных солдат делает отчет и предьявляет завернутые в бумагу две монеты по кроне каждая, которые он и его товарищи выкопали в углу хижины Вильяма Брайента.

Вильям продолжает уверять в своей невинности, но судья Коллинз воспринимает дело иначе. «Вильям Брайент, суд признал вас виновным в очень серь-

Слева — Группа каторжников, направленных в Ботани-Бей.

Справа вверху — Вид на бухту Сидней в 1788 г. Место высадки первой партии каторжников. В настоящее время здесь возвышается здание Сиднейской оперы в обрамлении небоскребов.

Справа внизу — Заключенные на принудительных работах в Австралии в конце XVIII в.

При организации колонии в Австралии английское правительство делало ставку на сельскохозяйственное освоение этой территории. Однако первоначально этот план потерпел неудачу из-за отсутствия производственных навыков у каторжников и из-за непривычных природных условий. Зерно не давало всходов, домашние животные разбегались, а уловы рыбы были невелики. В первые годы колония смогла выжить только благодаря продовольствию, закупленному губернатором А. Филлипом у голландцев в Ост-Индии и Южной Африке. Жестокий голод в 1790 г. поставил колонию на край гибели, и только прибытие судов из метрополии помогло ликвидировать опасность. Постепенно австралийские колонисты добились успехов в сельскохозяйственном освоении территории и тем самым значительно уменьшилась зависимость от поставок продовольствия из Англии.

езном нарушении закона в нашем обществе, которое в настоящее время испытывает нехватку в продуктах питания. Вы обманным путем присваивали себе продовольствие, принадлежавшее администрации колонии, и, так же как любой другой колонист, должны знать, какое наказание полагается за это. Хотите ли вы что-то добавить, прежде чем суд определит его?»

«Только то, что я невиновен, ваша милость!»

Капитан Коллинз подает знак, чтобы все поднялись. Затем он оглашает приговор:

«Вильям, суд признал вас виновным и приговорил вас к смерти через повешение. Однако, учитывая вашу преданность делу, проявленную ранее, в частности на транспортном судне «Шарлотта», по просьбе доктора Уайта и милости губернатора, приговор заменен ссылкой на остров Норфолк при первой же возможности. Кроме того, вы получите 100 ударов кнутом. Пост рыбака вы потеряли. Ваша жена и ребенок должны немедленно освободить жилище. Отсюда вас увезут в тюрьму, где вы будете оставаться до отправки на остров Норфолк. Уведите заключенного».

На следующий день Вильяма приводят из арестантского помещения на учебный плац, где производятся казни и экзекуции. Его верхнюю часть тела обнажают. Вильяма привязывают к скамье у запястий и колен. Доктор Уайт присутствует как врач, а лейтенант Брэдли как офицер, следящий за исполнением приговора. Палач — здоровый тучный мужик, которого помиловали от виселицы, чтобы он взял на себя обязанности экзекутора. Однако он не злой человек. Когда он дает Вильяму тряпку кусать, он, улучив момент, шепчет: «Один из твоих друзей дал мне чаевые, и я не стану вкладывать всю силу в удары, если Кот не вмешается».

Но Брэдли как раз вмешивается. Уже после первого удара он кричит палачу:

«Исполняй свое дело, палач, или я позабочусь, чтобы тебя самого хорошенько выпороли».

«Девятихвостая кошка» (the cat-o-nine-tailer) применяется в той части мира, где вершится британское правосудие. Дома, на старой родине, она идет в ход в тюрьмах, на бортах как торговых, так и военных судов его величества экзекуции совершают боцман или его помощники. «Кошка» делается из девяти концов толстой веревки или шнура, каждый длиной около 40 сантиметров, перевязанных в толстый кнут. У каждого из «кошачьих хвостов» по три узла с промежутками между ними, внешние узлы, находящиеся почти у самых концов веревок, сдирают кожу, когда хвосты быстро касаются спины.

Некоторые жертвы «девятихвостой кошки» не могут перенести 100 ударов, и долг присутствующего при наказании врача вмешаться, если он считает, что жертва может умереть от мук. В этом случае экзекуция прерывается и возобновляется через одну или две недели, когда узник снова окажется в состоянии перенести остальную часть наказания.

Вильям Брайент — плотный мужчина, привыкший терпеть боль. Во время первой полудюжины ударов он держится молча, хотя в теле все трепетало всякий раз, когда палач в полную силу бил по обнаженной спине кнутом. С каждым последующим ударом он произносит «Боже мой» или «Сдержись во имя Христа». После первых двадцати ударов его спина стала похожа на гнилую печень, и каждый удар кнута срывает запекшуюся кровь. Палач хочет сделать перерыв, но Брэдли хищным взглядом следит за ним и требует как можно быстрее приводить хвосты «кошки» в состояние готовности, пока кровь с кнута стечет по его пальцам.

Вильям ощущает ужасную боль между лопатками под затылком каждый раз, когда орудие пытки поражает его. Боль распространяется до пальцев ног и рук, врзается в сердце, как будто входит в его тело. Промежутки между ударами тянутся так долго, что становится почти невыносимо, и все же очеред-

ной удар обрушивается слишком быстро. Теперь боль в легких ощущается сильнее, чем в спине. Он чувствует, как внутри все раскалывается. Он впивается зубами в тряпку, данную палачом, и почти прогрызает ее насквозь. Весь в крови, текущей с языка и губ или из внутренних частей тела, сотрясаясь от неистовой боли, он чуть живой, лицо его совсем почернело. Ободранная спина теперь напоминает кусок жареного мяса почти черного цвета.

На пятьдесят восьмом ударе доктор Уайт требует, чтобы палач прекратил экзекуцию. «Заклоченный не может больше вытерпеть,— говорит он,— ответите его обратно в камеру».

«Он даже не в обмороке,— угрюмо замечает Брэдли.— Бьюсь об заклад, он выдержит еще десять ударов».

«Следуйте моим указаниям, или я подам на вас рапорт, ясно?»

«Да, сэр, но имею честь сообщить: я лишь выполняю свой долг».

«К дьяволу вас с вашим долгом, лейтенант Брэдли!»

Когда двое солдат уносят Вильяма Брайента обратно в камеру, он чувствует, будто провел всю жизнь в боли и муках и то время, когда жизнь доставляла радость, кануло в вечность. Впервые в камере он падает в обморок.

Через две недели он снова встречается с лейтенантом Брэдли, палачом и доктором Уайтом и получает остальную часть наказания. После этого его заковывают в кандалы.

Примечания

¹⁵ Беннелонг впоследствии был отправлен ко двору так же, как вождь Омаи с Таити. Когда через два года он вернулся на родину, то обнаружил, что его жена тем временем забеременела от другого человека. Она умерла во время родов. По слухам, Беннелонг пронзил соперника копьем и затем сложил погребальный костер, в который он сначала бросил труп жены, а затем живого ребенка. Беннелонг говорил, что не хочет, чтобы мальчик вырос среди белых и жил так же несчастливо, как он сам. Вскоре после этого он вернулся в заросли кустарников и был убит во время племенной междоусобицы в 1813 году. Место, где он зажег свой костер, получило название мыс Беннелонг-Пойнт. Теперь там стоит здание Сиднейской оперы.

Глава 6

Готовится побег.— Джеймс Кокс на аудиенции у губернатора Филлипа.— Вильяма Брайента временно освобождают из тюрьмы.— Предполагаемая судьба Петера Лягушатника и Змейки.— Снова урезают норму питания.— Мэри рождает мальчика, которого окрестили Эмануэлем.— Прибывает вторая флотилия.

1

Когда Вильяма заточили в тюрьму, поездки на баркасе прекратились и для Джеймса Кокса и Джеймса Мартина: их освободили от занятия рыбной ловлей. Никто из них не сомневался в том, что взоры майора Росса и лейтенанта Брэдли устремлены на них и за малейший проступок их ждет порка с последующей высылкой на остров Норфолк.

Джеймс Мартин разделяет хижину с «индианкой» Бетти. Их скромное жилище в первые же месяцы превращается в очаг новостей. Здесь каторжники и солдаты узнают о планах администрации. Частично эти сведения проникают сюда потому, что Бетти по-прежнему распространяет свои симпатии на морских пехотинцев, которые приносят кружку рома и шесть пенсов в придачу. Кроме того, Джеймс, который работает плотником в военном лагере и пишет письма для колонистов, включая и многих солдат, которые не владеют грамотой, имеет возможность заранее узнавать о предстоящих событиях. Их хижину посещает много людей также потому, что здесь можно получить стакан джина, заплатив за это. Было бы преувеличением сказать, что Бетти и Джеймс нелегально содержат питейное заведение, но их маленький дом почти превращается в нечто подобное.

Теперь здесь находят кров Мэри Брайент и ее маленькая дочка Шарлотта. Доктор Уайт позволяет Мэри навещать мужа в тюрьме, чтобы ухаживать за его израненной спиной. Супруги имеют возможность побеседовать, так как оба часовых — завсегдатаи домика «У Бетти», как называют новое пристанище Мэри.

Они отходят подальше от того места, где лежит закованный в кандалы Вильям, и супруги могут разговаривать без свидетелей. «Откуда взялись эти две монеты по кроне, завернутые в бумагу, которые выкопали под неплотно подогнанными досками в углу нашей хижины?»

«Вспомни тот вечер, когда Джозеф пришел уговорить нас бежать? — говорит Мэри.— Тогда он сидел в углу и во время предыдущих посещений он убедился в том, что между досками много щелей, и бросил туда бумагу с двумя монетами».

«Но зачем он это сделал? Что ему от этого?»

Первые две недели после окончания экзекуции объяснили загадку. Джозеф Пейджет был назначен в Роуз-Хилле (ныне Парраматта) надсмотрщиком за

аборигенами, живущими поблизости от небольшой земледельческой колонии, где засеяны первые поля. Говорят также, что лейтенант Брэдли откомандирован нести службу вместе с майором Россом на острове Норфолк, куда отправят осужденных, как только подойдет какое-нибудь судно. Иными словами, лжесвидетельство против Вильяма Брайента содействовало тому, что Джозеф ускользнул от власти Брэдли и занял довольно независимое положение.

Однажды вечером капрал Джеффри Милстон рассказал Бетти, что майор Росс почти совсем готов к поездке на остров Норфолк. Он наверняка отправится туда, когда следующее судно из Европы прибудет в Порт-Джексон, и он уже набрал себе команду. Бетти говорит с обоими Джеймсами о том, что все единодушны в решении вырвать из заточения Вильяма и спрятать его в кустарниковых зарослях.

«Но смотри, что произошло с теми, кто бежал в леса! Цезаря забили почти насмерть. Теперь он ведет себя как психически больной,— говорит Бетти.— И куда, по-вашему, делись Петер лягушатник и Змейка? Сомневаюсь, что они попали на борт одного из французских судов. Вероятно, их убили аборигены, и их тела гниют где-нибудь в джунглях».

«Но у нас среди аборигенов есть друзья, которые помогут Вильяму,— замечает Джеймс Мартин.— Беннелонг имеет связь с «индейцами», живущими к северу от бухты Мэнли, и туда наверняка никогда не заходят солдаты».

«Тогда нам, наверное, надо будет присоединиться к нему вместе с маленькой Шарлоттой, Мэри?» Бетти качает головой. «Это совершенно сумасбродный план, если вы не собираетесь совсем бежать из Нового Южного Уэльса».

Мэри говорит убежденно: «Если Вильям окажется на свободе, я приложу все силы, чтобы вырваться из этого ада, даже если это будет стоить нам всем троим жизни».

«Но каким образом, Мэри, как?»

«Ты, может быть, отправишься на Отахейте? — ухмыляется Бетти.— В таком случае я наверняка поеду с вами, так как знаю, как ведут себя на этом острове любви, прости, господи. Но ты что, поплывешь туда? Ведь у нас нет судна, никто не умеет управлять им, нет оружия, да и трудно раздобыть продукты больше чем на сутки вперед».

Однако у Джеймса Кокса созревает иной план. «Я не уверен, что администрация колонии обойдется без помощи Вильяма в качестве рыбака,— говорит он.— Ведь мне известно, насколько малы нормы питания, и губернатор позавчера объявил, что вместо свинины будет выдаваться рыба. Кто знает места рыбной ловли лучше нас троих?»

«Не забудь нашего общего друга Джозефа! Вы можете привлечь его вместо Вильяма».

«Боже мой, да ведь он был с нами, может, всего две недели. Что он знает о местах, где водится рыба».

«Будь уверен, Брэдли и Джозеф следят за нами даже теперь».

«Для всей колонии это вопрос о том, чтобы выжить, и было бы неразумно отправить трех лучших рыбаков на Норфолк, когда здесь они принесут больше пользы. Предлагаю, чтобы мы на следующей неделе добыли поменьше рыбы и затем заявили властям, что нам необходим Вильям, так как он хорошо знает рыбные места».

«А кого надо просить?»

«Во всяком случае, не майора Росса или лейтенанта Брэдли, а самого губернатора. Я попрошу у него аудиенцию».

«Однако рано или поздно, когда судно прибудет в колонию и продовольствия будет достаточно, они все равно сошлют его, а, вероятно, также и нас на Норфолк».

«Значит, нам надо бежать. С этим я согласен. Но сейчас еще слишком рано. Не подошел случай».

Через два дня Джеймса Кокса принимает губернатор Артур Филлип. «Ваше превосходительство,— говорит Кокс.— Я позволил побеспокоить вас, чтобы узнать, нельзя ли вернуть рыбака Вильяма Брайента к его занятию. Мы, его товарищи, твердо считаем, что он осужден несправедливо, но я взял на себя смелость просить об этой аудиенции не по этому поводу. Дело в том, что Брайент знает рыбные места вплоть до реки Хоуксбери и может обеспечить гораздо больше необходимой пищи, чем другие рыбаки, в это трудное для колонии время».

Перед губернатором Филлипом лежат документы по делу Вильяма Брайента. «Да, документы по делу Вильяма Брайента. Я вспоминаю Брайента как способного человека, который однажды помог мне в трудную минуту,— говорит он и трогает рукой подбородок.— Однако я не уверен, Кокс, в том, что он несправедливо осужден. Имелись веские улики против него. Поэтому я не могу отклонить решение суда, и приговор остается в силе. Когда положение с продовольствием улучшится, вероятно с прибытием следующего судна, Брайент в соответствии с приговором будет отправлен в каторжную колонию на Норфолке. Однако впредь до этого времени я разрешаю его освободить с тем, чтобы он продолжал заниматься ловом рыбы вместе с вами и еще одним лицом, которое вы упоминали».

«Должен ли я понять ваше разрешение также и как водворение Брайента обратно в дом, где он проживал с женой и дочкой, ваше превосходительство?»

«Да, но повторяю, Кокс, речь идет лишь о временном разрешении. Брайент присужден к отправке с майором Россом на остров Норфолк и должен постоянно носить кандалы».

2

После того как Вильям Брайент вышел из тюрьмы и вернулся к Мэри и маленькой Шарлотте, он стал другим человеком. Он думает только об одном — о побеге. В этом он не одинок: другие заключенные сбежали в заросли кустарников и стали бродягами; среди них и каторжники, и солдаты, которые утратили мужество. Первая смена морских пехотинцев имела право вернуться в Англию, когда придет корабль, до окончания срока службы, но, хотя им обещали бесплатно предоставить земельные наделы и заключенных в качестве рабочей силы, лишь немногие захотели остаться в Новой Голландии.

В окрестностях Порт-Джексона живут аборигены, которым пришлось по душе вкус горячительных напитков, изготовленных белыми людьми. В обтрепанных и грязных европейских одеждах они теперь совсем не похожи на тех людей, которые еще полгода назад жили в кустарниковых зарослях. Теперь они охотно укрывали белых, если сами беглецы или их друзья расплачивались ромом или джином. О деньгах аборигены еще не имели никакого понятия. Сестра Беннелонга Кутула, часто навещавшая Мэри и Вильяма, однажды отдала им два соверена за бутылку джина. Она рассказала, что эти золотые монеты были найдены у белых людей — мужчины и женщины,— которых убили в болоте у залива Ботани, потому что они украли каноэ у вождя. Так Вильям и Мэри поняли, какая участь постигла Петера Лягушатника и Змейку¹⁶.

Много раз нормы питания в колонии урезались. В мае 1790 года, когда зима полностью вступила в свои права, каждый каторжник в качестве недельного пайка получал два с половиной фунта муки, два фунта солонины и два фунта риса или гороха. Пайки женщин и детей были еще меньше. Рационы рассчиты-

вались с учетом запасов, взятых в Англии более трех лет назад. Еще изначально продукты были плохого качества, и легко можно представить, во что они превратились, пролежав восемь месяцев в теплом складском помещении на корабле. Затем продукты переуплотнились, портились от времени и неподходящих условий хранения. Мука покрывалась плесенью и кишела червями, рис превращался в серый порошок со всевозможными насекомыми, свинина становилась затхлым салом. Это и была причина того, что мясной рацион заменялся свежей рыбой, которую достанут Вильям Брайент и его товарищи.

Еще в начале июля 1789 года Мэри сообщила своему мужу, что ожидается прибавление семейства. Она считала, что Вил будет рад этой новости, но он реагировал на нее молчаливым кивком. Наказание, видимо, сильно подействовало на него. По его взгляду заметно, что он тяготится тем, что он, единственный из друзей, вынужден носить кандалы. Вил стал пить, и много раз бывало, что в гневе он избивал жену. В трезвом состоянии он был добр и ласков к ней и Шарлотте, и вся рыба, которую он мог сбить на сторону, шла им обеим. Это касалось также мяса кенгуру, пойманных семейством Беннелонга.

У Вила было лишь одно на уме: он должен выбраться из Порт-Джексона, прежде чем его отправят на остров Норфолк и отдадут в полную власть майора Росса. А из-за состояния Мэри теперь долго не может быть и речи о побеге. За это время вполне может прибыть судно из Европы, которое увезет Росса и его узников на Норфолк.

В апреле 1790 года Мэри родила мальчика, которого пастор Джонсон 4 апреля окрестил Эмануэлем. Отец не мог присутствовать при крестинах: он выпил слишком много рома.

3

Однажды днем в июле 1790 года с наблюдательной вышки заметили судно. Это был флагман второй флотилии «Леди Джулиана», вышедший из Англии 11 месяцев назад. В следующие недели четыре других судна подошли в залив Порт-Джексон. Одно из вспомогательных судов, «Гардиан», с живым скотом, фруктовыми деревьями и прочими грузами столкнулось с айсбергом и вынуждено было вернуться в Капстад. Заключенные на судах из-за плохого питания находились в ужасающем состоянии. Из 1038 человек, отправленных из Англии, 273 умерли в пути, 486 человек болели, и некоторые из них скончались в первые дни после прибытия судов к месту назначения.

В первый раз после прибытия три года назад заключенные и их охранники узнали новости из большого мира. Король Георг III лишился рассудка, но, к счастью, выздоровел. По этому поводу пастор Джонсон устроил благодарственную службу. Во Франции вспыхнула революция, и всю заработала гильотина. Однако наибольшее впечатление на Вильяма и Мэри произвело сообщение капитана Блая о мятеже на корабле «Баунти»; после того как мятежники захватили судно, Блая и 18 морякам, оставшимся верными присяге, в баркасе длиной 7 м, шириной 2 м и осадкой 85 см удалось преодолеть расстояние около 3500 морских миль через неведомые просторы Тихого океана и добраться до острова Тимор в Голландской Ост-Индии. Где сейчас находятся мятежники, никто тогда не знал, и пройдет еще 27 лет прежде, чем последний из них и их потомки будут обнаружены на далеком острове Питкэрн. Но, по мнению Блая, бунтовщики находились на одном из островов недалеко от Таити.

«Если они смогли, то и мы наверняка тоже сможем». Такие мысли возникли у многих заключенных после прибытия второй флотилии. Они так много перенесли во время переезда, и после прибытия в Сидней обстановка оказалась не лучше, поэтому некоторые решили бежать через несколько месяцев после

высадки на сушу. Вечером 26 сентября Вил, который отвозил рыбу в больницу в Сиднее, рассказал, что пять заключенных бежали из земледельческой колонии Роуз-Хилл (или Парраматта). Четверо из них люди из второй флотилии, а пятый — Джозеф Пейджет. Он подговорил вновь прибывших «ботаников», что им будет больше пользы от его присутствия, так как он знает язык аборигенов и таким образом сможет выяснить путь на Отахейте. Там они наверняка найдут мятежников с «Баунти» и вместе будут вести райский образ жизни.

Среди людей, прибывших со второй флотилией, двое присоединяются к Мэри и Вильяму: один из них ирландец Натаниэль Лилли, робкий человек, которому лет под сорок, приговоренный к смерти в Бэри-Сент-Эдмундсе за кражу рыболовной сети у мистера Бенджамена Саммерсета. Эта кара была милостиво заменена семью годами ссылки на каторгу. Он известен по кличке Лунатик, потому что всюду бродит словно во сне. Старый Вильям Аллен заботится о нем. Ему лет 55—60, и его называют не иначе как Старик. Его сослали на семь лет в Ботани-Бей за то, что он украл 29 носовых платков из магазина мужского готового платья известной фирмы «Льюис и Хейвуд» в Норидже. Изредка с ними общается молодой парень Сэм Бёрд, вспыльчивый человек, которого много раз пороли во время переезда за то, что он не обращался к офицерам надлежащим уважительным образом. Никто из компании Брайента не хотел брать его с собой в побег, и поэтому его не посвящали в их планы.

Однако Нат и Старик твердо решили при первом же подходящем случае бежать на какой-нибудь остров в Тихом океане, найти девушек-аборигенок и провести остаток своих дней в приятной праздности. «Мы пришли к тебе, Вил, чтобы спросить, пойдете ли вы с Мэри и детьми с нами? — говорит Аллен. — Ты имеешь право пользоваться единственной лодкой в колонии, которая может пригодиться для нашей цели».

«Как ты собираешься плыть на Отахейте в лодке длиной 6 метров, шириной 2 метра и осадкой около метра? Где находится Отахейте? У тебя есть навигационная карта? Где ты достанешь секстант и компас? Можешь ли ты вообще вести судно?» Вильям выпаливает вопросы ругательным тоном, так как эти вопросы он сам ставил себе много раз, не получая на них ответа.

Вильям Аллен проводит рукой по изрытым оспой щекам. «А что, если найдется человек, разбирающийся в судовождении?» — спрашивает он.

«А навигационная карта? А компас? — подтрунивает, поддразнивает Вильям. — Откуда ты достанешь эти два важных предмета? Не говоря о квадранте. Этого ты, конечно, не знаешь, Старик?»

«Ну, ну, — кротко отвечает Аллен. — Я, конечно, знаю это, и это знает также Вильям Мортон. Да тебе он гораздо больше известен по кличке Морж. Он плавал в качестве мичмана в Вест-Индию. Во всяком случае, так он сам утверждает. Его называют также Пиратом».

«Но ведь он сейчас находится далеко от нас. Разве он не занят на сельскохозяйственных работах в Парраматте?»

«Да, и там он встретил тех, кто отправился на Отахейте несколько месяцев назад. Они хотели взять его с собой, но он не захотел пойти с ними. По его словам, их лодка была недостаточно устойчива для плавания по морю».

«Это баркас вождя аборигенов. Он длиннее и шире нашего».

«Может, попросить его прийти и поговорить с тобой о деле, Вил? Ведь без твоей лодки мы никак не можем обойтись».

Вильям понемногу стал проявлять интерес к встрече с этим человеком. На следующий день вечером в дверь хижины Вильяма и Мэри в Рыбачьей бухте постучали. У двери возникла фигура мужчины. Казалось, что ему лет пятьдесят; он был совсем лысый, но недостаток волос на голове компенсировался за счет густых бровей и пышных длинных усов.

«Я Вильям Мортон,— представляется он.— Разрешите войти?»

Он сразу приступает к делу и отказывается выпить глоток рома, который Вил подносит ему.

«Я не стал участвовать в бегстве на Отахейте по многим причинам,— рассказывает он.— Без навигационной карты и приборов чистое самоубийство пытаться найти остров. И когда я узнал, что Джозеф Пейджет примет участие в побеге, потому что знает язык аборигенов, я совершенно убедился в том, что не пойду с ними. Этот малый не вызывает у меня никакого доверия».

Эти слова проникают в сердце Вила и Мэри.

«Тогда ты, наверное, отправишься с нами?» — спрашивает Мэри.

«Я ведь вас не знаю, но у меня нет ничего против вас. Однако мы не можем двинуться в путь, пока не раздобудем навигационную карту, компас и квадрант. Что касается карты, еще совсем не ясно, имеется ли вообще таковая для этих морей. Нам необходима также пара мушкетов для защиты от аборигенов. И у меня есть приятель Джон Батчер, которого я хотел бы взять с собой. Если я присоединюсь к вам, то, наверное, буду вашим шкипером».

Спустя два дня на встрече присутствуют также Джеймс Мортон, Джеймс Кокс, Натаниэл Лилли и Вильям Аллен.

На этот раз Джеймс Кокс говорит.

«Теперь мы должны принять решение. Поплывем, если сможем раздобыть необходимые средства? — Он оглядывает круг собравшихся.— Теперь хорошенько подумайте, прежде чем дать ответ».

Маленькая Шарлотта всхлипывает во сне.

«Ради нее и Эмануэля я и Вил пойдем,— тихо говорит Мэри.— Я хочу, чтобы наши дети выросли свободными людьми и чтобы они видели, что их родители тоже свободны».

Ее муж кивает головой в знак согласия.

«Пусть каждый ответит «да», если хочет бежать»,— говорит Джеймс Кокс.

Все говорят «да», и в последующие дни заговорщики начинают делать запасы. Надо достать емкости для хранения пресной воды, собрать и засушить листья «дикого чая», взять смолы и воска в дорогу, чтобы в случае необходимости заделывать пробоины в баркасе. Но еще не ясно, где раздобыть самое необходимое: мушкеты, компас, навигационную карту и квадрант.

4

Капитан Уоткин Тенч в своем дневнике не скрывает опасений, что обстановка в колонии в эти месяцы овеяна страхом гибели от голодной смерти.

«Осталось так мало хлеба, что даже в приглашении к столу губернатора появляется приписка: «Покорнейше просим принести хлеб с собой». Каждый, кто садится за стол, начинает трапезу с того, что достает принесенную с собой порцию хлеба и выкладывает ее на свою тарелку». 18 октября 1790 года вспомогательное судно «Сэпплай» возвращается в залив Сидней из Батавии в Голландской Ост-Индии. «Капитал Болл потратил несколько более полугода на это путешествие. Он первый, кто обогнул по морю Новую Голландию. Он нагрузил свое маленькое судно всем необходимым, что, по его мнению, прежде всего могло пригодиться, но оставил груз риса и соли, который должен привезти как можно скорее голландский шлюп, зафрахтованный для администрации колонии».

Голландский шлюп «Ваксамхейд» грузоподъемностью 350 тонн приходит в залив Сидней в декабре 1790 года с долгожданным провиантом. Капитан судна Детмер Смит почти такой же круглый, как голландский сыр; он жесткий делец. Вспомогательное судно «Сириус» погибло у острова Норфолк, и Филлип

пробует зафрахтовать «Ваксамхейд», чтобы отвезти команду «Сириуса» в Англию, но капитан Смит запросил такую непомерно высокую цену, что проходит более трех месяцев, прежде чем обе стороны заключат соглашение.

В течение этих трех месяцев Джеймсу Коксу удалось установить контакт с Детмером Смитом. Голландец посылает своих людей на рыбную ловлю на ялике, и там они встречаются с Вилом, Коксом и Мартином.

«Передайте вашему капитану, что есть возможность заработать деньги, если он приедет с вами на лодке и встретится с нами», — говорит Кокс.

«А что будет нам, приятель?» — спрашивает один из четырех голландцев.

«Если вы и ваш капитан будете держать язык за зубами, каждый получит по флорину (2 шиллинга)».

«Как поверить, что можно положиться на каторжника вроде тебя?»

Кокс достает из кармана четыре шиллинга и дает каждому по монете: «Когда вернетесь вместе с капитаном, получите еще по одному в придачу».

Друзья ожидают в маленькой бухте на следующее утро с самого восхода солнца. Очень скоро они замечают голландский ялик, который направляется к месту прошлой встречи. Морж машет рукой, приглашая зайти в бухту.

Толстяк капитан сидит на корме у румпеля. Он подводит ялик к борту баркаса.

«Ну в чем дело? — сдержанно спрашивает он. — Кто из вас, каторжников, говорит по-голландски?»

«Это я, минхер, — говорит Джеймс Кокс. — В прошлом я занимался торговлей бриллиантами в Амстердаме».

«В самом деле! — Капитан Детмер Смит произносит эти слова с презрительной усмешкой. — Да, немалый путь от ювелирных контор Амстердама до каторжной колонии в Новой Голландии».

«В этом все дело, минхер, и нас несколько мужиков, которые собрались сократить этот путь и убежать. Но у нас нет компаса, квадранта и навигационной карты морей, простирающихся отсюда до Отахейте».

Голландский капитан раздражается громким смехом. «И вы это совершите, если я дам вам все необходимое? — говорит он. — Вы, видимо, изволите шутить». Четыре гребца в лодке тоже находят высказывание капитана невероятно остроумным.

Вил хочет что-то сказать, но Джеймс Кокс подает ему знак молчать.

Проходит какое-то время, и капитан Детмер Смит и его люди перестают смеяться. Наконец голландец спрашивает:

«Но почему вы ничего не говорите? Вы совсем онемели?»

«Мы ждем, когда вы назовете вашу цену, минхер».

«Цену? Да ведь ты говоришь, что имел отношение к торговле бриллиантами, так что ты, конечно, разбираешься в ценах. Понимаешь ли ты, что произойдет, если англичане обнаружат, что я продал тебе и твоим приятелям навигационную карту и навигационные приборы для судовождения? Филлип не предоставит мне возможность отвезти команду «Сириуса» в Англию. Может, он задержит «Ваксамхейд» в этом дьявольском месте».

«Мы можем отложить побег, пока не отплывет «Ваксамхейд», — предлагает Кокс. — Вы предоставите нам навигационную карту, компас и квадрант в день вашего отъезда и при вручении получите ту сумму, о которой мы договоримся».

«Отвезите меня чуть подальше и дайте подумать», — говорит голландец своим людям. Проходит не более десяти минут, и их ялик возвращается.

«Сколько вы заплатите?» — спрашивает капитан.

«Какова ваша цена, минхер?»

Он вглядывается в голубое небо и долго размышляет. «У меня нет навигационной карты морей, простирающихся отсюда до Отахейте, — говорит он, —

и я сомневаюсь в том, существует ли вообще такая карта. У меня есть схематическая карта морей от этих мест до Тимора в Ост-Индии, но это вовсе не навигационная карта в общепринятом значении. Она основана на наблюдениях капитана Кука и рассчитана на прохождение крупных судов. Вы можете на своем баркасе пройти вдоль внутренней части Барьерного рифа поблизости от берега, как это сделал до вас только капитан Блай, и то лишь в северной части пути».

«Но компас и квадрант вы нам дадите?»

«Да, если вы заплатите мне сто фунтов стерлингов золотом!»

Четыре каторжника почувствовали трепет, услышав эту громадную сумму.

Джеймс Кокс спокойно отвечает: «Минхер, у меня нет ста фунтов, я единственный из моих товарищей, у кого имеются деньги. Однако у меня найдется как раз 38 золотых соверенов, и, если вы дадите нам то, что мы просим, я передам вам в день вашего отъезда это вознаграждение».

«Как я могу быть уверен в том, что у тебя есть деньги?»

«Если вы возьмете на себя труд подплыть к берегу и пойти со мной в заросли кустарников, вы в этом убедитесь».

«А что, если ты нападешь на меня?»

«Но ведь эта масса золотых монет не у вас, а у меня!»

Детмер Смит отдает распоряжение, чтобы ялик подвели к берегу, и вместе с Джеймсом Коксом уходит в заросли. На прогалине Джеймс показывает ему, что надо нагнуться. Он садится на корточках перед голландцем и вытаскивает платок, который был спрятан в его рубаше. Платок завязан в узел, и, когда Кокс его открывает и расстилает на земле, там лежат золотые монеты и блестят на солнце. Он раскладывает их в три ряда, чтобы Детмеру Смиту было удобно пересчитать, не дотрагиваясь до них.

Глаза голландца блестят. Он потянулся за одной из них.

«Вы можете взять одну, господин, чтобы убедиться в том, что она настоящая,— говорит Джеймс,— но в отношении всех остальных положитесь на мое слово».

Голландскому капитану требуется лишь короткий взгляд на соверен, чтобы понять, что он сделан на британском монетном дворе в Лондоне. Он кладет монету обратно, и Джеймс завязывает платок.

«Договорились,— заключает Детмер Смит.— Вы получите квадрант, компас, и я скопирую навигационную карту, имеющуюся у меня на воды до Тимора. Однако я заранее предупреждаю, что она весьма несовершенна. Когда я подниму голландский флаг на фок-мачте «Ваксамхейда», это значит, что мы готовы к отплытию, и я пошлю ялик со всеми предметами в эту бухту. Как только мои люди вернутся с деньгами, мы поднимем паруса, но, пока я не пройду мимо сторожевого поста на подходе к Порт-Джексону, вы не должны выходить в море. Если вы нарушите это условие и вас поймут, я буду отпираться до конца и говорить, что вообще не знаком с вами. Понятно?»

«Да, капитан. Пусть будет так».

«Скажи мне, Кокс, теперь, когда мы договорились обо всех условиях, кто же ты на самом деле? Ведь не каждый день встречаешь каторжника, который носит с собой 38 золотых соверенов и к тому же говорит по-голландски».

«Кто я, я не могу вам открыть, капитан, но могу сказать, что, если вы соблюдете вашу часть договоренности и мы доберемся живыми до Голландской Ост-Индии, у вас будут возможности вести со мной выгодные дела».

«Но ведь ты сказал, что не имеешь много денег».

«Они не здесь, а в Голландии. Может случиться, что мы встретимся в Батавии».

Детмер Смит не отвечает на это. На его устах блуждает улыбка, он сообщает, что откроет один секрет в знак благодарности за доброе сотрудничество:

«Вам не следует рассчитывать, что Вильям Брайент отправится с вами в баркасе. «Ваксамхейд» сначала должен зайти на остров Норфолк, прежде чем отплыть в Европу, и в списке, который я видел своими глазами, значится, что Брайент должен быть направлен на этот каторжный остров. Но следите, чтобы мои слова не распространились дальше».

Мэри, разумеется, сразу же узнала о том, что проронил голландский капитан. Время отправления «Ваксамхейда», а с ним час побега неумолимо быстро приближаются, но, следовательно, вполне можно ожидать и ареста Вильяма. Если он теперь убежит в лес и станет бродягой, тогда, вероятно, у них отнимут баркас и всякая возможность побега отпадет. Ему надо продолжать рыбачить до последнего момента, чуть ли не до ареста, тогда он должен сначала укрыться в зарослях, а всем соучастникам придется надеяться, что Коксу и Мартину разрешат еще несколько дней заниматься ловом рыбы и баркас пока останется в их распоряжении.

Однако возникает еще одна проблема. Судно находится в таком жалком состоянии, что может затонуть, как только выйдет из залива Порт-Джексон в открытое море. Его надо вытащить на берег, очистить и укрепить дно, поставить новую мачту и новый руль, чтобы судно приобрело большую устойчивость на воде. Однако, если вытащить его на примитивный стапель колонии и всю заняв ремонтными работами, это сразу вызовет подозрение у офицеров и матросов. Они поймут, что люди собираются уйти в длительное плавание на этом судне. Поэтому Джеймс Кокс, который вместе с Моржом все более и более выдвигается в руководители мероприятия, предлагает, чтобы как-нибудь после рыбной ловли Вильям позаботился о том, чтобы баркас опрокинулся при разгрузке. Это лучше всего осуществить в ненастную погоду, когда на борту будут находиться сестра Беннелонга с тремя детьми. Все они благополучно доберутся до берега, причем Вильям — с большим трудом из-за кандалов, и тогда заговорщики с полным правом смогут заняться ремонтом судна.

Они очищают и укрепляют дно, проводя зажженными факелами, сделанными из камыша, над нижними досками, при этом растапливается старый слой смолы и выжигаются водоросли и паразитирующие животные. Затем накладывается толстый слой смолы, а потом поверхность покрывают смесью серы и нутряного сала, чтобы изъять дровоточцев. Через неделю судно полностью готово к отплытию.

Пока идет ремонт баркаса, заговорщики собирают в дорогу продукты и необходимые орудия, а также фляги для пресной воды, которую необходимо взять с собой. Вильям Мортон работает в Парраматте, и от его хижины более 11 миль до Рыбачьей бухты, где живут другие заговорщики. Тропа от Парраматты до залива Сидней и оттуда в Рыбачью бухту контролируется солдатами. Но Беннелонг и его друзья показали Моржу обходной путь, неизвестный солдатам. Во время каждого ночного визита через заросли кустарников вниз к побережью он старается прихватить с собой продукты. Ему надо вернуться в Парраматту до рассвета, так как там в восемь часов устраивают переключку перед отправлением на полевые работы. Еще не решено, когда Морж спустится к берегу в ту ночь, когда произойдет побег. Для ремонта лодки по пути он приносит воск и смолу. Большая часть продуктов — рис и очень старые сушари.

Наконец, остается решить вопрос об оружии. Было бы слишком опрометчиво отправиться в путь без огнестрельного оружия и топора для защиты от аборигенов. Но все огнестрельное оружие, порох и боеприпасы тщательно охраняются, и солдата, потерявшего ружье, дважды прогоняют сквозь строй и его спину до крови хлещут. Поэтому очень мало вероятно, что солдат допустит, чтобы у него украли ружье. Но мушкеты можно раздобыть: их оставляют у Бетти, которая часто принимает у себя солдат. Однако это можно проделать

вечером накануне побега. Бетти позаботится, чтобы солдаты сильно напились и завалились спать, что часто бывает в ее гостеприимном доме, а затем Кокс, занимающий комнату в ее хижине, стащит мушкетеры. И это должно произойти незадолго до отплытия баркаса из Рыбачьей бухты. А как это точно осуществится, пока не совсем ясно.

Вил и Кокс в первой половине дня сообщают, что отправляются на рыбную ловлю, а на самом деле они проверят способность баркаса держаться в море. Совершенно очевидно, что пока они находятся в защищенных водах залива, где течения и волны не обладают такой силой, как по выходе в море через пролив между скалами Хедз. Но все же у них складывается впечатление, что баркас держится на воде, не опрокидываясь. «Итак, впредь нам остается лишь надеяться на лучшее», — заключает Кокс.

Вил, переставший пить после того, как планы побега обрели реальную почву, кричит сквозь шум волн другу: «Черт меня подери, если судно не доставит нас прямо в земной рай. Мы назовем его «Надеждой!»»

Они проводят «Надежду» совсем близко от скал Хедз, делая вид, что ловят рыбу. Проход в залив Порт-Джексон здесь в ширину достигает всего около половины морской мили; по обе стороны, с севера и с юга, возвышаются два утеса высотой около 30 метров. Отсюда ведется наблюдение за всеми плывущими мимо судами и установлены пушки.

В прошлый раз беглецы на лодке вождя аборигенов проскользнули мимо скал Хедз под покровом темноты. Была тихая ночь, а облака скрывали растущую луну, так что солдаты на обеих скалах ничего не заметили. Бегство происходило в то время, когда вождь аборигенов охотился в кустарниковых зарослях за Парраматтой вместе с губернатором Филлипом и многими его офицерами. Прошло два с половиной дня, прежде чем он обнаружил, что его лодку украли. Катер губернатора был немедленно отправлен в погоню за беглецами, но, хотя его считали самым быстроходным судном в колонии, никаких следов преступников не обнаружили.

«Удастся ли нам провести судно мимо скал Хедз под покровом темноты так, чтобы нас не заметили?» — спрашивает Кокс.

«Разумеется. Я возьмусь за это дело, если, как считает Морж, мы пойдем навстречу ветру».

«Ты полагаешь, лучше пройти под северной из скал Хедз?»

«Да. Я знаю там особенности течений. Сильный поток идет под самым утесом, — говорит Вил. — Если мы сразу зайдем туда на «Надежде», то сверху, оттуда, где стоят пушки, нас не увидят».

«Но утром, когда они обнаружат, что мы улизнули, они пошлют вслед за нами быстроходный катер».

«К тому времени мы опередим их на целую ночь, а «Надежда» плывет неплохо».

5

27 марта 1791 года перед самым заходом солнца на фок-мачте «Ваксамхейда» взвился оранжевый флаг и, как только бархатная мягкая мгла распростерлась над заливом, с голландского корабля на воду был спущен ялик и направился к маленькой бухте, окаймленной лесом, где заговорщики условились о встрече с капитаном Детмером Смитом. Был теплый осенний вечер без единого порыва ветра, и луны совсем не было видно.

Вильям Брайент и Джеймс Кокс помогают вытащить ялик с «Ваксамхейда» на берег. Морж в Парраматте; он, вероятно, появится в Рыбачьей бухте

ночью, и присутствующим заговорщикам приходится решать вопрос о пригодности квадранта, компаса и навигационной карты.

«Мы не разбираемся в судовождении, капитан Детмер Смит, и должны положиться на вас, надеемся, что вы продаете нам то, что пригодно»,— говорит Кокс, пересчитывая золотые монеты и протягивая их голландцу.

«Я сказал вам, мистер Кокс, что карта не особенно ценная,— отвечает капитан,— но квадрант и компас в порядке, и, если ваш штурман к тому же знает, как ими пользоваться, они помогут вам в пути. Но необходима удача, чтобы осуществить такое путешествие. Очень-очень большая удача!»

Детмер Смит на этот раз более любезен и даже более вежлив, что объясняется тем, что он получил деньги.

«Мы отплываем завтра в 6 часов вечера,— говорит он.— Разумеется, только в том случае, если поднимется ветер. Но барометр падает, поэтому, мне кажется, ветер подует утром. Я предлагаю вам выйти утром сразу после рассвета.

«Когда вы предполагаете прибыть на Норфолк?»

«Я не смог договориться с губернатором Филлипом о цене, так что мы плывем не на Норфолк, а держим курс к югу от Новой Голландии». Он пересчитал деньги и смотрит на Кокса с улыбкой: «Я фактически лишь пассажир на своем судне, потому что я зафрахтовал его капитану Хантеру, который к тому же взял на себя обязанности командира».

Детмер Смит пожимает руки Коксу и Вилу. «Теперь мне остается пожелать вам добраться до вашего рая — туда, где вы его должны найти. Помните наш уговор: не отправляйтесь в путь, пока «Ваксамхейд» не покинет Порт-Джексон.

Он уходит на ялик, и тот скрывается в темноте.

Теперь Вильям знает, что его не задержат, чтобы выслать на остров Норфолк, но оба друга понимают, что им предстоят очень трудные сутки. Среди ночи внезапно появляется Морж. Он тщательно проверяет и компас и квадрант и вполне удовлетворен состоянием обоих приборов. Зато он презрительно отбрасывает в сторону навигационную карту. «Она имеет мало общего с настоящей навигационной картой,— говорит он,— но все же на всякий случай возьмем ее с собой». Он помогает распилить скобы, чтобы освободить Ви́ла от кандалов. К четырем часам утра Морж отправляется назад в Парраматту. Побег назначен на полночь.

Капрал Милстон обычно пользуется расположением каторжников. Помните, когда на него напал каторжник во время переезда на «Шарлотте», он просил его помиловать, когда того приговорили к смерти. Джеймс Мартин навещает его и идет с ним в дом, где капрал занимает комнату. Здесь он по желанию Милстона пишет письмо его родителям в Англию, чтобы они знали, как поживает их сын в Новом Южном Уэльсе. На это уходит немало времени, так как Милстон основательно собирается с мыслями, а Джеймс Мартин тоже пишет не быстро. Далеко за полдень капрал заканчивает диктовать письмо и, отправив солдата с почтой на «Ваксамхейд», предлагает выпить по стакану джина.

«Почему бы тебе и двум твоим друзьям сегодня не навесить Бетти и меня? — предлагает Джеймс.— Мне кажется, Бетти в последнее время что-то загрустила».

Конечно, Милстон наверняка придет.

«Может, сегодня вечером, Джеффри?»

«Вечером? Да почему бы нет? — Милстон как будто ожил при этой мысли.— Я прихвачу с собой двух друзей, ладно?»

«Ты знаешь, что ты и твои друзья у нас всегда желанные гости». Ему хотелось добавить: «Не забудьте взять с собой ружья». Но это было и так очевидно.

«Там у нас околачиваются несколько жалких варавара вокруг хижины,— все же сказал он.— Может, вы сможете при случае попугать их, постреляв из ваших мушкетов в воздух».

После этого он поспешил в Рыбачью бухту, где Бетти и Мэри занимались упаковкой продуктов в лодку¹⁸.

«Ваксамхейд» уже готов сняться с якоря при свежем ветре, который дует весь день. Ветер постепенно усиливается и почти переходит в бриз.

Около восьми часов в домик Бетти приходит Вильям Мортон из Парраматты, всего за несколько минут до появления капрала Милстона с двумя товарищами. Они взяли с собой ружье и ставят их в углу хижины.

Бетти отводит Джеймса в сторону: «Ты ведь не допустишь, чтобы мы напоили также капрала Джеффри и забрали его ружье,— говорит она.— Он всегда помогал нам в трудных ситуациях, и когда выяснится, что он потерял ружье, беднягу не только прогонят сквозь строй, но и лишат звания капрала».

Мэри и Вильям тоже заступаются за Милстона.

«Но что поделаться. Без огнестрельного оружия у нас вряд ли будет много шансов остаться живыми»,— вздыхает Джеймс Кокс.

Примечания

¹⁶ Есть некоторая неопределенность по поводу судьбы двух убежавших каторжников — француза Петера Парриса и Энн Смит. Действительно, как сообщает врач Уайт в описании первых лет колонии, Лаперуз дал слово джентльмена, что он выдаст каждого английского каторжника, матроса или морского пехотинца, который попытается сбежать на «Буссоль» или «Астролябию», стоявшие в заливе Ботани. Однако вместе с тем допустимо, что нелегальные пассажиры могли объявиться гораздо позже того, как французские фрегаты покинули якорную стоянку, и было невозможно вернуть их в английскую каторжную колонию. Им вполне нашлось применение, поскольку на борту из-за гибели многих членов команды можно было использовать любые свободные руки. Однако, даже если Петеру Паррису и Энн Смит удалось оказаться в числе таких нелегальных пассажиров, они в любом случае испытали ту же участь, что и остальные члены экспедиции. На пути на родину оба французских фрегата натолкнулись на риф у острова Ваникоро в архипелаге Новые Гебриды, и только через 35 лет были обнаружены останки этих судов. Можно предположить, что при этом все люди погибли. См. также главу 13.

¹⁷ Пятеро беглецов не добрались до Таити. Об их дальнейшей судьбе см. примечание 20.

¹⁸ Детмер Смит требовал 11 фунтов стерлингов с тонны (в расчете на 300 тонн) в месяц за то, чтобы сдать внаем «Ваксамхейд» англичанам. В этом случае деньги надо было платить до того дня, пока судно вернется в Батавию из Англии. После долгих проволочек была достигнута договоренность, чтобы платить 1 фунт в месяц за фрахт, пока «Ваксамхейд» прибудет в английский порт. Хотя пришлось довольствоваться менее чем десятой долей первоначально запрошенной цены, вряд ли голландскому капитану надо было доплачивать свои деньги, потому что «Ваксамхейд» зашел в первый английский порт только в апреле 1791 года, воспользовавшись путем вокруг мыса Горн.

¹⁹ Были сомнения в том, насколько беглецы использовали огнестрельное оружие во время путешествия. Роусон пишет, что оно вообще не применялось. Трудно согласиться с этой версией, потому что он сам приводит мнение капитана Блая, утверждавшего, что он читал дневник, который вел один из беглецов (и который теперь утрачен, см. примечание 28) и из которого вытекает, что они захватили с собой два мушкета. Роусон написал книгу «Странная история Мэри Брайент» до того, как появился «Меморандум» Джеймса Мартина, в котором говорилось, что из мушкета стреляли много раз, чтобы отпугнуть аборигенов. Один из двух взятых мушкетов вскоре был потерян, но вряд ли могут быть сомнения в том, что беглецы имели при себе второй мушкет во время всего путешествия. Из него, между прочим, стреляли при встрече с племенами каннибалов у островов в Торресовом проливе (см. главу 13). О том, насколько эффективно применение такого кремневого оружия, как мушкет, при встречах с аборигенами, это другой

вопрос. Однако оружие такого типа, прозванное солдатами «Смуглой Бесс», применялось на полях сражений в Европе от Блендхейма до Ватерлоо и во время войны с восставшими американскими колониями. Эксперты единодушно соглашаются с тем, что этот кремневый мушкет калибра 75 был хорошим, сбалансированным оружием с крепким затвором, которое редко доставляло затруднения при употреблении, если только запальное устройство содержалось сухим. Разумеется, в еще большей мере это условие касалось пороха, который упаковывали в прочную бумагу. Однако, учитывая, что на борту баркаса, где все быстро промачивается дождем и соленой водой, можно сомневаться в том, насколько большую пользу оказал захваченный мушкет. Впрочем, как следует из имеющихся документов, по-видимому, он все же действовал, когда к нему прибегали в случаях необходимости.

Глава 7

Побег начинается.— Мимо скал Хедз во мраке ночи.— Три страшных дня в Тихом океане.— Первая высадка на берег.— «Ботаники» находят уголь.— Встреча с австралийскими аборигенами на берегу священного камня.— Странный вид и поведение аборигенов.— Что пережили люди, ушедшие набрать воду к источнику в джунглях.— Появляется много аборигенов.— Ночные ритуальные танцы «людей плоского камня».— Бегство от аборигенов.

1

Теперь нет пути назад. Побег стал реальностью. Бетти лежит мертвая у порога дома в Рыбачьей бухте. Когда взойшло солнце, и пьяный солдат понял, что произошло, и забил тревогу, губернатор Филлип послал последний катер колонии в погоню за беглецами. Сначала при побеге исчезла лодка вождя аборигенов, теперь баркас рыбаков, к тому же многие каторжники захотели стать бродягами. Этому власти не могут допустить, и будут предприняты все меры, чтобы возвратить 11 беглецов в колонию, разъединить их после серьезного наказания и сослать некоторых из них в каторжную колонию на острове Норфолк.

Впрочем, никто из беглецов и не помышлял о том, чтобы снова попасть в колонию. Стоит ненастная погода с порывистым ветром, переходящим в сильный бриз, и, пока баркас, управляемый Моржом, прокладывает путь к Хедз, морская вода время от времени перехлестывает через борт «Надежды» и приходится часто вычерпывать воду, чтобы судно не затонуло. Но это не трудно. В этот момент название баркаса вполне соответствует настроению беглецов. Никакие трудности не могут затмить чувство свободы, которое охватывает их так же, как разлетающиеся вокруг брызги соленой морской воды. Мэри поворачивает голову в сторону ветра, чтобы ощутить пену с гребней волн на лице. Оба ребенка надежно уложены в небольшие деревянные ящики, которые ее муж смастерил для них под перилами, причем морская вода сливается с деревянных конструкций, не просачиваясь в ящики. Несмотря на непогоду, Эмануэль спит. В голубых глазах Шарлотты застыл страх, но она лежит спокойно. Если бы даже она закричала, из-за сильного шума волн у скал Хедз люди с наблюдательных постов не услышали бы ее.

Из-за юго-восточного ветра Мортону приходится ставить форштевень лодки прямо против северной из скал Хедз и повернуть оверштаг менее чем в 30 метрах от утеса. Там наверху установлена пушка, обслуживаемая командой из 10 человек. Однако сейчас темная ночь и сильный ветер, и вряд ли хоть один солдат выйдет из сторожевого помещения. Гораздо опаснее внезапные порывы ветра, которые могут привести к тому, что рулевой на баркасе не сможет повернуть оверштаг в нужный момент, и из-за этого есть опасность натолкнуться на скалу. Однако Морж уже проявил себя на этом раннем этапе пути как первоклассный моряк. «Нагните головы, люди!» — кричит он, и через несколько секунд прямо над ними с шумом проносится выступ утеса. Затем маленькое судно выходит в единоборство с могучими волнами Тихого океана.

Сейчас осень, и они впервые замечают, насколько леденяще холодны ветер и морская вода. Они стараются не маневрировать, но ветер настолько силен, что приходится несколько сбавить скорость.

На судне правильно распределен балласт, так что, хотя оно заметно кренится в сторону, уменьшение скорости не вызывает никакого реального опасения, что судно опрокинется. Но конечно, эта ночь тянется нескончаемо долго, одна из многих ночей, которые ожидают их впереди. Следующая проходит еще хуже, так как они устали и промокли до нитки. На другой день, когда над волнами выплывает солнце, они видят за кормой длинную белую полосу берега. Аллен всю ночь кашлял. «Люди добрые,— просит он,— разве мы не можем подойти на «Надежде» к берегу и передохнуть на солнце?»

Однако Морж решительно выступает против. «Если они гонятся за нами на баркасе доктора, они заметят нас на берегу на расстоянии мили. Мы должны провести еще ночь в море, а затем зайдем в бухту, где укроем наше судно так, чтобы нас не обнаружили со стороны моря. Продержись еще одну ночь, Старик!»

Остальные одобряют его соображения, и этот план принимается. Однако третью ночь подряд в море проводить неприятно. Ветер, правда, стих, но море расшвирило: волны словно не могут решить, откуда и куда им идти. Время от времени они, обезумев, перехлестывают через маленькое судно, и приходится вычерпывать воду, иначе баркас переполнится водой и потонет. Некоторое время Вил, Морж и Кокс опасаются, что придется выбросить за борт часть продуктов, но утром на рассвете море немного успокаивается, и они решают оставить провиант.

Это ужасная ночь. Дети чувствуют себя плохо, они страдают от морской болезни с частыми рвотами и от простуды с сильным кашлем. Все замерзло, и независимо от того, во сколько тряпок завернуты дети, они дрожат от холода. Всё промокло, один порыв ливня за другим обрушивает на них косые каскады леденящей влаги. Они дрожат от холода, конечности сводят судороги. Желудки расстроены из-за ограниченности движений.

Но вот приходит утро, и показывается солнце, и тогда Вил, который сменил Моржа у руля, всматривается в сторону берега, полагая, что увидит вход в бухту. Он будит Шкипера, который достает карту из кармана штанов. Однако она так попорчена соленой водой, что едва можно различить контуры, нанесенные пером.

«Залив наверняка где-то здесь»,— говорит Морж.

«Во всяком случае, тут что-то похожее на мыс».

«Тут недолго переиграть, Бил. Нам необходимо пристать к берегу если не ради себя, то ради детей».

Вил поворачивает форштевень в сторону суши. Гористый мыс остается по левому борту, за ним открывается маленькая бухта. Когда они подходят ближе к берегу, то замечают, что перед ними устье реки.

«Вот место, куда мы заведем баркас,— решает Морж.— Приготовьтесь к высадке».

Однако до берега еще довольно далеко. Вдруг все почти одновременно испытали мощный толчок: судно вошло в полосу прибойя. Кажется, словно волны кипят между устьем реки и баркасом. Теперь они видят, что буквально в нескольких сантиметрах от прибойя находится песчаная отмель.

«К веслам! — кричит Морж.— Снимите парус, Нат и Вил! И делайте все быстро, если не хотите, чтобы мы перевернулись!»

Ему не надо больше ничего говорить: все находящиеся на борту, кроме детей, понимают, что если «Надежда» здесь потерпит крушение, то все безнадежно погибнут. Шестеро гребцов дружно принимаются за работу, парус падает вниз и накрывает людей, но прежде, чем им удастся с помощью весел

повернуть баркас, он уже оказывается в полосе прибоя на песчаной отмели. Волны захлестывают судно и грозят в мгновение заполнить водой, если они не стащат его с отмели.

«Берись за руль, Нат! — кричит Морж. — А ты прыгай за борт вместе со мной, Вил!»

Двое мужчин стоят у самой зоны прибоя и пытаются вытащить «Надежду» из песка. «Давайте все вместе сразу толкнем». — И теперь в волны прыгают также Джеймс Кокс и Сэмюэл Бёрд. Наконец общими усилиями удается вытащить судно с отмели и с помощью весел отгрести его в глубокую воду.

Морж продрог от холода, но дает распоряжение, чтобы снова поднять парус. Следуя несколько дальше вдоль берега, они находят вход в бухту, и без труда им удается поставить баркас на защищенном участке песчаного берега в глубине бухты. Так как, по-видимому, здесь прилив достигает большой высоты, они решают вытащить судно совсем на берег. Совершенно очевидно, что им не удастся быстро ретироваться в случае внезапного нападения аборигенов.

На суше командует Джеймс Кокс. Он прежде всего заботится о том, чтобы наладить дежурство. Нат выбирается первым, в течение трех часов он с единственным действующим оружием в руках должен вести наблюдение за аборигенами. Старика и Мартина посылают искать пищу. Мэри отправляется обсушить детей и разложить одежду для сушки. Сэм и Джон Батчер снимаются с места, чтобы собрать топливо для костра. Вильям и Морж пытаются выяснить, не получил ли корпус судна повреждения в первые дни плавания. Они находят маленькую щель, но она невелика, и ее заделывают ветошью и смолой.

Вдруг Мэри замечает, что Сэм и Джон бегут к судну. У обоих в руках крупные черные комья.

«Что это вы нашли?» Сэмюэл протягивает ком другим беглецам.

«Это похоже на уголь», — высказывается Вил.

«Это и есть уголь», — говорит Сэм. — Я работал в угольной шахте с семи лет и всегда думал, что больше не увижу уголь в моей жизни... и вот нахожу его здесь».

Джон рассказывает, что уголь лежит всюду на склоне горы²⁰.

Теперь люди, во всяком случае, знают, что они могут применить уголь в качестве топлива. Мэри поджигает немного подсохший плавник и сверху подбрасывает в костер куски угля. Незадолго до наступления темноты возвращаются Старик и Джеймс Мартин с моллюсками и крупными омарами, которых они нашли чуть подальше, там, где скалы прорываются через песок к морю. Оба они тоже сделали некоторые наблюдения.

«Там было целое стадо старинных животных, которые передвигались прыжками от берега до зарослей, — рассказывает Аллен. — Они походили на кенгуру, но были несколько меньшего размера, почти как зайцы у нас в старой доброй Англии»²¹.

«Странно было видеть, что они не особенно боялись нас, — добавляет Мартин. — Старик вошел в стадо и легко схватил одного из них».

«Завтра мы постараемся поймать несколько животных, уьем их и сварим мясо, чтобы взять его с собой», — предлагает Кокс.

2

Ощущение благополучия и удовлетворенности распространяется на всю компанию. Маленький Эмануэль и Шарлотта уже насытились сваренным Мэри супом из моллюсков и омаров, в который она накрошила хлеб, оставшийся после тяжелых дней, проведенных в море. Все улеглись спать вокруг костра, жар которого давал так много тепла, что исчезло ощущение ночного холода.

При свете костра Джеймс Мартин записывает о событиях дня в своем дневнике. Звезды Южного Креста озаряют безоблачное ночное небо. Дети спят, укутанные в тряпки, которые должны защищать их от многочисленных комаров и мух. Аллен спит беспокойно, часто покашливая и храпя. Все имущество разбросано как попало. На углях костра еще стоит котелок с кипятком, в котором заварены листья «сладкого чая». Куски брезента, применявшиеся на борту судна в качестве тента, расстелены чуть поодаль на берегу для сушки. С моря поднимается очень слабый бриз, и длинные волны с шумом набегают к берегу. Раздается рокочущий звук, когда они, волоча многочисленные мелкие камни, отступают назад.

Нат, который был дежурным, будит Джеймса Мартина среди ночи: «Теперь твоя очередь, Писатель.— Он протягивает ему ружье и сумку с пулями и порохом.— Скорее возьми ее... Я так устал, что боюсь свалиться навзничь».

Мартин хватает ружье и раскидывает раскаленные угли, чтобы было больше жара от костра. Он отходит менее ста метров от огня в сторону суши и усаживается на большой круглый, почти плоский камень. Долго он сидит, погруженный в свои мысли, и вдруг ему кажется, что что-то движется там, где песчаный берег переходит в заросли невысоких деревьев с искривленными стволами. Что делать? Ружье заряжено, Джеймс осторожно кладет его на колени и прицеливается в сторону леса. Он сидит совсем тихо, прижавшись к камню.

Три необычайно длинных и тонких существа появляются на опушке леса. Издали они похожи на длинные тени от стволов деревьев. Однако это люди. Он замечает у них что-то в руках, но невозможно четко разглядеть, что именно. Впрочем, это вряд ли может быть что-либо иное, чем длинные копыта — те самые, которые применяют аборигены в окрестностях Порт-Джексона. Три человека поворачиваются, один из них издает пронзительный, очень короткий крик, похожий на «хой» с растянутым последним звуком. Теперь он видит еще трех людей, которые бесшумно выпрыгивают из чащи леса.

Джеймс решительно поднимается, с некоторым опасением поворачивается спиной к спящим у костра товарищам. Он спокойно произносит громким голосом: «Боюсь, к нам пришли гости. Вам надо скорее проснуться и поглядеть на них».

Некоторые из мужчин спят так крепко, что требуется немало времени, чтобы их разбудить. Резко проснувшись, они не понимают, где находятся. Дети продолжают спокойно спать, никто не собирается будить их раньше, чем в последний момент.

Мартину не приходится давать какие-нибудь разъяснения, почему он разбудил людей. Темные существа стоят как статуи в ночи.

Джеймс Кокс снова принимает командование. «Держитесь спокойно и давайте посмотрим, что они будут делать,— говорит он.— Нет полной уверенности, что они собираются напасть на нас. Может быть, они лишь проявляют любопытство, и, если разобраться, ведь это их земля».

«Дайте мне ружье, и я заставлю этих индейских прохвостов убраться во-свои,— предлагает Сэмюэл Бёрд.— Мы белые люди, не забывайте об этом».

Старик качает головой и усмехается: «Белые люди! Да кто ты такой, Сэм, всего лишь обычный карманный вор, который оказался недостаточно проворным. Иначе бы ты не очутился здесь!»

Сэм чуть было не вспылал, но Вил его успокаивает. Кокс отрывисто произносит: «Писатель, держи ружье наготове, но не стреляй, пока не получишь команду!»

Много часов они сидят так. Ничто не происходит. Может, существа стоят там постоянно, но сейчас безлунная ночь и звезды отбрасывают не так много света, чтобы они могли удовольствоваться этим. Первые солнечные лучи заявляют о себе почти так же быстро, как когда в театре зажигается свет. В ту же секунду, когда самые верхние лучи солнца появляются над морем, шесть

аборигенов выходят из леса и медленно приближаются по направлению к берегу. Мартин все разглядел правильно. У них в руках длинные копья, каждый несет по три-четыре штуки. Странной поступью они движутся вниз к камню, на котором сидел Мартин.

Солнце совсем поднялось над горизонтом, освещая поверхность Тихого океана и бросая ранние почти розово-красные лучи на аборигенов, которые раскрасили свои тела глиной и красной охрой в виде зигзагообразных полос, идущих с головы до ног. Через носовой хрящ они проткнули кости, у двух аборигенов на груди татуировка. Все они совершенно нагие, но из-за раскрасок и татуировок кажется, что на них диковинные одеяния.

Аборигены достигают большого плоского камня и там останавливаются. Один из них, и он выглядит как старший, срывает пару зеленых листьев и машет ими над головой, а затем спускается вниз, к костру на берегу. Копья он оставляет в сторону и втыкает в песок. «Он пришел с миром», — говорит Кокс, который так же, как его товарищи, во всяком случае прибывшие с первой флотилией, знают, что листья над головой — это знак дружбы. «Прикрой меня ружьем, и я покажу им, что у нас тоже миролюбивые намерения».

Он медленно поднимается и идет степенным шагом, как если бы шел в церковь на венчание. На расстоянии около десяти метров от них он простирает руки над головой и кричит: «Тава! Тава!» Это слово дружбы у аборигенов района Порт-Джексона, слово, которое Кокс и его друзья часто употребляли, когда они встречали Беннелонга и его сородичей на устричных банках. Но говорят ли эти аборигены на том же языке, что и «индейцы» в районе Порт-Джексона?

Мужчины у камня втыкают копья в песок: они поняли слово «тава». С некоторой опаской теперь безоружные аборигены приближаются к белым людям около костра, и, когда они замечают Мэри и двух маленьких детей, которые издают душераздирающие крики, они быстро переговариваются между собой.

Здесь осталась от вчерашнего ужина пара клешней омаров, и Джеймс Кокс протягивает их как дар пришедшим, которые сразу же берут их и начинают высасывать дочиства. Долговязый парень, который на вид вряд ли старше 15—16 лет, бежит назад к лесу, и вскоре оттуда появляется с десяток женщин и почти столько же детей. Более старая женщина приносит огненную палку — увядшую ветку с горящим концом, которой она все время машет, чтобы поддерживать огонь. Когда она видит остатки костра, где еще осталось немного раскаленных углей, она откладывает свою ветку и делает несколько движений над углями. Это тоже, как известно людям из Ботани-Бея, знак того, что аборигены ищут дружбы.

Немного слов на языке аборигенов знают люди, приплывшие на баркасе, а может быть, у этого племени другой диалект или другой язык. В свое время Джозеф Пейджет научил Вила жестам, которые применяются как своего рода общий язык для многих племен, и Вил пользовался этими жестами после того, как Джозеф уехал в Парраматту. Теперь беглецам это знание приносит большую пользу. Если ты ударишь правой рукой по заду, это значит «следуй за мной». Поставишь руки перед грудью, это означает «женщина»; если идет речь о мужчине, то поглаживаешь по подбородку. Считают с помощью пальцев рук и ног, а ход времени отмечают по числу «снов» и лун. О времени встречи договариваются, указывая на положение Солнца в соответствующий час дня.

Разговор на языке жестов все же отнимает немало времени, пока беглецы не начинают понимать, почему данная группа аборигенов посетила это место. Полной ясности они, конечно, не добились, но, вероятно, тут как-то замешан большой плоский камень, на котором Джеймс Мартин нес ночную вахту. Этот камень вроде бы имеет для них особое значение.

Они не знают (и этого европейцы тогда вообще не знали), что у многих племен аборигенов есть свой кобонг — вид тотема, каковым может быть зверь,

дерево или, как в данном случае, большой камень, которому поклоняются поколениями и откуда группа получает свое название — священное имя, которое часто нельзя упоминать. Может быть, эта семейная группа среди других аборигенов известна как «люди плоского камня»; они это сами знают, но не решаются называть себя так. В темные безлунные ночи они часто совершают паломничества к кобонгу, чтобы совершать там на месте племенные ритуальные обряды.

Каково было намерение для путешествия к камню на этот раз, «ботаники» не смогли выяснить, и сомнительно, понимают ли они в целом, что символизирует камень для аборигенов. Однако то обстоятельство, что «люди плоского камня» так дружелюбно относятся к ним, видимо, означает, что они считают их давно умершими предками, которые ненадолго посещают места, где они жили сотни лет назад. Когда коренной житель Австралии умирает, его кожа приобретает белесоватый оттенок, и, может, именно потому они часто принимают белых людей за духов предков²².

Теперь возникает большой вопрос: где найти свежую питьевую воду. От запаса воды, взятого из Порт-Джексона, остается не более галлона (менее 5 литров), и плавание нельзя продолжать, пока не наполнены обе взятые фляги. Это быстро понимают «люди плоского камня», и Джеймс Кокс просит их показать, где можно набрать питьевой воды. Самый высокий из них, очевидно вождь, дает знак следовать вместе с ним и еще тремя мужчинами, и они покажут, где находится источник. Так, во всяком случае, Джеймс Кокс понимает его жесты.

«Нат, Сэм и Старик, вы возьмете флягу и пойдете с “индейцами”?» — спрашивает Джеймс Кокс.

Однако у Сэмюэла Бёрда нет ни малейшего желания идти. «Ты, лентяй,— возражает он Джеймсу Коксу,— ведешь себя, словно ты сам майор Росс. Убирайся к дьяволу! Мы здесь больше не невольники, мы свободные люди и делаем, что хотим. И у меня нет ни малейшей охоты быть для тебя мальчиком на побегушках».

Морж поднимается на ноги. Он медленно подходит к Сэму и отвешивает ему здоровенную оплеуху так, что тот падает навзничь. «Это как раз своевременно, парень, чтобы ты понял, кто здесь командует,— говорит он.— В море руковожу я, а на суше мистер Кокс решает все. Это он заплатил за квадрант, компас и навигационную карту, а без них мы бы либо умерли от жажды, либо просто не смогли плыть дальше».

«Хватит, друзья! — Джеймс Кокс становится между двумя мужчинами.— Не надо затевать ссоры. Только если мы будем держаться вместе, мы справимся с нашей задачей».

«Ты не имеешь права командовать мной,— орет Сэм.— И я не хочу, чтобы Морж бил меня. Я запомню, что произошло сегодня, и это вам дорого обойдется».

«Если ты не хочешь идти за водой, я пойду сам». Джеймс Кокс уже на пути к фляге, которая снабжена двумя носильными ручками, где Нат хватает вторую ручку. «Пойдемте»,— говорит Кокс Нату и Аллену.

«Не хочешь взять с собой ружье?» — кричит ему Вильям Брайент, когда они уже отошли от костра.

«Нет, ружье должно быть у тех, кто остается у баркаса. Пусть ружье всегда будет там, где судно».

3

Поход к источнику возглавляется человеком, которого «ботаники» принимают за вождю. У многих аборигенов — как у мужчин, так и женщин — открытые

раны, а у этого невероятно долговязого тощего человека — обнаженная под-кожная клетчатка между ноздрями и широкими губами. Возможно, это воспаление носового хряща, через который он продел кость казуара, или же он очень сильно простужен. Вильям Аллен придумал для него кличку Сопляк.

Сопляк распоряжается, чтобы некоторые женщины пошли с ним и понесли флягу. Одна из них, которая, по мнению Вила и Мэри, похожа на их покойную приятельницу Бетти, самая красивая из туземных женщин; по европейским представлениям ее можно рассматривать как привлекательную молодую девушку, если бы она не была слишком грязна. Толстый слой грязи и пыли покрывает большую часть ее тела; лепешки высушенных испражнений она снимает с себя, садясь в песок и обтирая заднюю часть вращательными движениями. Она невероятно расторопна: небольшие куски плавника она собирает на берегу пальцами ног, а когда хочет прислушаться к чему-то, стоит совсем тихо и поднимает одну ногу, при этом колено выставляет вперед, а ступня приставляется к берцовой кости другой ноги. Так австралийская Бетти стоит, как странная экзотическая болотная птица, и ожидает приказаний Сопляка, который, вероятно, ее муж.

Бетти, помахивая огненной палкой, жестами дала понять европейцам, что другой мужчина, который пойдет показать источник, ее брат. У него еще менее выступающая задняя часть, еще прямее спина и еще длиннее и тоньше кости, чем у других мужчин, его глаза глубоко посажены в глазницы — это хорошая защита от солнца; кроме того, у него на теле много белых полос, за что Старик назвал его Призраком. Третьего аборигена Аллен назвал по имени главного палача Порт-Джексона — Джон-Порка, — его задача следить за женщинами, и он непрестанно командует ими. Тропа, по которой они идут, используется зверями как путь к водою. Задача женщин отыскивать пищу здесь, среди листьев и колючек. Если они не выполняют указаний Джона-Порки достаточно расторопно, он толкает их, бранит и шлепает ладонью. Трое белых людей получают наглядное представление, что вряд ли в кругу аборигенов приятно быть женщиной: с ними, несомненно, обращаются жестоко, они должны нянчить и кормить детей, собирать топливо, искать пищу, готовить обед и носить тяжелые грузы во время переходов.

Джон-Порка — очевидно, важная персона в маленьком обществе: он находит пищу и отвечает за то, чтобы у людей плоского камня ее было достаточно. Если наступает неурожай или засуха, когда водоемы и источники пересыхают, это означает, что предки мстят нынешним членам племени и от них можно откупиться лишь тем, что искатель пищи жертвует свою жизнь или уходит от группы, что также означает смерть в одиночестве. Он связующее звено между живыми и мертвыми, и потому он проводит самую торжественную официальную церемонию в жизни племени, когда мальчик и девочка принимаются в круг взрослых при наступлении половой зрелости. Для мальчика это происходит путем различных обрядов, так или иначе связанных с ощущением боли. Мужчина должен вытерпеть физическую боль, в противном случае он не приживется в этом мире. На руку мальчика кладется раскаленное докрасна дерево, и если он выдержит это небольшое испытание, не потеряв сознание, значит, ему можно носить украшение в носу. Его отец или дядя дарят ему небольшую кость казуара; Джон-Порка бурит дырку в его носовом хряще так, чтобы через нее можно было продеть кость и носить ее в знак того, что он стал взрослым. Один или несколько передних зубов у него изымаются: сначала их расшатывают у десен острой палочкой или костью, а затем выбивают камнем. Теперь вступают в действие трещотки. Мальчика изолируют от матери, братьев и сестер на много дней, и, пока стоит невообразимый треск, люди племени пребывают в экстазе, мальчику затыкают рот кляпом, чтобы он не мог кричать, бросают его на землю и совершают обряд обрезания. После операции он получает свое

Слева сверху — Портрет капитана Артура Филлипа, первого губернатора Нового Южного Уэльса, основавшего первую английскую колонию в Австралии.

Слева внизу и справа в левом верхнем углу и в середине — Репродукции листов карты, составленной Джеймсом Куком в 1770 г. и приложенной к его книге об открытии восточного побережья Австралии. Эта карта была скопирована голландским капитаном Детмером Смитом и передана Мэри Брайент и ее товарищам, совершившим побег с каторги.

Восточное побережье Австралии, официально переданное в распоряжение губернатора Филлипа в 1787 г., было в то время известно только по материалам, собранным Куком на 17 лет раньше. Однако Кук там лично посетил лишь отдельные места и в основном ограничился картографированием береговой линии самого материка. Он первый представил информацию о Большом Барьерном рифе — колоссальном скоплении коралловых островов, отмелей и рифов, протягивающемся по широте почти на 2000 км. Ширина этого уникального, крупнейшего в мире кораллового образования колеблется от 2 до 150 км, а общая площадь оценивается в 200 тыс. км². Куку была знакома только небольшая часть Барьерного рифа, примыкающая к берегу материка, поэтому составленная им карта мало пригодилась Мэри Брайент и ее товарищам при плавании в этих водах.

Справа в верхнем правом углу — Факсимиле титульного листа книги Артура Филлипа «Путешествие в заливы Ботани и Порт-Джексон, а также на остров Норфолк», изданной в Лондоне в 1789 г.
Справа внизу — Вид Большого Барьерного рифа в районе скалы Боллз-Пирэмид.

THE
V O Y A G E
 OF
GOVERNOR PHILLIP
 TO
BOTANY BAY
 with an
 Account of the Establishment of the Colonies of
PORT JACKSON & NORFOLK ISLAND

compiled from Authentic Papers,
 which have been obtained from the several Departments
 to which are added,
The Journals of Srs Shortland, Watts, Ball, & Capt. Marshall.
 with an Account of their New Discoveries

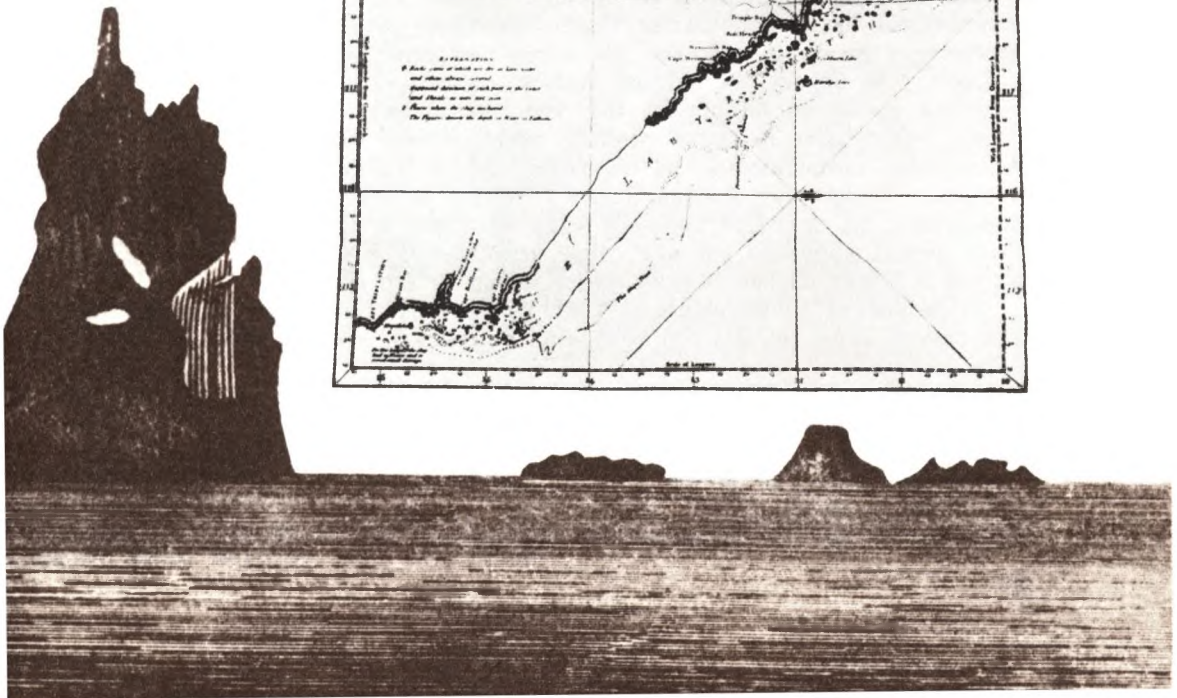
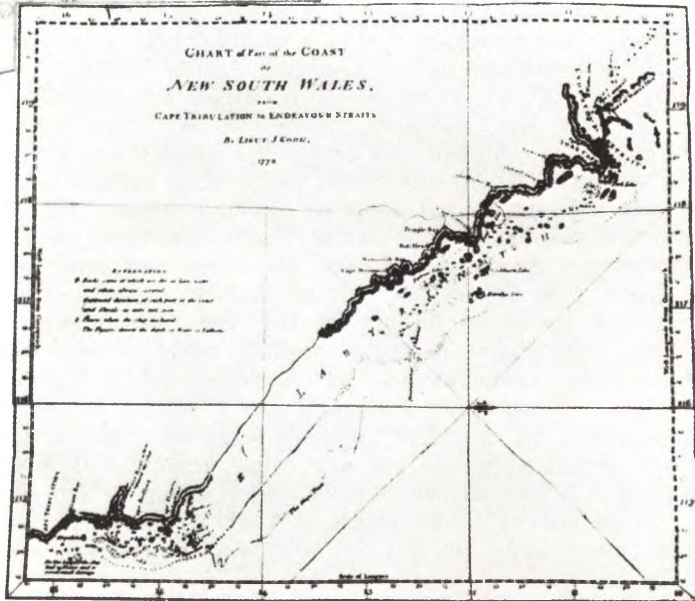

embellished with fifty five Copper Plates.
 The Maps and Charts taken from Actual Surveys
 by the Messrs. Shortland, Watts, Dancer, Bowley, Capt. Marshall, &c.

by Capt. Hunter, Locat^t, Shortland, Watts, Dancer, Bowley, Capt. Marshall, &c.

L O N D O N

Printed by J. G. Wood, St. Paul's Churchyard

первое копьё. У некоторых племен также расщепляется мочеточник. Возможно, здесь речь идет о примитивной форме контроля в условиях, когда недостаточно пищи, чтобы прокормить больше определенного количества людей. Во время полового акта сперма выводится на землю и оплодотворения не происходит.

Еще более жесток обряд посвящения девочек. Когда у девушек начинают развиваться груди, их смазывают жиром или маслом, и старшие женщины поют, чтобы они выросли. При первой менструации девушке делают надрезы на коже в виде символа племени. Кроме того, нередко удаляют один-два сустава на нескольких пальцах. С этой целью перевязывают палец лентой, и поступление крови прекращается. Все это происходит под песни и пляски. У племен, живущих на побережье моря, есть обычай, когда женщины заходят по пояс в воду и там танцуют и толпаются при лунном свете. Затем на берегу разжигают костер, огонь забрасывают мокрыми водорослями, на которые кладут молодую девушку, пока она вся не прокоптится. Джон-Порка лишает ее девственности с помощью пальца или острого камня. Возможно, «люди плоского камня» пришли к своему кобонгу-камню, чтобы совершить именно такой обряд копчения девушки, но из-за присутствия европейцев им пришлось отложить эту процедуру.

Из леса женщины возвращаются с личинками крупного ночного мотылька (*witchetty grub*), которые, видимо, считаются особым лакомством. Сопляк дает знак устроить небольшой отдых. Бетти подбегает с огненной палкой, в течение очень короткого времени костер разожжен и быстро образуются угли, на которых поджаривают больших черных личинок. Сопляк подает знак рукой: «Будьте добры отведать угощение!» Так, во всяком случае, «ботаники» понимают его жесты.

«Я, право, не знаю. Вам хочется попробовать, друзья?» — спрашивает Аллен своих спутников.

«Ты должен это сделать, Старик, иначе ты оскорбишь Сопляка и Джона-Порку, — высказывает Нат, — а мы рискуем получить копьё в спину».

С величайшей осторожностью Аллен пробует личинки ночного мотылька. «Это никогда не станет моим любимым кушаньем», — решает он.

Джеймс Кокс находит, что они по вкусу больше всего напоминают залежавшийся сыр. «Однако мы теперь научились это есть, — говорит он, — и может настать день, когда мы будем рады, если найдем этих личинок».

На небольшом удалении от опушки дерева становятся выше, и начинается девственный эвкалиптовый лес. Здесь протекает ручей с чистой водой, где трое европейцев наполняют флягу. Но когда они показывают, что хотят вернуться к баркасу на берегу, их останавливают «люди плоского камня». Джеймс Кокс жестами пытается объяснить им, что они должны доставить питьевую воду своим товарищам и снова прийти сюда, чтобы еще раз наполнить флягу. Аборигены, по-видимому, не понимают их, и, когда Кокс сдержанно, но решительно отстраняет Джона-Порку с тропы, показывая, что у него серьезные намерения, он получает сильный удар по плечу и вынужден отступить на два шага назад. Абориген хватается за копьё, прислоненное к дереву, и направляет его острие в Кокса на расстоянии менее метра от его груди.

«Успокойся! Успокойся!» — Кокс говорит это, вероятно, главным образом для самого себя, но оба его товарища понимают, что тут ничего нельзя поделать.

«Они отделили нас от наших товарищей, чтобы убить здесь, где у нас нет ружья», — говорит Нат.

«Откуда им знать, как используют ружье?» — таково мнение Аллена.

«Может, пока они ничего нам не сделают, но я думаю, они хотели разделить нас. Теперь, когда им это удалось, они пойдут назад к баркасу и покажут жестами, что мы в затруднительном положении, чтобы заманить еще некоторых

товарищей с собой к источнику. И что случится? Ведь их тоже убьют».

Два других спутника видят, что Нат почти готов расплакаться от страха. Он дрожит всем телом.

«Я обещаю тебе, что с нами ничего не произойдет,— говорит Аллен.— Наверняка, держу с тобой пари на чашку джина, что они что-то ожидают, может знахаря, и, пока он не придет, они не вернутся к берегу. Джон-Порка плохо воспитан и поэтому грозит нам. Однако в его поведении нет ничего плохого». И Старик посылает искателю пищи улыбку, обнажая те немногие зубы, которые у него еще остались во рту.

Кокс и Аллен усаживаются спинами к дереву, и спокойная обстановка, по-видимому, восстанавливается. Аборигены отставляют свои копья в сторону. Так проходит много часов, прежде чем что-то происходит. Джеймс первый слышит звук — невообразимо жалобный крик, чем-то напоминающий жужжание гигантской пчелы и иногда прерываемый криками.

Кокс отлично знает, что это такое. «Это трещотки,— рассказывает он.— Через мгновение они появятся, и это знак, что произойдет какая-то церемония».

«Они нас убьют»,— причитает Нат.

Они не успевают даже немного подумать над причиной неприятного звука, как из леса выходят более двадцати аборигенов. Четыре человека размахивают в воздухе двумя огромными палками, привязанными к концам двух веревок, и от этого происходит жужжащий звук. Другие мужчины дуют в длинные бамбуковые трубочки, издающие отрывистые жалобные звуки. У всех мужчин тела раскрашены глиной и красной охрой в виде зигзагообразных полос, идущих с головы до пят. В носках воткнуты кости, у некоторых на груди татуировка. Все совершенно нагие. Кроме копий, которые каждый несет в правой руке, они вооружены также метательными дубинками — вумера. Это короткая палка, в которую вставляется копьё.

«Люди плоского камня» бегут им навстречу и разговаривают с ними, время от времени показывая на европейцев. По мнению Кокса, они принимают европейцев за сверхъестественные существа, может за своих предков, которые должны присутствовать на готовящейся церемонии. «Большой камень там, на берегу у баркаса, наверное, их святыня,— говорит он,— и теперь нам придется идти во главе толпы через лес обратно к камню. Мы должны вроде бы защищать их от злых духов».

«А что произойдет, когда мы придем к камню? — хочется узнать Нату.— Как, по-твоему, они нас убьют?»

Жестами и потоком непонятных слов вождь пытается объяснить белым людям, что они должны возглавить шествие по тропе обратно к берегу. Прошла большая часть дня, но никто из людей у баркаса не знал, что происходит с их товарищами у источника. Вдруг они появляются в сопровождении толпы вооруженных раскрашенных аборигенов.

«Нам надо удирать отсюда как можно быстрее,— говорит Кокс Моржу.— Фляга наполнена питьевой водой, жаль, что «Надежду» не подготовили к отходу, но боюсь, что в головы варавара что-нибудь взбредет и обрушится на нас».

Внезапно начинается движение воздуха, ветер дует прямо к берегу. «Баркас может опрокинуться, если мы попытаемся развернуть его теперь против волн. Нам надо подождать, пока ветер стихнет или переменит направление»,— предлагает Шкипер.

Мэри тоже боится и прижимает к себе детей, в то время как трещотки непрестанно жужжат и бамбуковые трубочки кашляют и стонут. Аборигены чуть ли не впадают в истерический экстаз. Мужчины танцуют вокруг камня-кобонга и отгоняют женщин и детей. Сопляк и Джон-Порка вместе с другими вооруженными воинами направляются вниз к костру и баркасу и хотят схватить Мэри и детей, которые плачут от страха.

«Может, надо выстрелить из ружья?» — сквозь шум кричит Вил Джеймсу Коксу.

Взгляды беглецов обращены к Коксу. «Нет, это бесполезно,— говорит он,— если аборигены хотят схватить нас и убить. Учтите, что мы находимся совсем рядом с ними и они слишком возбуждены, чтобы ружейный выстрел удержал их от их намерения. Кроме того, мы не можем очень быстро уплыть в море из-за прибой и ветра».

Морж не думает, что аборигены перейдут в нападение. Вот они отогнали своих женщин и теперь хотят, чтобы Мэри с детьми тоже ушла дальше вниз к берегу. Он оглядывает множество воинов, собравшихся вокруг камня. «Здесь, очевидно, состоится какое-то мумбо-юмбо, на котором женщинам нельзя присутствовать, но в котором они хотят, чтобы мы, белые, приняли участие. Я считаю, что они действительно нас принимают за своих предков. Единственная наша надежда выпутаться из этой истории живыми — это сохранить хорошую мину при плохой игре и удрать к морю, как только представится случай».

«А когда это будет, Морж?»

«О, если бы я был настоящим моржом, возможно, я бы больше разбирался в погоде. Однако я надеюсь, что это будет рано утром. Кажется, ветер здесь обычно стихает в утренние часы».

Мэри, Шарлотта и маленький Эмануэль отходят вместе с туземными женщинами, Вильямом Брайентом, Натаниэлом Лилли и Сэмюэлом Бёрдом довольно далеко вниз к берегу. Там, где скалы подступают почти к самому морю, они устанавливают парусину для защиты от сильного ветра. Теперь проблема воды решена, да и еды достаточно. Мэри поет колыбельную песню своим детям. Вил собирает плавник для костра, одна из аборигенок разжигает его своей огненной палкой. Они теперь так далеко от плоского камня, что лишь слабо доносятся звуки трещоток. В маленьком котелке, который они захватили с собой, Мэри заваривает листья сарсапариллы для сладкого чая, который дают пить детям перед сном.

Когда они засыпают, Мэри снова приготавливает котелок сладкого чая и вдруг заливается горьким плачем. «Мы никогда не выберемся отсюда живыми,— всхлипывает она.— Я буду виновна в гибели моих детей. Надо было оставаться в Порт-Джеконе! Это все моя вина».

Она не успевает бросить лист сарсапариллы в котелок, как Вильям осторожно берет ее за руку. «Посмотри на этот лист, Мэри,— говорит он.— Возьми его и сохрани на память. Через некоторое время ты вспомнишь этот момент. Может быть, все, что происходит сейчас, мало приятно. Но мы переживем. «Индейцы» не желают нам ничего плохого. Если бы это было так, они бы не позволили нам приблизиться к этому месту. Мы еще найдем рай, ты и я. Прошу тебя, сохрани этот листок на память».

4

Вокруг камня несколько мужчин начали дуть в свои полые трубки, дидвериду — бамбуковые стебли, которые издают жалобные мелодии, и начинается танец. Белых людей приглашают посмотреть и принять участие в нем. Впрочем, хотя они держатся более или менее настороженно, в поведении аборигенов не заметно никакой враждебности, скорее воцаряется радостная торжественность, которая мало-помалу действует на Аллена. В сумерках «люди плоского камня» разжигают большой костер перед кобонгом, и танцы начинаются по-настоящему. Мужчины пробегают боком, не держась за руки. Между камнем и костром утрамбовывают песок и издают звуки, сильно напоминающие урчание. При

этом они размахивают копьями, которые держат в правой руке. Другие машут в воздухе деревянными палками, и трещотки не умолкают.

Затем следуют другие танцы. В одном из них, более степенного характера, участники сгибают спины, сдвигают вместе колени и небольшими прыжками, очевидно чтобы походить на кенгуру, передвигаются вокруг костра. Вильям Аллен первым из белых людей поднимается с песка и входит в круг, чтобы принять участие в прыжках кенгуру. Его присутствие в ряду танцоров принимается с визгами и воплем удовлетворения; два трубача подбегают к нему и играют на бамбуковых трубочках.

Всю ночь напролет продолжают танцы под звуки трещоток. Совсем под утро появляется Сэм. «Ветер настолько стих, что Вильям спрашивает, не пора ли спускать баркас на воду и трогаться с места».

Морж держит военный совет с товарищами.

«Мне кажется, будет очень трудно ускользнуть от них, пока танец не кончится,— говорит Кокс,— но если ты считаешь, Морж, что надо вывести баркас через прибой теперь, значит, надо попытаться это сделать».

В этой бухте уровень моря сильно колеблется во время прилива и отлива. На рассвете речные воды дальше всего текут к морю. Поэтому предлагается такой план: Вил, Нат и Сэм, возможно, вместе с Мэри в полной тишине незаметно должны подтащить баркас к воде, загрузить продукты, воду и вещи на борт и поместить детей в надежном месте, где копья аборигенов не могут достать их. Когда все будет готово, но ни секундой раньше, Вил должен прийти к камню с ружьем и прикрыть отход своих товарищей к берегу. Ему надо удержать индейцев на расстоянии, в то время как мужчины сталкивают судно сквозь прибой и гребут от берега. Удачное осуществление этого замысла возможно, если аборигенов испугает ружейный выстрел.

Они уходят готовить судно к отходу, в то время как их товарищи продолжают танцевать с аборигенами, которые как будто ни о чем не подозревают. Большинство из них находится в состоянии, близком к опьянению, и все же никто из «ботаников» не видел, чтобы они пили или жевали что-либо вызывающее опьянение. В их глазах — удивительный блеск, словно они пребывают в отдаленном мире, и только их тела чисто автоматически выполняют движения.

Немногим более чем через час, совсем незадолго перед рассветом, из темноты выступает Вильям Брайент с ружьем в руке.

«У нас все готово, друзья,— сообщает он.— Теперь только бы все прошло удачно».

«Ботаники» медленно выбираются из ряда танцующих, чтобы отправиться вниз к баркасу. «Люди плоского камня» погружены в танец, их копья подняты высоко в воздух, головы откинuty назад и выпускаются крики, которые завершаются долгим пронзительным воплем. Тем временем Джеймс Кокс и его друзья успевают довольно далеко отойти от камня и костра, пока танцующие не замечают, что они убегают. Джон-Порка внезапно останавливается посреди танца и указывает на «ботаников», которые уже находятся около баркаса. Между ними и танцующими стоит Вильям Брайент с ружьем.

Начинается жуткий гвалт, трубки выпускают жалобные мелодии, трещотки визжат, жужжат и скрипят. Сквозь эту массу звуков прорывается варварский воинственный призыв, который понятен без всякого перевода. И как одна большая волна, они движутся вниз, к баркасу.

Пока еще сумрачно, хотя слабый луч света появляется в восточной части горизонта. Вил поднимает ружье и направляет ствол к ногам передовых воинов, устремляющихся к нему с копьями наготове. Он нажимает на курок, и громкий раскатистый звук выстрела заглушает шум, поднятый аборигенами. Однако вряд ли только из-за ружейного выстрела они останавливаются как вкопанные.

В тот же момент, когда раздался выстрел, луч света молниеносно озарил лицо Вила и пуля вспахала песок перед ними. В результате аборигены разбежались во все стороны.

Они застывают словно колонны в песке; почти не раздаются звуки из их примитивных инструментов и усталых глоток. Над морем кричат птицы, снова слышится ленивый рокот волн, набегающих к берегу. Мужчины снова выводят лодку довольно далеко в воду и садятся за весла. В это время Вил бредет от берега, и Мэри затаскивает его на борт.

На суше неподвижно, как черные статуи, стоят «люди плоского камня» и не предпринимают никаких попыток гнаться за «Надеждой», которая медленно скользит сквозь полосу прибоя навстречу новому дню.

Примечания

²⁰ Сообщение о находке угля свидетельствует о том, что беглецы добрались до залива Порт-Стивенс, который, как и Порт-Джексон, хотя и в значительно меньшей степени, является замечательной естественной гаванью. Здесь в районе города Ньюкасла в настоящее время находятся крупные угольные шахты и металлургические заводы.

Этого места достигли пять беглецов, уплывших из Порт-Джексона на девять месяцев раньше в лодке вождя аборигенов. В 1795 году корабль королевского флота «Провидение» на пути из Бразилии в Сидней был вынужден по необходимости бросить якорь в Порт-Стивенсе, где моряки обнаружили четырех из пяти каторжников в жалком состоянии — голых, обожженных дымом костра и живущих подобно аборигенам. Хотя аборигены обращались с ними неплохо, они не желали ничего большего, как вернуться в каторжную колонию Порт-Джексон. Пятый из их компании, Джозеф Пейджет, в отчете не упоминается. Ходит упорный слух, что он был убит своими товарищами. О причине этого ничего не сообщается. В своем дневнике («Меморандуме») Мартин описывает место высадки «как небольшой залив в двух градусах широты к северу от Порт-Джексона, где мы нашли хороший уголь». Он упоминает о встрече с аборигенами, но ничего не рассказывает о каторжниках из колонии Порт-Джексон, включая Пейджета, который бежал с ними. Поэтому, по всей вероятности, обе группы беглецов не встретились.

²¹ Вряд ли может быть сомнение, что Джеймс Мартин и Вильям Аллен видели валлаби.

²² Каторжник Вильям Бакли, убежавший в дикие места, чтобы жить как бродяга, выжил, потому что его встретила группа аборигенов на месте кобонга и вследствие его цвета кожи приняла его за умершего вождя. Ему пришлось провести 32 года среди коренных жителей Австралии, и по возвращении в лоно цивилизации он сообщил массу сведений об обычаях аборигенов.

Глава 8

Побег обнаруживают в Порт-Джексо-не.— Два солдата убегают в лес.— Губернатор Филлип запрашивает сведения о Морже.— Губернаторский катер «Александрина» снаряжается в погоню за беглецами.— Лейтенант Брэдли находит остатки лагерной стоянки на берегу залива Порт-Стивенс.

1

Уже на следующее утро после того, как «Надежда» с 11 беглецами покинула Рыбачью бухту, в Порт-Джексо-не забили тревогу.

Один из двух мертвецки пьяных солдат проснулся на заре и обнаружил труп Бетти у входа в хижину. Долго он пытался разбудить своего товарища, и, когда это наконец удалось, он был вне себя от ужаса по поводу происшедшего и не мог произнести ни слова. Отнюдь не смерть Бетти привела его в такое состояние, а ужасный факт, что его Смуглая Бесс украдена.

Товарищ ищет свой мушкет повсюду в хижине и вокруг нее, но он тоже исчез. Так оба солдата начинают понимать, что готовился побег. Они выходят из хижины и спускаются к берегу. Баркас, который обычно стоит привязанный в маленькой бухте, исчез.

«Куда, к черту, делся Джеффри? — Старший из них, рядовой Хью Джонс, почесывает голову. — Я плохо помню: разве не Джеффри приглашал нас к Бетти?»

Его товарищ не отвечает на вопрос. «Ты застрелил Бетти, — говорит он через мгновение приглушенным голосом. — Ты встал и убил ее».

«Я? Нет, это ты застрелил ее».

Постепенно они приходят к заключению, что это беглецы украли ружье и убили Бетти. Джеффри Милстон, очевидно, поспешно удрал. Возможно, самое правильное будет найти его, прежде чем предпринять что-то иное. Но в то же мгновение раздается звук, который им слишком хорошо известен; утренний подъем. Через полчаса будет построение на смотровой площадке, а у них нет возможности добраться туда к положенному сроку.

«Я хорошо знаю, что делать, — говорит Хью Джонс, — и надеюсь, что ты поступишь так же благоразумно».

«Что ты сделаешь?»

«Я подаюсь в лес. Может, удастся встретить Черного Цезаря. Я много раз помогал ему, когда он сидел в кандалах. Теперь он может соответственно помочь мне».

«Каким образом ты будешь жить среди «индейцев» без ружья, Хью? Пройдет немного дней, и они покончат с тобой».

«А что ты будешь делать, могу я спросить? Если ты объявишься в лагере, ты уверен, что стоит получить, может, пятьдесят ударов, а затем быть повешенным. Лучше пойдем со мной. Двое всегда сильнее одного».

«Без оружия это самоубийство».

Хью решает идти в лес один, и, когда он уже на пути к опушке леса, товарищ нагоняет его.

Впоследствии никто не видел этих солдат. Черный Цезарь время от времени по ночам появляется у друзей в Парраматте, но никогда ничего не рассказывает о том, что к нему примкнули два солдата. Через два года исчезает и Цезарь.

Джеффри Милстон просыпается и слышит, как горнисты призывают к подъему. Ему удается заблаговременно достичь лагеря и принять участие в построении. Когда побег обнаруживают, выясняется, что беглецы захватили баркас, распространяется слух, что два пропавших солдата тоже находятся на его борту, но при осмотре хижины Вильяма и Мэри Брайент находят письмо Джеймса Кокса его бывшей приятельнице Саре Янг. Он сообщает, что находится теперь на пути к свободе и перечисляет имена всех беглецов. Хотя Кокс в письме ссылается, что для Сары его побег будет полной неожиданностью, ее вызывают на допрос. Капитан Дэвид Коллинз обвиняет ее в сообщничестве с беглецами.

«Клянусь честью, ваша милость, я ничего не знала о побеге».

Коллинз делает несколько колких замечаний по поводу выражения «клянусь честью», но не дает дальнейший ход делу.

«Значит, ты тоже не знала про убийство Бетти Сандерсон?»

«Нет, ваша милость».

Губернатор Филлип разгневан так же, как и весь офицерский корпус. Полгода назад убежали пять заключенных, теперь девять взрослых и двое детей вздумали уплыть в океан, чтобы избавиться от суровой жизни в каторжной колонии, более двадцати солдат и каторжников убежали в леса и живут там как бродяги. Из письма Джеймса Кокса становится ясно, что они направляются на Тимор, а оттуда попытаются на попутном судне добраться до Отахейте (Таити).

«На Тимор! — Филлип отрывается от своих бумаг и качает головой. — В таком случае эти люди совершенно ненормальные. И на борту женщина с двумя детьми. Если их путешествие продлится много дней, они либо утонут, либо их убьют аборигены. Впрочем, как они намерены управлять судном?»

Коллинз вытирает пот со лба, потому что, хотя осень на носу, день все же очень жаркий. «У них на борту имеется очень опытный моряк, сэр, — говорит он, — его зовут Вильям Мортон или Томас Матон».

«Каким образом, Коллинз, у этого человека оказалось два имени?»

«Это странно, сэр, но в судовых документах времен первой флотилии он указан под двумя именами и осужден в разных местах — Мейдстоне и Лондоне. В обоих случаях он осужден на семь лет».

«А что о нем известно?»

«Мы знаем, что он был мичманом в Вест-Индии».

«Человек наверняка получил семь лет каторжных работ не за то, что побывал в другой части света, Коллинз».

«Нет, ваша милость, но он плавал на нерегулярном судне».

«Коротко и ясно, Коллинз. Вы так и скажите, что этот человек был пиратом».

«Вероятно, его не могли осудить за это, сэр, поэтому он и отделался семью годами».

«Да, да, он, должно быть, опытный пират, если без квадранта, навигационной карты и компаса доберется до Тимора. Может, мы будем иметь удовольствие повесить его в Сиднее?»

«Простите, сэр, но я полагаю, что Мортон взял с собой необходимые приборы».

«Откуда он мог их достать?»

«У капитана Детмера Смита с „Ваксамхейда“, сэр».

Губернатор вскакивает со стула. «Проклятый алчный голландец! И нам еще пришлось зафрахтовать его „Ваксамхейд“».

В официальных отчетах о побеге, а также о краже баркаса нет ни слова о смерти Бетти, и можно лишь догадываться о причине этого молчания. Нет также упоминаний о побеге двух солдат в девственные леса. Вероятно, капитан Дэвид Коллинз, руководивший поисками в связи с побегом, полагает, что дезертировавшие солдаты убили Бетти, и он скрывает это предположение, чтобы не пятнать чести морской пехоты Нового Южного Уэльса, к которому сам он принадлежит и который и без того пользуется не лучшей репутацией. Может быть, опасаясь того, что еще больше солдат убежит со службы и предпочтет жизнь бродяг, капитан и его начальство не желают никакой огласки сведений о двух убежавших солдатах.

Ознакомившись с отчетами Коллинза и губернатора, которые отправляют в Англию с первым попутным кораблем, адмиралтейство будет просить всех капитанов судов, плавающих в Тихом и Индийском океанах, разыскать этих 11 беглых каторжников и привезти их в кандалах в Европу, чтобы там посадить в тюрьму до очередной высылки в каторжную колонию. Наказание за побег из Сиднея — смертная казнь через повешение.

2

«Они уклонились от справедливой кары и должны быть пойманы. Понимаете меня, господа: их необходимо привезти обратно в Сидней, чтобы осудить и повесить. Если это не удастся осуществить, дисциплину нельзя будет поддержать и колония придет в упадок».

Губернатор Филлип созвал совещание вечером того же дня, когда был обнаружен побег, и выбрал команду, которая должна отыскать баркас из Рыбачьей бухты на собственном катере губернатора. Это судно длиной 12 м и шириной 4 м с гротом и фоком считается быстроходным парусником. Его шкипер Брукмен, прежде служивший на крупных военных кораблях, — опытный мастер судовождения, который участвовал во многих морских научных экспедициях в Тихом океане. Он и его команда получают лейтенанта Брэдли и пятерых морских пехотинцев, и губернатор Филлип приказывает начать поиск дезертиров уже на следующее утро с восходом солнца.

Губернатор неодобрительно смотрит на Брэдли: «Мне кажется, что люди, с которыми вы общаетесь, имеют определенную тенденцию бежать. Пейджет и Браينت, каждый в своей группе, стали зачинщиками дезертирства и завладели двумя лодками колонии для этой цели». Он спрашивает: «Можете вы как-то объяснить это, Брэдли? Или, может, это лишь случайное совпадение?»

«Сэр, это случайность», — уверяет Брэдли.

Губернатор вздыхает: «Да, да, будем надеяться, что это так. Но во всяком случае, теперь вам предоставляется возможность вернуть Вильяма Браинта и его команду. И я прошу вас не возвращаться на этом катере без дезертиров».

Катер «Александрина» выходит из залива Сидней на рассвете, когда на море большие волны, и минует скалы Хедз в тот же день только пополудни из-за того, что встречный ветер нагонял волны. За следующие три дня он тщательно обыскивает все побережье к северу от Порт-Джексона. С полукота молодой Брэдли осматривает берег в бинокль. На третий день вечером ему кажется, что можно различить след судна, которое вытаскивали на песчаный берег. Он протягивает бинокль Брукмену, но тот, посмотрев вдоль берега, возвращает его лейтенанту и качает головой.

«Это плавник», — говорит он.

Спустя короткое время «Александрина» проходит вдоль места, похожего на устье реки.

«У дезертиров с собой взято мало воды, и здесь они, вероятно, могли бы

наполнить фляги. Брукмен, поворачивай руль. Мы заходим в устье реки». Брэдли протягивает ему бинокль, отдавая приказание.

«Мне вовсе неохота туда идти. Я делаю это скрепя сердце,— говорит шкипер, не глядя в бинокль.— Я знаю это место, здесь перед устьем реки находится большая песчаная отмель. Если вы категорически требуете высадиться тут на берег, надо подождать до утра, так как скоро наступит ночь, а я могу провести катер через песчаную отмель только при полном дневном свете».

Брэдли вынужден смириться с этим аргументом. Брукмен предлагает продолжать обследование вдоль берега, так как, по его мнению, баркас беглецов не мог пройти через песчаную отмель. Вероятно, они вовремя обнаружили ее и последовали к северу к большой бухте, расположенной примерно на 30 миль дальше по курсу. «В том или ином месте, но где-то здесь они вышли на сушу, чтобы набрать воды»,— полагает он.

Капитан Брукмен, которому впоследствии пришлось сопровождать капитана Флиндерса во время экспедиций вдоль побережья Новой Голландии, не знал, что был совершенно прав в своем предположении. «Берег плоского камня», где «ботаники» встретили аборигенов, находится точно в 30 морских милях к северу от залива Порт-Стивенс, и, пока Брэдли и Брукмен соглашались с тем, чтобы ночью плыть на «Александрине» в бухту, «Надежда» еще находится на берегу и «люди плоского камня» танцуют вокруг священного камня.

«Александрина» заходит в бухту на следующий день рано утром, еще до этого Брэдли с солдатами высадился на берег и проводил поиски большую часть дня. В конце концов он обнаружил остатки лагеря беглецов, а аборигены исчезли.

«Александрина» продолжает вести поиски еще восемь дней, но затем катер губернатора поворачивает обратно в залив Сидней, где сконфуженный Брэдли дает отчет губернатору Филлипу.

«Что думаете вы, Брукмен? — спрашивает Филлип шкипера «Александрины». — Могут дезертиры справиться с плаванием в Голландскую Ост-Индию?»

«У них мало шансов добраться до Тимора,— говорит он,— но не забывайте, ваша милость, что у них на борту очень опытный мореплаватель».

«Вы, вероятно, имеете в виду этого бывшего пирата... как его по имени?»

«Вильям Мортон, сэр»,— вмешивается Брэдли.

«И он был определен на сельскохозяйственные работы в Парраматту под вашим надзором,— кисло вато произносит Филлип.— Обе эти истории побегов не принесут пользу вашей карьере, Брэдли. Вы убедитесь в этом и поразмыслите теперь, так как вам скоро предстоит отправиться на остров Норфолк».

Глава 9

Встреча «ботаников» с мощью Тихого океана.— О Джеймсе Куке и его работах по картографированию побережья Восточной Австралии.— Как острова получили свои названия.— Странствующий альбатрос.— Нат Лилли прыгает за борт.— Ссора на баркасе.— Высадка на берег у мыса Хоук.— Течение уносит «Надежду».— Предложение Сэма привести баркас обратно.— Пршлое Сэма Бёрда.— Баркас дал течь и требует ремонта.— Ната поражает стрела аборигена.— Побег ночью.

1

Маленькая лодка снова на обширной глади вод Тихого океана, во власти ветра и волн. Морж полагает, что им надо пройти 800 или 900 морских миль, прежде чем судно сможет двигаться под защитой Большого Барьерного рифа.

В 1791 году Тихий океан был еще почти не изучен, хотя Кук наметил контуры его берегов. Сегодня нам известно, что этот океан вместе с многочисленными архипелагами занимает одну треть поверхности Земли. По представлению географов, он простирается от безмолвных берегов Берингова моря на севере до берегов Восточной Антарктиды на юге, на западе он подходит к многочисленным островам Индонезии и обрушивает огромные, высотой с башню, белоснежные волны на покрытые гуано острова у берегов Перу на востоке.

«Надежда» находится на границе субтропической зоны этого громадного океана, к востоку от мыса Шугарлоф. «Ботаники» в лодке видят его поверхность, но не имеют возможности понять безмолвную борьбу, которая происходит в этом районе. Откуда берется густой пар, время от времени поднимающийся из глубин океана? На тысячи миль перемещаются экваториальные теплые потоки соленых вод, которые, в конце концов сливаясь, образуют течение Куро-Сию, которое в некоторой степени (несмотря на гораздо большие масштабы проявления) напоминает Северо-Атлантическое течение, или Гольфстрим (как известно, Норвегия должна благодарить Мексику за мягкие зимы).

Когда теплое течение Куро-Сию сталкивается с холодными полярными водами, оно приобретает силу, которая превышает сотни таких рек, как Волга и Рейн, вместе взятые. Это, так сказать, самая большая река в самом большом океане Земли. Однако единственный заметный признак этой фантастической борьбы холода и тепла — поднимающийся над океаном густой пар, вызывающий удивление даже у опытного мореплавателя. Случается, что течение Куро-Сию приносит кокосовые орехи, захваченные с Соломоновых островов, к эскимосскому стойбищу, а течение Гумбольдта прибывает остатки примитивного каноэ аборигенов Австралии к берегам Чили.

Южнее тропика Козерога мощность течений уменьшается. Воды океана становятся холодными. Появляются айсберги. Здесь, в царстве морских леопардов и пингвинов, Джеймс Кук надеялся найти большой южный материк, о котором веками мечтали и гадали географы и философы. Вместо этого он обнаружил мозаику островов Тихого океана. Их много тысяч, но преобладающее большин-

ство очень малы, и лишь некоторые заметно поднимаются над поверхностью океана. Самые высокие острова можно увидеть лишь на расстоянии пяти-шести миль с командирского мостика корабля. Недаром первые европейские мореплаватели, побывавшие в этом районе, месяцами плавали, не видя признаков земли.

Насколько велики здесь расстояния, трудно осознать даже в наш реактивный век. Тур Хейердал и его спутники проплыли более 100 суток от берега Перу, прежде чем плот «Кон-Тики» добрался до одного из атоллов в группе Туамоту. Расстояние от Гавайских островов до Таити такое же, как между Копенгагеном и Дакаром в Африке, а еще больше расстояние между Таити и Новой Зеландией, которое таитянские и полинезийские мореплаватели 700 лет назад преодолевали по открытому океану на лодках с выносными уключинами. В западной части этого огромного океана находятся самые большие глубины мира, там гора Эверест стояла бы на дне, не достигая поверхности воды. В Тихом океане возникает самые большие волны — высотой до 32 метров; во время так называемого сезона ураганов волны могут поднять судно вверх на двадцать метров и неожиданно бросить его вниз, как кучу ненужного хлама; подводные вулканические извержения порождают гигантские волны — цунами, которые, прокатившись тысячи километров по океану, могут приобрести высоту четырехэтажного дома.

Фернандо Магеллан, пройдя в штормовую погоду 37 суток по проливу, который впоследствии получил его имя (Магелланов пролив), снова увидел открытое море и дал ему название Тихий океан (Mare Pacificum). Позднее английский мореплаватель Дрейк упомянул, что более подходящим для него было бы название Бешеный океан (Mare Furiusum). Однако еще более правомочно было бы назвать его по имени Джеймса Кука, который во время своих трех экспедиций исследовал большие части его и положил их на карту. У Магеллана была странная судьба: в течение трех месяцев и одной недели он плыл по вновь открытому океану, не видя земли; впервые он высадился на острове Гуам в Марианском архипелаге, который он прозвал Воровским, поскольку тамошние аборигены совершенно открыто пытались украсть все, что у него было.

Здесь путешествовал также Френсис Дрейк; его описывали как «человека, который заставил считать всех реальных и воображаемых пиратов не более чем неуклюжими карманными воришками» и прославился своими невероятными деяниями.

Зато Кук совершал открытия ради колонизации и развития судоходства. Сын бедного поденщика из Йоркшира в снобистской Англии, он смог получить командование одной из самых выдающихся экспедиций, которую направило Королевское общество во славу Англии. Вначале он был батраком в сельской местности, затем стал учеником торговца и побывал в морском путешествии на углевозном судне из Уитби. В возрасте 27 лет он завербовался в военно-морской флот; как способный матрос уже через два года он стал штурманом торгового флота и совершал плавания в Канаду и Ньюфаундленд, не имея офицерской должности. Однако Адмиралтейству пришлось обратить внимание на его выдающийся талант картографа, его основательность и способности к судождению. В возрасте 40 лет он превзошел всех других кандидатов и получил назначение на пост главного начальника планируемой Тихоокеанской экспедиции. Мы не знаем, какова была истинная причина этого выбора, но Аллан Мурхед в книге «Роковое воздействие», вероятно, называет правдоподобную причину доверия, которое оказали Куку влиятельные господа в Лондоне. «Он принимает людей такими, какие они есть, и глубоко интересуется ими. Он обладает основательным любопытством, которое столь необходимо для первооткрывателя — человека, который обязательно хочет не только достичь той или иной указанной цели, но и всегда стремится следовать дальше, рьяно желая увидеть дру-

гой склон следующего холма, человек, для которого безграничность — это завершение».

Возвращаясь из своей первой экспедиции на родину, Кук решил исследовать единственный крупный массив суши, который еще оставался совсем не изученным, не считая полярных областей, а именно восточное побережье Австралии. Никто из европейцев, кроме голландца Тасмана, никогда не видел и не ступал на восточную часть этого материка. Как рассказывалось выше, Кук первый посетил бухту, которую сопровождавшие его ученые Соландер и Бэнкс хотели назвать залив Ботани, в конце мая 1770 года «Индевор» проложил путь примерно между заливом Порт-Стивенс и мысом Шугарлоф, где находится баркас «ботаников». Отсюда до южной оконечности Большого Барьерного рифа в современном представлении около 900 километров по открытому морю. Расстояние от южного островка Барьерного рифа до мыса Йорк около 1600 километров. От мыса Йорк до острова Тимор в Голландской Ост-Индии расстояние еще 1600 километров.

Кук закартографировал контуры этих акваторий и окружающей суши. В ходе этого опасного плавания ему удалось составить навигационную карту, копией которой располагали люди в баркасе. Кук давал названия всему, что он видел: островам, проливам, мысам и горам. За несколько месяцев он распределил более 200 названий и, по-видимому, ни разу не оказывался в затруднительном положении, присваивая названия. Гавайский архипелаг он назвал по имени лорда Сандвича, который ныне, наверное, больше всего известен по кускам хлеба с мясом, которые он очень сильно любил есть, играя в карты. Небольшие горы, острова и реки получали названия по именам судовых офицеров, которые первыми замечали их. Кук был демократом: даже унтер-офицеры могли запечатлеть свои имена на навигационной карте, если им везло. Впрочем, Кук следовал тогдашнему принципу присвоения географических названий, действовавшему еще более полувека после его кончины. Острова Понедельник, Вторник и Среда получили свои названия, поскольку впервые их увидели мореплаватели в соответствующие дни недели. По сходным причинам календарного рода были даны названия островам Пасхи, Троицы и Рождества. В силу ряда случайностей были окрещены острова в Торресовом проливе и к западу от Большого Барьерного рифа. Рассказывают, что судовому коку было дано обещание, что в его честь назовут остров, если он приготовит капитану очень вкусный обед. Кок сильно постарался, и шкипер был так доволен едой, что вызвал в каюту повара. «Как тебя зовут?» — спросил капитан. «Адольф», — ответил кок. «Тогда посмотри из иллюминатора. Видишь красивый остров, который как раз сейчас находится с наветренной стороны от носовой части судна? Я отмечаю в вахтенном журнале, что он назван островом Адольфа, так что ты получил свой остров в знак благодарности за еду». Кок взглянул на гористый, покрытый джунглями остров. «Весьма благодарен, капитан, — пришлось ему сказать, — но вы еще не пробовали десерт». Это блюдо, очевидно, тоже понравилось капитану, потому что он назвал соседний остров Малым Адольфом. Оба острова можно найти на навигационной карте и сегодня.

Почти пять недель «Индевор» плывал вдоль побережья в великолепную погоду. Дельфины резвились вокруг судна, «словно лососи», и странствующий альбатрос, называемый по-латыни *Diomedea exilans*, самая большая и самая сильная из морских птиц, доверительно кружил вокруг судна как отличная цель для ружья Бэнкса. Мыс Байрон был назван в честь дедушки поэта Байрона, капитана одного из английских кораблей и хорошего друга Кука. Магнитный остров получил свое название, потому что повлиял на компас «Индевора». Теперь экспедиция находилась в тропиках, многие тропические острова и коралловые рифы стали появляться по ходу судна, и во время плавания Кук щедро одаривал их именами британских аристократов. Фарватеры в этих водах

были невероятно извилисты, вокруг было рассеяно множество скал, отмелей и рифов, поэтому Кук назвал весь этот район Лабиринтом. Не только многочисленные коралловые рифы представляли большую опасность для «Индевор», разница высот между приливом и отливом там достигала семи метров, и Кук плыл очень осторожно. Тем не менее произошло то, чего он больше всего опасался. 11 июня около 11 часов вечера при лунном свете корабль очень медленно шел под двойным верхним парусом между коралловыми рифами; двое людей на носу непрерывно выполняли лоцманскую службу; вдруг раздался резкий звук с передней части судна, корабль сильно накренился и все находившиеся на борту, кроме лежавших или сидевших в своих каютах, попадали. «Индевор» прочно сел на коралловый риф.

В ближайшие дни с судна пришлось перевезти большую часть груза и с невероятными трудностями отбуксировать к берегу, где построили мол. Судно стали разгружать, чтобы его можно было вытащить на берег. Находясь среди мангровых болот в устье тропической реки, в полной изоляции от внешнего мира, на неисследованном берегу под проливным дождем, потерпевшие крушение вели тягостное существование, подобно Робинзону Крузо, пока не настал день, когда корабль был починен настолько, что можно было продолжать путь в Голландскую Ост-Индию. На месте кораблекрушения теперь находится город Куктаун.

Когда Кук обогнул северный мыс Новой Голландии (Австралии), который был назван мыс Йорк, он высадился на небольшом острове из группы Поссешен, отделенном от материка проливом, получившим название Индевор, водрузил там на берегу британский флаг и торжественно вступил во владение этой землей, названной Новым Южным Уэльсом. В течение нескольких месяцев один человек присоединил к владениям британского короля Новую Зеландию и Австралию — территории, по размерам превышающие всю Европу.

2

По маршруту капитана Кука предстояло проплыть на баркасе восьми мужчинам, женщине и двум детям. Однако невозможно сравнить хорошо оснащенный «Индевор» с опытными морскими офицерами и всеми техническими средствами того времени и маленький баркас. Люди на «Надежде» зависели от дождевой воды или доступа к источникам и рекам, находящимся на их пути, и при отсутствии дождя им приходилось держаться берега, чтобы иметь возможность взять пресную воду там, где реки впадают в океан, или из родников. Обе фляги вмещали вместе восемь галлонов (около 34 литров), и в те дни, когда солнце нещадно палило тела людей, когда им приходилось грести веслами, трудно было расходовать меньше литра воды в день на человека, хотя Вильям, Мэри и их двое детей довольствовались двумя литрами; соответственно запас воды за сутки убывал примерно на 10 литров. Если не было дождя, им приходилось искать свежую питьевую воду через каждые три с половиной дня.

В первые дни после отплытия из бухты «людей плоского камня» «ботаники» часто поражались сильным ливнем. Потоки воды падали так густо, что было невозможно видеть перед собой на расстоянии двух метров. Да, время от времени буквально низвергались хляби небесные, вода быстро набиралась в судне, и ее приходилось интенсивно вычерпывать. Над средней частью баркаса, где раньше находилась примитивная хижина-развалюха, было натянуто полотно и здесь, в каюте, как они называли защищенное пространство под полотном, прикрытое снизу еще куском парусины, располагались Мэри и двое детей. Когда лил дождь, парусину снимали и через дырку в полотне в одну из фляг набирали воду.

В такие ненастные дни облик моря постоянно меняется, и оно удивительно неспокойное. Как правило, ветер дует с юго-востока, что помогает Моржу вести судно вдоль берега, но время от времени происходит движение волн в противоположном направлении. При этом вода перехлестывает через баркас и наполовину наполняет его. Таких «дурных волн» они боятся больше всего. Днем один из мужчин сидит у форштевня и ведет наблюдение, но ночью у них нет никакой возможности узнать, если «дурная волна» поразит форштевень и даже перевернет хлипкое суденышко. Поэтому ночью они нередко предпочитают снимать гарус и предоставить судну двигаться по воле ветра, пока не забрезжит рассвет.

Они еще не прошли мимо мыса Шугарлоф, и впереди предстоит долгий путь до Большого Барьерного рифа. С трудом переносятся холодные влажные ночи. Люди промокли до костей; дети плачут и хнычут, потому что ночью им приходится лежать под открытым небом, без парусинового навеса, под которым можно забыть про опасности, про то, что баркас может перевернуться под внезапным сильным ударом волны. Места так мало, что никто не может вытянуться во весь рост. Настроение подавленное, и Сэм быстро превращается в невыносимого сутягу.

Это именно он однажды утром замечает большого странствующего альбатроса. Никто не заметил, откуда он появился. Он парит за кормой судна на высоте метров двадцати с распростертыми крыльями.

«Я-то знаю, что это означает,— говорит Сэм.— Мы видели много этих дьяволов на пути к заливу Ботани, и каждый раз умирал кто-нибудь из заключенных или из команды. Эта тварь наверху за кормой предупреждает о смерти! Один из нас умрет сегодня. Дайте мне ружье, и я тут же подстрелю это исчадие ада».

Однако Шкипер возражает: «Вероятно, ты не знаешь, что если кто-то подстрелит альбатроса, то судно, с которого стреляли, пойдет ко дну».

«Это невозможно сделать хотя бы потому, что отсырел порох,— говорит Вил, который отвечает за оружие и боеприпасы.— И кроме того, у нас осталось так мало патронов, что было бы безумием тратить их на птицу».

Все находящиеся на баркасе суеверны, даже Кокс и Мартин, которые немного учились в школе, и все знают легенду об утонувшем моряке, превратившемся в альбатроса. Мэри полагает, что эта крупная птица может быть призраком Джозефа Пейджета. Наверное, он и его спутники утонули, и вот теперь он снова приносит несчастье ее маленькому семейству. Она поднимается в полроста — насколько может из-за качки — и грозит большой птице.

«Тебе никто не дал права преследовать нас, Джо! — кричит она.— Убейся вон. Слышишь? Убейся вон!»

Однако альбатрос не дает себя сбить с толку этими угрозами. Время от времени он следует за баркасом, и им кажется, что он постоянно приближается. Они промокли и устали из-за недосыпания, и тут еще появляется призрак Джозефа Пейджета и хочет раздаться с ним. Вдруг, прежде чем они сообразили, в чем дело, Нат Лилли прыгнул за борт.

«Я не могу этого больше вынести,— кричит он.— Дайте мне утонуть».

«На весла,— командует Морж.— Гребите назад и быстро разворачивайте баркас!»

Они проворно идут рядом с Натом. Шкипер и Мартин крепко хватают его и втаскивают на борт. Он лежит, как мокрая тряпка, на дне баркаса и тихо стонет.

«Да вышвырните снова эту обезьяну за борт». Это Сэм пытается с форштевня подобраться к Нату. «Если никто из вас, дураков, не сделает это, то Сэм справится с этим делом».

Джон Батчер отшвыривает его назад с такой силой, что он падает навзничь

и по пути ломает одно из весел. Когда он снова на ногах, у него в руке нож. «Я вспорю тебе брюхо, глупый боров»,— орет он Батчеру, который пытается от него отстраниться, и в результате лодка сильно наклоняется.

«Что же, теперь нам всем тонуть?» — Джеймс Кокс поднимается во весь рост в раскачивающемся баркасе, и в руке у него топор.

Он кричит Сэму: «Я тебя в последний раз предупреждаю, Сэмюэл Бёрд, и хорошенько выслушай. Если после случившегося ты доставишь нам хоть малейшие неприятности, тебе больше не жить среди нас. Мы тебя зарубим этим топором или вышвырнем за борт». Он обращается к остальным: «Все согласны со мной в этом?»

«Брось его сейчас же акулам»,— высказывается Батчер.

«Нет, мы предоставим ему возможность исправиться, но в последний раз. Ты меня понял, Сэмюэл Бёрд?»

Сэм что-то бормочет, так что никто не может расслышать.

«Он не отвечает,— говорит Джеймс,— так что я с вашего позволения разделяюсь с ним сейчас!»

Тогда Сэм в первый раз кивает головой и обещает, что впредь будет сдерживаться. «Но это все же виноват проклятый альбатрос»,— оправдывается он.

«Дай мне нож!»

Он неохотно протягивает нож Джеймсу Коксу.

Нат все еще лежит на дне баркаса и дрожит от холода. Его раздели и завернули в кусок сухого полотна. Вил, Морж (который передал руль Коксу) и Аллен растирают Ната, чтобы немного согреть его. Но это как будто не помогает, с его лица не сходит синева от холода, и его периодически знобит.

«Я кое-что скрывал от вас,— говорит Аллен,— но, может быть, сейчас подошло время открыть тайну».

Он вытаскивает плоскую фляжку из заднего кармана. «Я, собственно, предполагал сохранить это для себя, но, мне кажется, бедный Нат должен выпить несколько глотков».

«Что в ней?»

«Настоящий добрый старый шотландский виски, который я захватил с собой из Англии. Теперь будь послушным мальчиком, Нат, и хлебни побольше. Это тебя немного согреет».

Они поддерживают его голову, и Аллен прижимает горлышко фляги к его губам. «Ну давай посмотрим, теплится ли в тебе еще жизнь?»

Он осторожно вливает несколько капель в горло Ната. Вскоре тот немного оживает и сам чуть отхлебывает из фляжки. Тепло возвращается в его организм. Тихим усталым голосом он шепчет: «Разве мы не повернем назад?»

Вил в ужасе произносит: «Повернуть назад! Ты считаешь, что мы должны плыть обратно в Порт-Джексон? Что мы должны снова стать рабами и оказаться во власти палача? Я свободный человек, я вытерпел семилетний срок, а они хотят сослать меня на остров Норфолк, а тебе, Нат, придется пробыть на торговле еще много лет, если мы вернемся, и, прежде чем они закуют тебя в кандалы, тебе надо будет перенести настолько близкое знакомство с девятихвостой кошкой, что ты, может, и не выживешь. Нет, друг, для тебя, для всех нас есть только один путь, и он ведет прочь от залива Ботани, какие бы опасности нас ни подстерегали впереди».

«Но с альбатросом, преследующим нас, мы не переживем плавание?»

«Вздор и чепуха! Когда мы доберемся до Голландской Ост-Индии, мы получим возможность выбраться на корабле в большой мир, а там много прекрасных мест, где мы можем поселиться».

К Нату возвращается немного энергии, и он спрашивает Аллена: «Старик, как ты думаешь, можно мне еще глоток виски?»

Аллен снова достает из кармана фляжку: «Да, но это в самый последний раз, и ты получишь его при условии, что обещаешь больше не прыгать за борт».

На следующее утро альбатрос снова их сопровождает. Морж и Джеймс Кокс строят планы, что надо сделать, поскольку настроение настолько ухудшилось и силы настолько истощены, что очень скоро возникнет необходимость высадки на сушу. Погода меняется: солнце нещадно палит, ветер значительно стих. Осталось не более двух галлонов питьевой воды. С наветренной стороны показывается гористый полуостров. По мнению Моржа, проводившего измерения с квадрантом, это должен быть мыс Хоук.

«Послушайте меня, друзья,— говорит Морж.— Когда мы обогнем эту гору, мы попытаемся выйти на берег в первом же месте, где похоже, что там имеется пресная вода. Вы должны высматривать, где устье реки, и дать знать, если вы увидите признак костра, так как это значит, что поблизости варавара, и тогда нам придется идти дальше вдоль берега».

В полдень маленькое судно обогнуло мыс, за которым показалась длинная полоса белого песчаного пляжа. Постоянно дует свежий ветер и набегает легкий прибой. Все, кроме детей, всматриваются в берег, и после полудня во второй половине дня они замечают тонкие столбики дыма, поднимающиеся вверх в прозрачном воздухе. С наступлением темноты Морж не отдает приказание убрать парус, как он обычно делает. Они допивают всю оставшуюся воду и проводят еще одну тяжелую ночь. Альбатрос постоянно следует за ними.

Темные ночи остались позади, и в небе светит луна; около полуночи Сэм сообщает, что вроде бы показалось устье реки, однако, может быть, это лишь лунный свет отражается на воде.

За рулем Вил. Ему тоже кажется, что с наветренной стороны можно различить место впадения большой реки. Он осторожно будит Шкипера.

«Морж, ты видишь то же, что Нат, Сэм и я?»

Крупный плотный мужчина долго рассматривает берег. «Я считаю, это река, однако не вполне уверен. Мы изменим курс и зайдем поближе».

Предвкушение скорой высадки немного воодушевляет всех находящихся на борту. «Я хорошо знаю, что у вас осталось немного сил,— говорит Шкипер шести мужчинам, которые сидят у весел,— однако соберитесь с последними: ведь речь идет о том, чтобы благополучно провести судно сквозь прибой».

Они минуют косу и совершенно четко видят широкую реку в лунном освещении. Без особых усилий они гребут, проводят баркас через прибой, через час вытаскивают судно на северный берег и ставят его там, где ручей пробивается через заросли кустарника. Здесь пляж неширок, но зато сухо, уютно и много пресной воды. Они вытаскивают судно на песок и укладываются спать на берегу, не выставив дежурного. Но у Ната еще хватает сил, чтобы перед тем, как свалиться от усталости, сказать товарищам: «Проклятый альбатрос покинул нас. Я надеюсь, теперь все наладится».

Полусонный Вил отвечает: «Конечно, все наладится. Мы свободные люди и никогда больше не окажемся в плену».

3

Вильям ночью просыпается и видит, что судно исчезло. Они, вероятно, долго спали, так как солнце уже значительно поднялось над горизонтом. Усталые, какими они были, когда свалились на песок, они не отшвартовали судно основательно, и, когда начался прилив, вода затянула его в широкое устье реки.

Не требуется слишком богатое воображение, чтобы представить себе положение беглецов на незнакомом берегу без судна, в котором находились квадрант, навигационная карта, компас, все необходимые вещи, а также часть про- дуктов. Без судна — они пропали.

Но где же «Надежда»?

С трудом он разбудил товарищей. Дети начинают сразу хныкать, но еще остается немного еды в платке, который Мэри захватила из деревянного ящика под сидением, и она дает Эмануэлю и Шарлотте поесть. «Ботаники» осматривают широкое устье реки. Но «Надежды» нигде не видно. Течение устремлено из реки в море, и Джеймс Кокс опасается, что баркас уже унесен далеко в море.

Однако Морж так не считает. «Попытайся рассмотреть, что происходит посередине устья,— говорит он.— Видишь там вдали мощный поток. Он, должно быть, образован большой полноводной рекой, текущей из внутренней части страны, и весьма вероятно, что многочисленные древесные стволы и ветки, которые ты замечаешь по всему берегу, были прибиты здесь вместо того, чтобы быть вынесенными в море. Поэтому я предполагаю, что мы найдем судно где-то на берегу дальше в сторону моря. Однако надо поторопиться, так как следующий прилив, вероятно, затащит судно на середину главного течения реки».

Марти, Кокс, Аллен и Сэм отправляются на поиски судна. К счастью, Вил захватил с собой ружье из судового ящика. Он остается с ним при Мэри и детях.

После непродолжительных хлопот, связанных с переходом через завалы ветвей и стволов деревьев, они видят, что берег, изгибается к северу и переходит в цепь высоких утесов, круто обрывающихся к воде. Дальше там пройти невозможно. Перед скалами ряд низких островов образует барьер между рекой и морем; с внутренней стороны эти небольшие островки обрамлены широкими поясами растительности, которую издали можно принять за болотную.

Почти одновременно мужчины замечают судно, которое лежит в таком болоте между скоплениями крупных пористых стволов деревьев, оторванных ветвей и изогнутых корней. На расстоянии 400—500 метров от берега, где они сейчас стоят, судно выглядит так, словно оно медленно, но неуклонно уносится от берега подводным течением. За ближайшие два часа оно, вероятно, уплывет в открытое море и будет навсегда для них потеряно. Надо действовать быстро, если им удастся задержать его прежде, чем его унесет в море. По крайней мере двое мужчин должны пробраться к нему, чтобы вывести его обратно к берегу через болота. Вряд ли возможно доплыть к самому судну, потому что оно занесено на несколько сотен метров в топь, сквозь которую с трудом может пробраться пловец.

«Если бы у нас был хотя бы топор с судна»,— вздыхает Кокс,— мы могли бы срубить дерево и использовать его как примитивный плот, чтобы проникнуть через болото к судну».

«Вы думаете, что древесные стволы в болоте настолько гнилые, что не могут вынести вес человека?» — произносит Сэм Бёрд, и его спутников поражает, что Сутяга, как они его называют, вдруг проявляет такую активность. Он предлагает: «Что, если теперь двое из нас поплывут к плавнику, выберут какой-нибудь ствол и будут толкать его перед собой, двигаясь через болото?»

Кокс кивает головой. «Это неплохая мысль, Сэм,— говорит он.— Но вынесут ли эти древесные стволы тяжесть человека?»

На расстоянии 400—500 метров они пытаются оценить вес ствола, который плавает у внешнего края болота. Может быть, он находится там столько времени, что давно сгнил и потонет, как только человек к нему прицепится. Ведь те стволы, которые не прибило к берегу, обычно движутся в сторону открытого моря с такой же скоростью, что и судно.

Мартин тоже считает, что надо последовать совету Сэма и понадеяться, что стволы могут выдержать. «Один из нас должен поплыть туда и выяснить вес стволов,— говорит он.— Если они гнилые, он должен плыть назад. Если же их можно использовать как плот, он даст нам знать об этом».

«Ему придется проплыть довольно много, Писатель,— говорит Аллен,— и должен сознаться, что сам я не смогу это сделать».

«Старик, дай мне отхлебнуть глоток из фляжки,— говорит Сэм Бёрд,— и я это сделаю».

«Ты обычно отнюдь не рвешься к совместной работе,— бормочет Аллен, но тем не менее достает плоскую фляжку из кармана.— Если ты оседлаешь бревно, это сослужит нам основательную службу».

У Мартина, впрочем, появляются сомнения в том, насколько Сэму удастся справиться со своей задачей. Однако самого Мартина, Батчера И Джеймса Кокса можно отнести к разряду «сухопутных крыс». Поэтому бывшему лондонскому карманному вору предоставляется благоприятная возможность для заплыва. Вильям и трое других мужчин желают ему удачи и успеха, он снимает с себя рубаху и штаны и отплывает от берега. Все знают, что их шанс на выживание теперь зависит от Сэма.

Сэм Бёрд — отнюдь не опытный пловец. Тягости путешествия на баркасе также не способствовали укреплению его организма. Его изнуренное лицо с ключьями растительности сильно опалено солнцем. Впрочем, возможно, немалые испытания в последнюю неделю способствовали мобилизации скрытого запаса сил, которые теперь начинают проявляться. Пока он плывет к мангровому поясу, ему приходит в голову мысль, что пришла пора продемонстрировать, что он такой же хороший человек, как и все остальные. Раньше Сэм Бёрд (его настоящее имя Джон Симс) всегда думал только о себе и своих интересах, и это изолировало его от круга товарищей и превращало в задиру и брызжащего сутягу. Он никогда не знал ничего иного, кроме жестокости. Его мать, вероятно, одна из более 75 000 лондонских проституток, родила его в конюшне. Бросив младенца, она оказалась настолько внимательна, что положила рядом с ним записку, в которой беспомощными каракулями было написано имя мальчика: «Джон Симс». Его поместили в «дом побоев», как обычно называли общинные приюты, где воспитывались такие незаконнорожденные дети. Когда ему исполнилось семь лет, его вместе с пятью сверстниками отправили в угольную шахту в Уэльсе, где приставили толкать вагонетки с углем в узких забоях, где взрослым было трудно пройти. Передвигаясь на всех четырех конечностях, как ездовая собака, он тянул тяжелую вагонетку, тогда как другой малыш из детского дома толкал сзади. Как ездовая собака! Но ведь ездовая собака трудится на свежем воздухе, а Джон работал как каторжный в чаду угольной пыли и еще перед тем, как ему исполнилось десять лет, приобрел кашель, который мешал ему дышать.

Он понял, что надо бежать из забоев шахты, если хочешь выжить. Он сбежал и прибыл в Лондон. Но там не нашлось честной работы для щуплого десятилетнего мальчишки, который никогда не учился в школе и был одет в тряпье и лохмотья. Он быстро попал в лапы шайки, занимавшейся карманным воровством, и спустя год его считали ловким воришкой, который мог незаметно вырезать кошелек из кармана богатого джентльмена.

Джон особенно часто работал по трактирам и кабакам, помогая захмелевшим посетителям взобраться на лошадь и принять рюмку на прощанье. Но через два дня после того, как ему исполнилось восемнадцать лет, он попал в беду. Джентльмен, усевшись на лошадь, оказался не настолько пьян, как казалось по его внешнему виду. Тогда Джон еще не был достаточно хитер. Во всяком случае, его схватили и присудили к смертной казни, а затем помиловали и обрекли на семь лет каторжных работ в Ботани-Бее. Его доставили на одно из ужасных тюремных судов, где все презирали молодого карманного вора или помыкали им. Он прибыл в залив Сидней с первой флотилией и был отправлен на сельскохозяйственные работы в Парраматту. Случайно он услышал о готовящемся побеге, хотя никто из компании Вильяма Брайента не хотел брать

с собой Сэма. Однако, как рассказывалось выше, он появился в самый момент отплытия «Надежды», и пришлось взять его на борт. Проплыв половину пути между островами и материком, Сэм заметил, что течение подхватывает его и быстро уносит от берега. Оно несет его прямо к болоту, где плавают стволы деревьев. Он выбирает бревно, которое еще не проникло в топь, но оно крутится, и одна ветка ударяет его в лоб, так что на какой-то момент его голова оказывается под водой. Там находится еще больше плавника. Сэм проплывает еще немного и оказывается в мутной воде с длинными подводными корнями от мангровых деревьев и острыми побегам тростника. Он не знает, что делать, но понимает, что у него не хватит сил, чтобы плыть против течения назад к товарищам. Необходимо, несмотря ни на что, справиться. Менее чем в пяти-шести метрах от него проплывает еще пара стволов. Его тело словно налито свинцом, но он заставляет себя еще немного проплыть в мутной вонючей воде и добирается до ближайшего ствола, который обхватывает обеими руками.

Ствол держит! Дерево еще настолько свежее, что не погружается на дно, даже когда он, хорошенько отдохнув, плывет к его концу и оттуда толкает его дальше через болото к судну. Выдержит ли оно еще одного человека? Сэм пытается опустить его в воду, но это оказывается невозможно. Значит, оно достаточно крепкое и выдержит двоих. Он приподнимается в воде, насколько может, и машет рукой трем мужчинам на берегу

«Плыви сюда! — кричит он. — Бревно выдержит».

Через полчаса Мартин плавает рядом с ним, и вместе они пытаются провести бревно через болото к судну, которое находится несколько дальше между островами, где течение сильнее. Вряд ли пройдет много времени, пока судно выплывет из болота и с большой скоростью унесется в море. Теперь все зависит от того, насколько быстро они протолкнут бревно между мангровыми корнями и другим плавником. Оба они выбиваются из сил. Оказывается, ствол имеет несколько изогнутую форму с остатками ветвей во многих местах и из-за этого часто зацепляется в корнях мангров. Но вот наконец они находятся менее чем в ста метрах от судна и вдруг замечают, что течение подхватывает бревно.

«Ты можешь проплыть последний участок пути, не прицепляясь к бревну? — кричит Сэм. — Иначе, как мне кажется, нам не добраться до судна, так как нас уносит в море».

Тяжело дыша, Мартин отвечает, что, наверное, у него хватит сил.

Оба они соскальзывают с бревна и плывут к судну, далеко выбрасывая руки. Мартин достигает судна первым, но он слишком устал, чтобы сразу забраться на борт. Он протягивает руку и подхватывает Сэма. Когда судно уносится из болота и быстро устремляется в открытое море, двое мужчин все еще держатся за борта. Но мало-помалу они снова набираются сил, и им дается взобраться на борт.

Дно баркаса залито водой, она промочила большую часть имущества, включая и навигационную карту, которую Шкипер обычно хранил свернутой в платке. Теперь, побывав в воде, она стала еще менее различимой, чем раньше. Может быть, судно очень сильно накренилось в болоте и его залила вода, хлынув через борт. Но не исключено, что образовалась течь. Значит, его надо вытащить на сушу, заделать пробоину и задрать швы, чтобы можно было продолжить плавание.

Сэм и Вильям вычерпывают основную массу воды. Плавание продолжается, и они без труда входят в широкую бухту. На берегу их ожидают остальные «ботаники». Раздается ликующий крик радости, когда судно подходит к берегу.

«Я могу наверняка сказать вам одно, — говорит Джеймс Кокс, прочно привязывая канат к дереву, — без помощи Сэма мы не поймали бы судно. Это его заслуга, что мы можем продолжать наш путь».

Однако плавание не может возобновиться, поскольку оказывается, что «Надежда» дала течь в четырех местах рядом с килем. Может быть, судно сталкивалось с плавником на пути через болото в открытое море, может, острые камни пробили дыры, когда они раньше вытаскивали его на берег. Прежде чем снова выйти в море, надо вытащить баркас на сушу и заделать пробоины.

Место для ремонта находят Джеймс Кокс и Морж в нескольких сотнях метров от первой стоянки в бухте, где берег шире и не такой крутой. Все вещи и инструменты перетаскивают на сушу. Там устраивают палатку, где помещают детей. У лагеря оставляют дежурного, которого сменяют каждые четыре часа. Двое мужчин отправляются на охоту за чем-нибудь съестным, тогда как другие занимаются задреванием дыр в корпусе баркаса смолой и воском, поверх этого слоя прибавляют небольшие куски парусины и сверху снова кусок дерева. Питьевую воду приходится приносить из небольшого ручья в том месте, где беглецы пытались переночевать в первую ночь. Здесь, к сожалению, нет ничего съестного, кроме побегов пальм, которые Мэри отваривает в пресной воде и подает вместе с последними остатками риса, взятого с собой. Раздается и последний кусок сала. Все наедаются до отвала на этой лагерной стоянке, и, кроме листьев сарсапариллы, больше не остается никаких продуктов²³.

Около полуночи Нат Лилли заступает на дежурство. Вдруг он издает громкий крик, и все просыпаются. Из темноты на него движутся аборигены, и прежде чем он успевает приложить мушкет к щеке, копьё вонзается в его левое плечо. С криком он падает на землю.

Кокс и Сэм быстро подбегают к нему. Сэм хватается за ружье и стреляет в нападающих, но Джеймс кричит, что надо стаскивать баркас в воду, погрузив на него все пожитки.

Тем временем двое мужчин пытаются держать нападающих на расстоянии. Но вдоль берега к костру подходят другие аборигены. Аллен схватил топор, чтобы защитить Мэри и обоих детей, которые ожидают, пока судно спустят в воду.

Ружейный выстрел вызвал небольшую заминку среди аборигенов, но через несколько минут «ботаники» снова слышат пронзительные звуки трещоток и понимают, что нападение очень скоро возобновится. Внезапно Мартина осеняет мысль. Из ружейной сумки он достает два фунтика с порохом и бежит с ними к костру. «Все прочь от огня!» — кричит он и швыряет порох на угли. Раздается оглушительный взрыв, сопровождаемый высоким столбом пламени.

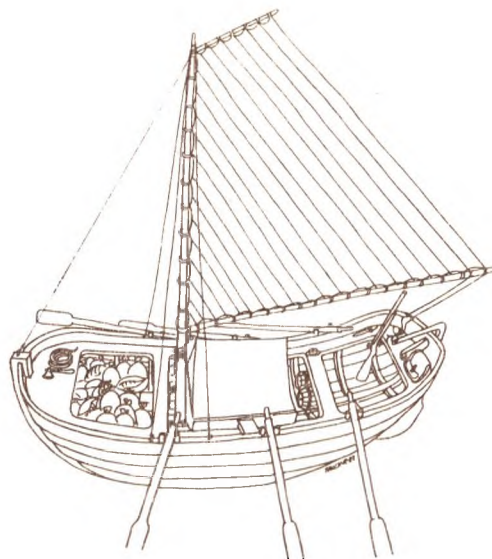
Аборигенов как ветром сдуло. Беглецы использовали этот шанс. Все собрались на борту, взобравшись через поручни как попало. Шесть мужчин гребут веслами в темноту ночи, удаляясь от бухты Репарейшн. При первых лучах утреннего света они снова выходят в море.

Примечание

²³ В своем «Меморандуме» Джеймс Мартин упоминает о капустных деревьях, причем «капуста» употреблялась в пищу «ботаниками». Теперь сложилось единодушное мнение, что под «капустой» подразумевали побеги пальм, которые 200 лет назад не были известны как продукт питания в западном мире. Зато нет согласия по поводу положения бухты Репарейшн. Принимая во внимание сведения о том, что страна была населена враждебно настроенными аборигенами, обычно высказывают мнение, что беглецы, обогнув мыс Смоки (на карте Кука он назван мыс Смоуки), проплыли к реке Мак-Лей и там нашли ручей с пресной водой. Чуть дальше расположена бухта, где проводилась починка баркаса. В этой местности еще 20 лет назад жило племя аборигенов, враждебно воспринимавших любое проникновение на их территорию.

Глава 10

Ната оперируют на борту «Надежды». — Три недели в море вдали от берега. — Британские матросы и офицеры. — Некоторые сведения о пиратском прошлом Моржа. — Продукты и питьевая вода на исходе. — Акула следует за судном. — Тропический дождь. — Сырая рыба — единственная пища. — Тяжелая работа гребцов под палящим солнцем. — По левому борту Большой Барьерный риф. — Трудные поиски прохода в рифе. — Высадка на острове Черепахи.

1

Вот они снова в море, но на этот раз один из них ранен. С большим трудом они перенесли Ната Лилли через перила и уложили на дне баркаса. Он потерял много крови, но не терял сознания. Наконечник копья, сделанный из острого бамбука, проник почти на десять сантиметров в плечо.

Джеймс Кокс пытается начисто промыть рану пресной водой, чтобы выяснить, были ли крючки на наконечнике, но это оказалось невозможно из-за обильного кровотечения.

«Что нам теперь делать? — спрашивает он Шкипера. — Если там крючок, надо попробовать разрезать рану, чтобы его вытащить. Я не думаю, что копье брошено с такой силой, что его наконечник прошел через все тело и попал в спину под лопаткой. Сейчас мы все увидим...»

Морж уступает руль Аллену, склоняется над Натом и вытаскивает обломок копья из раны. Нат громко вопит от боли.

«У меня осталось немного виски во фляжке, — кричит Аллен с рулевого места. — Ему нужно забыться».

«Если выпить немножко, — говорит Морж, — когда мы начнем удалять наконечник».

Он вытирает вытекающую кровь платком, Нат кричит и дергается изо всех сил. Морж пытается рассмотреть открытую рану. «Насколько я вижу, там нет никакого крючка, — говорит он, похлопывая Ната по щеке. — Мы должны вытащить это острие, дружище, иначе ты умрешь. Это, конечно, дьявольски больно, но надо вытерпеть. Поэтому давайте начнем сразу же».

Он достает карманный нож и вытирает его тем же платком, которым обтирал кровь. Он говорит Аллену: «Осталось ли виски в твоей фляжке, чтобы Нат мог отхлебнуть несколько приличных глотков, и, кроме того, надо оставить полный бокал, который мы выльем на рану?»

«Вылить виски на рану! — Аллен слушает, совершенно обомлев от такого предложения. — Ведь это очень дорогие капли для подобного дела...»

«Не болтай чепуху, Старик. Это делается затем, чтобы в рану не попала зараза. Так мы поступали в Вест-Индии. И так мы сделаем здесь».

«Дай фляжку, Аллен, — кричит Джеймс Кокс. — Теперь надо действовать быстро».

Нат издает совершенно ужасные стоны.

«Лучше бы вы выбросили меня тогда за борт»,— причитает он.

«Вздор и чепуха, парень,— говорит Морж и прикладывает флажку к его губам.— Приподнимись чуть-чуть и отхлебни малость. Это остаток виски, которое ты, может, теперь пьешь за много-много месяцев вперед».

Немного погодя он зовет Сэма и Вильяма Мортонa, которые прилаживали большой шкот. «Подержите его снизу, пока я буду извлекать острие».

Безоблачная лунная ночь. При блеклом фосфоресцирующем свете все ясно видно. Шкипер расставляет пальцы левой руки так широко, как может, и вводит их в кровоточащую рану, двигая большим пальцем вправо и остальными пальцами влево в поисках наконечника. Правой рукой он освобождает острие копья и затем вытаскивает его быстрым сильным рывком. Он стоит с наконечником в руке, а из раны струится кровь. Он быстро выливает маленький бокал виски на рану и накладывает повязку из рубахи, возможно плотнее прижимая ее к телу. Пациента, потерявшего сознание от боли, закатывают в брезент и укладывают под парусом посередине баркаса.

2

Беглецам выпало перенести три ужасные недели, и трудно понять, как они смогли пережить эти дни.

Всю первую ночь, когда Нат постоянно лежал без сознания, судно двигалось вперед при слабом юго-западном бризе, и при лунном свете они могли держаться близко к берегу, но на следующую ночь ветер переменялся и стал дуть с северо-запада. Когда наступило утро, они оказались далеко в море, и земли не было видно на горизонте. Сперва они пытаются курсировать против ветра, но волны вскоре становятся настолько высокими, что им приходится спустить парус и предоставить суденышку лишь возможность держаться на волнах. Сначала дует свежий ветер и к полудню переходит в шторм, достигающий бешеной силы. Он ревет над водной поверхностью, нагоняет волны и обдирает их вздыбленные гребни, превращая в кружащиеся лохмотья. Горизонт сужается и расширяется вновь, опускается и поднимается, находясь в вечном поступательном движении, но большую часть времени кругозор ограничен гребнями волн, которые вздымаются в воздух, словно скалистые вершины. Время от времени гигантские волны подбрасывают «Надежду» в воздух, и маленькое суденышко уподобляется вставшей на дыбы лошади, которая пытается преодолеть слишком высокий барьер. Есть что-то почти мистическое в способности океана нагромождать эти стены воды и с вершин с разлетающейся вокруг пеной прыгать в пустой воздух. Упорно раскачиваясь, через гребень волны вода скользит в стремительном падении вниз по длинному склону и, кивая и оседая, прибивается у подножия следующего зарождающегося вала.

Время от времени судно боком взбирается на громадину волны, которая за несколько секунд отбрасывает его в сторону и наполовину наполняет водой. Тогда приходится быстро вычерпывать воду, чтобы спасти жизнь: большая часть воды должна быть вылита за борт перед тем, как начнется очередной накат. Ветер поднимает дыбом волосы на головах людей, и вокруг плывет пелена пенных брызг. Каждый гребень волн — как вершина холма, с которой рулевой на короткий миг оглядывает огромную поверхность океана, сверкающую и принаряженную штормом. Исключительно красивое зрелище — наблюдать за этой безудержной игрой океана днем с бликами света на изумрудно-зеленом, белом и темно-золотистом фоне, а ночью на фоне серебристого блеклого лунного освещения. Впрочем, нельзя даже в мыслях допустить, что человек, стоящий у руля и борющийся за жизнь, испытывает ощущения такого рода.

Морж круглые сутки не отходит от руля. Ему приходится следить, чтобы судно, движущееся без парусов и весел, не наполнялось водой и не кренилось.

Он человек с неистощимыми силами, и то, что беглецы выжили в эти дни и недели,— исключительно его заслуга. Люди, похожие на него, составляют костяк флота Великобритании. Большинство рядовых моряков не очень плохие люди. Они подавлены деспотической обстановкой на судах и выполняют там непосильную работу; вся система, построенная на немедленном беспрекословном повиновении, с одной стороны, и на отрывистых приказах — с другой, использующая порку как одно из обычных устрашающих наказаний, превращает людей в тупых боязливых рабов, которые стремятся использовать любую возможность, чтобы сбежать.

Такая политика создала офицерский корпус из высокомерных джентльменов, к которым можно обращаться лишь со словами «Да, сэр», если люди из кубриков не желают иметь неприятности. Впрочем, между матросами и офицерами есть еще промежуточный слой — младшие офицеры, которые нанимаются во флот добровольно и составляют стержень этой огромной военной машины. Некоторые из них, возможно самые лучшие, с трудом подчиняются одуряющей сознание дисциплине, они убегают с военных кораблей и либо идут в торговый флот, либо находят себе место во многих других замечательных местах. Такой человек, как Вильям Мортон (это настоящее имя Моржа или, вернее, одно из них, так как он известен и как Томас Матон), вполне мог бы стать предводителем канибалов на островах Фиджи или торговцем у кровожадных маори в Новой Зеландии. Вместе со своими товарищами он захватил маленький остров Тристан-да-Кунья на юге Атлантического океана и послал судно за готтентотскими женщинами в Южную Африку, чтобы они скрасили существование и позаботились о потомстве. Старик Адамс на острове Питкэрн, единственный из мятежников, оставшийся в живых, когда остров был повторно открыт спустя 20 лет после восстания на «Баунти», был такого же типа, как Морж. Еще один пример — шотландский моряк Александр Селкирк, который после ссоры с капитаном был высажен на необитаемый остров Хуан-Фернандес (Масатьерра) к западу от берегов Чили. Там он прожил в полном одиночестве (если не считать общество Пятницы) четыре года и четыре месяца, пока не был взят на борт проходившего мимо корабля. Селкирк рассказал свою историю Даниэлю Дефо, который на этой основе написал «Робинзона Крузо».

Морж дезертировал с английского фрегата, который на пути к полям сражений в Америке был вынужден зайти на Ямайку в Вест-Индии, чтобы произвести небольшой ремонт. В одной из многочисленных пивных Кингстона он встретил приятеля, с которым вместе несколько лет плывал на углевозном судне в Северном море. Приятель был букканером, такое обозначение своей профессии он нарочито противопоставлял более известному названию «пират, или морской разбойник». В первой половине восемнадцатого столетия пиратство пришло в сильный упадок, но как раз в те же годы, когда североамериканские колонии отделились от Англии и потому нуждались в оружии и ряде других товаров, которые ранее поступали из метрополии, было очень нетрудно захватывать плохо охранявшиеся суда из Вест-Индии, которые пытались сбыть свои товары в города на берегах Пенсильвании и Новой Георгии.

У приятеля были затруднения. Штурман его судна, которое через два дня должно было выйти в море, был убит в драке в одном из портовых кабаков. Может, Вильям ради старой дружбы подумает, не занять ли его место?

Таким образом Морж стал пиратом. И такая жизнь ему пришлось вполне по душе. Он не зарабатывал много денег, так как быстро страдал их. Но это была свободная жизнь, которая казалась еще более свободной после службы на британском военном корабле. Через три года их судно было захвачено одним из кораблей его величества, и вся команда была приговорена к повешению на реях. Однако Вильяму Мортону (именно тогда он сменил свое имя на Томас Матон) удалось убедить офицера, ведшего судебный процесс,

в том, что его заставили находиться на борту пиратского судна. Кроме того, на английском корабле была нехватка людей. В результате предварительного разбирательства Вильям избежал смертной казни, однако позднее его приговорили к ссылке на каторжные работы.

Целых трое суток Морж находится у руля, и это были самые страшные времена, которые им довелось пережить в пути. В четверг утром шторм немного утихнул, но ветер постоянно дул с северо-запада, и они не могли ни грести, ни ставить паруса. Шкипер пытается с помощью квадранта хоть как-нибудь определить положение судна, однако это не удается. Их постоянно относит все дальше в открытое море. Но этот день, четверг, запоминается, впрочем, тем, что Нат приходит в сознание. Он, конечно, очень слаб, но в течение суток приходит в себя. Поняв, где он находится, он начинает плакать. От его громких всхлипываний двое маленьких детей, которые только было успокоились, снова пробуждаются и начинают испуганно кричать. По мнению Шкипера, еще слишком рано снимать повязку, чтобы осмотреть рану Ната.

В пятницу последние запасы продуктов подходят к концу. Но еще остается два галлона пресной воды. Можно использовать листья сарсапариллы: брошенные в воду, они придают ей вкус «сладкого чая». Нат получает большую порцию, поскольку его состояние опять значительно ухудшается: его сильно знобит. Маленькому Эмануэлю тоже очень плохо. Он дрожит от озноба или от холода, и его постоянно тошнит. Мэри пытается немного согреть его, прижимая к своему телу под брезентом.

В субботу утром ветер стихает, волны больше не вздымаются, пенясь и ревя, и уже после полудня вода приобретает маслянисто-блестящий оттенок. Все еще не видно никакой земли, и беглецы настолько слабы, что никто из них не может взяться за весла. Морж передает рулевое управление Вилу и укладывается спать на циновку, промокший и озябший. Через несколько минут он начинает громко храпеть.

Теперь можно немного развлечься, находясь у руля. Вил забрасывает веревку за борт и незадолго перед тем, как стемнело, на крючок попадает крупная рыба. Однако, когда он с помощью Сэма и Батчера с большим трудом вытаскивает веревку, выясняется, что рыба настолько велика, что им совершенно невозможно втащить ее на борт и к тому же для нее не найдется места на суденышке.

Ночью все они забываются в глубоком сне, даже дети на удивление спокойны. Мэри кажется, что это оттого, что близок конец. Они допивают последние капли воды с листьями сарсапариллы.

Морж снова у руля. Он чувствует себя безмерно одиноким в океане, словно не видит и не ощущает своих товарищей. Ему до этого довелось много пережить. Когда слабые звуки ветра доносятся сквозь ленивый рокот зыби, в его душу закрадывается грустное меланхолическое чувство. Но вот слышится долгий шепот за кормой судна, и фосфоресцирующий след тянется, как голубой огонек, над черной ночной водой. Кажется, в ней остается рисунок, сделанный гигантским ножом.

Шкипер сжимает руль и вглядывается в тьму, где огонек танцует над водой. Большой сильный моряк боится, так как, подобно всем другим морякам того времени, он суеверен. Конечно, ему самому не доводилось видеть «Летучего голландца», но он уверен, что тот, кто первый заметит этот корабль-призрак, неминуемо погибнет. К счастью, ему не приходилось наблюдать и морских лошадей, танцующих на волнах, потому что это знак, предупреждающий, что на борту судна таится смерть в виде страшной болезни. Зато он часто видел акул, следующих за кораблем, на котором он находился, и каждый раз — в этом он совершенно уверен — один из членов команды сходил с ума или впадал в легкое помешательство.

И вот он снова сейчас слышит тот же шёпот. Голубоватый свет опять появляется в воде, на этот раз совсем рядом с судном, почти в пределах досягаемости весла. Он видит, как в проблеске молнии огромный плавник как тень промелькнул в воде, выбросив кристаллически блестящую пену в воздух, одновременно оставляя за собой длинный светящийся след.

У него возникает желание швырнуть что-нибудь в акулу, но ведь нельзя отойти от руля. И от этого пришельца наверняка им нельзя отделаться. Зловещее существо, по-видимому, не намеревается удалиться от баркаса. Перед самым носом или за кормой, у правого или у левого борта, с короткими или длинными промежутками огромная акула выныривает, оставляя светящийся след, словно хочет поиграть в салочки с бликами лунного света. Ее скорость и сила вызывают удивление. Она прорезается сквозь волны, словно гигантский и все пронизывающий снаряд. И ни на минуту не останавливается. Небо и море принимают серые тона рассвета, и наступает утро во всей красе с лучезарным голубым небом и солнечным светом, полыхающим в гребне каждой волны, а акула продолжает сопровождать судно.

Моржу и не надо ничего говорить товарищам. Он лишь показывает на акулу.

Чувство страха охватывает их, и Сэм высказывается за всех:

«Давайте уьем ее. Я понимаю, нам придется всем издохнуть, но по крайней мере приятно будет знать, что этот дьявол погибнет раньше нас».

Никто не комментирует слова Сэма, но Вильям берет ружье, засыпает порох и дробь в ствол и прицеливается в самую заднюю уключину весла. «Крепко держите меня, чтобы я не промахнулся», — говорит он.

Но они слабые и дрожат от холода, а их лица сильно обгорели под немилосердными лучами солнца, даже Вил с трудом удерживает мушкет. Чем прочнее он пытается его установить, тем сильнее трясутся его руки. Он нажимает на курок.

Никакого эффекта. Порох отсырел и не воспламеняется. Может, также что-нибудь не в порядке с затвором.

Кокс, балансируя, направляется к нему. Его глаза горят зловещим блеском. «Видит бог, — кричит он, — клянусь вам! Акула должна умереть, даже если для этого потребуется весь остаток пороха!»

Другие одобрительно поддакивают. Решение убить акулу и вместе с ней покарать их злую судьбу захватывает их так основательно, что вызывает прилив инициативы в их притупившееся сознание и изнуренные тела. В их глазах светится ненависть к животному, которое они в этот момент, вероятно, считают виновником их несчастий. Оно воплощает в себе все злключения, пережитые ими на каторге в Сиднее, во время перевозки на судах через океаны и пребывания на прогнивших тюремных судах в Англии, в ужасных тюрьмах, в безжалостных судах, где правосудие вершится господствующим классом.

Вильям Брайент почти лихорадочно прочищает затвор и раскладывает порох в укромном месте для сушки. Один час медленно сменяется другим, акула непрерывно продолжает свою игру, прорезая воду, не внемля проклятиям, которые бросают ей вслед люди на баркасе. И вот наконец порох становится настолько сухим, что они решаются снова выстрелить. На этот раз задание получает Сэм. Он долго целится, и раздается громкий выстрел.

Вначале не видно никаких перемен, но вот появляется кровавая полоса позади акулы, она начинает двигаться неравномерно и, наконец, вовсе исчезает из поля зрения. Люди на баркасе испускают радостный крик.

3

Убийство акулы произвело на них удивительное воздействие. Это событие отодвинуло окончательную катастрофу на расстояние, и люди частично вновь

обрели силы. Однако впереди постоянно возникают новые трудности. Вечером восьмого дня после того, как они покинули остров Репарейшн, надвигается гроза, и они опасаются очередного шторма. Над океаном хлещет ливень. Он, словно железный занавес, заслоняет южную сторону горизонта и надвигается ветром прямо на них. Ни у кого из беглецов нет сил, чтобы натянуть парусину для сбора дождевой воды, однако Мэри все же удается вымыть одну из флаг, и ее в открытом виде ставят посреди судна для сбора питьевой воды. Теперь они знают, что им хотя бы не придется страдать от жажды.

Ветер постоянно дует с суши, но сила его не очень велика. В период с восьмого до пятнадцатого дня течение постоянно несет их дальше в могучий океан, и вот они попадают в поток, где кишит рыба — хоть каждый день забрасывай веревку с крючком столько раз, сколько можешь. Поскольку у них нет топлива и нельзя сварить рыбу, ее приходится есть в сыром виде. Это происходит таким образом: Вил режет рыбу на куски, повернувшись спиной к товарищам, затем поднимает кусок так, чтобы его не было видно, и спрашивает: «Кому достанется этот кусок?» Они называют чье-нибудь имя, тем самым пытаясь поделить улов возможно более справедливо.

Как-то раз утром в безветренную погоду Морж берет слово: «Я хочу сейчас серьезно поговорить с вами, и, надеюсь, вы поймете всю важность моего предложения. Мы не поднимаем паруса из-за полного отсутствия ветра, но даже если бы он и был, то дул бы с северо-запада. Если мы не будем этого делать, то рано или поздно погибнем в океане».

«Где нам набраться сил, чтобы грести?» — спрашивает Батчер.

«На твой вопрос, друг, я не стану отвечать, но если мы не будем грести сейчас, наевшись рыбы, утолив голод и имея достаточный запас питьевой воды, то вряд ли нам потом представится такая возможность».

«С помощью квадранта выясняется, что мы находимся на расстоянии около пятидесяти морских миль от островов Кеппел. Кук отмечает, что вдоль берега, вероятно, простирается большой риф длиной много сотен миль. Если мы выберем на внутреннюю сторону этого рифа, то окажемся в спокойных водах».

«Каким образом мы пройдем через этот риф?»

«Этого я сейчас не знаю».

Морж, Вил, Сэм, Батчер, Старик и Мартин первыми садятся грести. Нат теперь настолько пришел в себя, что может сидеть у руля. Каждые полчаса один из гребцов сменяется: Кокс сменяет, например, Вила, который получает передышку на 30 минут. С обгорелыми лицами и согнутыми спинами, они выполняют свою работу механически, поднимая и опуская весла, словно налитые свинцом. Они гребут и гребут, утро сменяется днем, а день переходит в вечер, блеклая звезда показывается чуть выше горизонта, шафраново-желтые полосы на западе вытесняются всепоглощающей тьмой. На востоке расстилается черное море.

«Перестаньте грести!» — внезапно кричит Морж.

Гребцы испуганно смотрят на него, сидящего у самого заднего весла. Не помешался ли этот мужик?

Но Морж дает объяснение, более приятное, чем когда-нибудь.

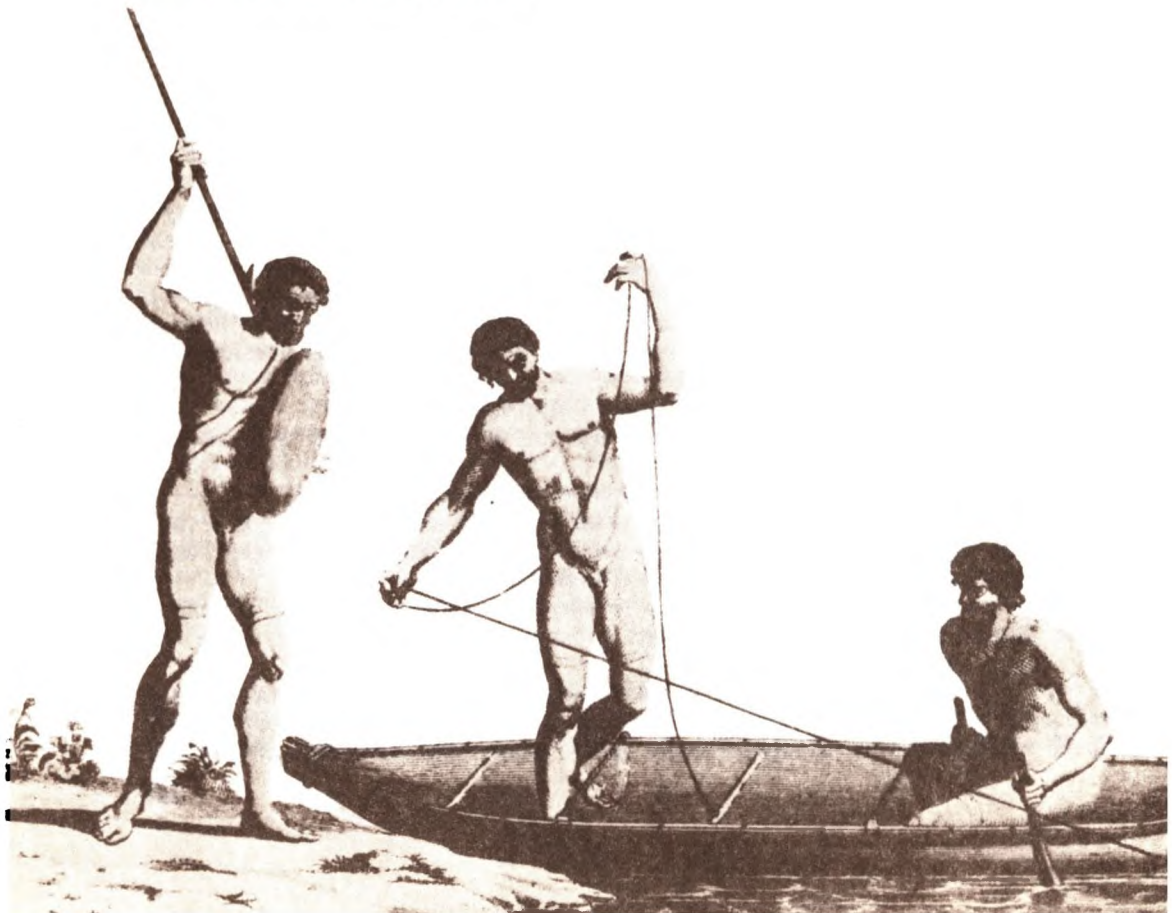
«Ветер собирается переменить направление, и он поднимается». Морж встает, чтобы выяснить, куда подует ветер. Он в этом деле опытен, и очень скоро всем на борту «Надежды» ситуация становится понятной.

Ветер снова дует с юго-востока. Он немного холодный, но что поделать. Беглецы поднимают парус, и не проходит и часу, как ветер надувает его и маленькое судно несется к северо-западу.

Четыре долгих дня они вполне наслаждаются участием благодатного юго-восточного ветра. С каждым днем вода и ветер становятся все теплее. Они почти достигли тропиков. На четвертый день рано утром они замечают несколько

В конце XVIII века аборигены Австралии занимались охотой, ловом рыбы и сбором растений. Они кочевали с места на место в поисках промысловой дичи или съедобных растений и строили временные жилища типа шалашей и навесов, обеспечивавших защиту от ветра. Аборигены не знали частной собственности и отличались редкостным миролюбием. Создание европейских поселений сопровождалось варварским истреблением коренных жителей и оттеснением их в наиболее засушливые территории. По ориентировочным оценкам, в конце XVIII века в Австралии проживало около 300 тыс. аборигенов, тогда как сейчас их осталось около 160 тыс., или 1% населения страны. В языковом и расовом отношении они составляют совершенно особую группу населения земного шара. Лексика австралийских аборигенов довольно богата, но преимущественно словами, выражающими конкретные свойства предметов. В дополнение к звуковой речи развита особая форма сигналов — язык жестов. Несмотря на свою примитивность, материальная культура австралийцев рассматривается как пример хорошей адаптации человека к условиям окружающей среды.

Слева сверху — Причудливая раскраска головы аборигена с острова Лорд-Хау.

Слева внизу — Аборигены из района залива Ботани.

Справа сверху — Сцена ритуального обряда австралийских аборигенов.

При достижении совершеннолетия мальчику выбивают несколько передних зубов.

Справа внизу — Хижина аборигенов в Новом Южном Уэльсе.

крупных неуклюжих птиц, чем-то похожих на чаек. Часто они подлетают близко и пристально смотрят на людей черными жемчужными глазами. Их пристальные неотступные взгляды производят жуткое, устрашающее впечатление. Мужчины поспешно бегут от них и кричат, чтобы они убирались прочь. Но они зря сердятся на птиц, потому что их появление свидетельствует о том, что близости должна быть земля.

Здесь вечером четвертого дня Джеймс Кокс улавливает звук, который им раньше не приходилось слышать. Вскоре все остальные тоже его слышат, кроме Аллена, который туговат на ухо. Звук напоминает отдаленную пушечную канонаду, периодически перемежающуюся с мощными взрывами, которые подобны непрерывному раскатистому грохоту. Они вглядываются на запад, но там ничего нельзя разглядеть. И они ощущают беспокойство, так как становится темно.

«Это может быть большой риф, который Кук обозначил на карте»,— говорит Морж и поручает двум мужчинам разложить перед ним карту или, вернее, ее остатки. Это не что иное, как обрывки прочной бумаги, и во многих местах изображение, сделанное капитаном Детмером Смитом, стерлось. Они могут различить острова Нортумберленд, Камберленд, Хелберн и многие другие острова и проливы, но карта не содержит ясных указаний на положение рифа за пределами многих островов.

«Может быть, голландец не нанес риф на нашу карту»,— высказывает предположение Джеймс Кокс.

«Почему он не захотел это сделать?»

«Может, он считал, что мы все время будем следовать вдоль берега, и не представлял себе, что ветры противоположных румбов отнесут нас так далеко в океан?»

Это вероятно, но вряд ли могут быть сомнения в том, что грохочущий звук там в ветровой тени производят волны, разбивающиеся у рифа или у берега.

Нат, который теперь настолько поправился, что может сидеть и принимать участие в разговоре, замечает, что это, должно быть, очень сильный прибой или очень крутой риф, так как звук можно услышать на гораздо большем расстоянии, чем можно увидеть риф. Эта мысль вызывает у них беспокойство, и, хотя сейчас дует легкий попутный ветер и в безоблачном небе светит луна, Морж все же отдает распоряжение убрать парус и ждать, чтобы плыть дальше, когда наступит утренний зоря.

Это бесконечно долгая и трудная ночь, так как все они теперь одержимы лишь одной мыслью — обрести под ногами твердую землю и спать, спать, спать. Даже появление вокруг них тысячи варавара, кажется, в этот момент имело бы меньшее значение. Беглецы теперь в тропиках, и утренний свет прорезается внезапно. Через пару минут после того, как ночь ушла прочь, перед ними простирается океан, залитый солнечным светом. За ночь их отнесло довольно далеко к северо-западу, и теперь они впервые видят риф.

Издали он представляется в виде черных точек в зеленовато-синем океане, но, когда при поднятом парусе они подводят судно поближе к черным точкам, они вырастают и теперь на расстоянии, откуда они теперь их видят, кажутся свободно стоящими скалами, имеющими самые причудливые формы — от сказочных замков, которые резко поднимаются из морских глубин, до искаженных фигур троллей и других воображаемых существ, стоящих в нескончаемо длинном ряду с белыми оборками у оснований,— это прибой. Подойдя еще немного ближе, они обнаруживают, что различные причудливые формы соединяются между собой как бы жемчужной цепью.

Подводные кораллы в некоторых местах поднимаются почти до поверхности океана, а в других — прорываются сквозь нее, словно корни сломанных зубов во рту. Весь день они плывут вдоль внешнего края рифа в надежде найти хотя бы узкий пролив, чтобы провести судно. За рифом видны песчаные острова с разве-

вающимися кронами пальм, в некоторых местах темно-зеленое обрамление в западной части горизонта свидетельствует о близости большого поросшего лесом острова или берега материка, а также о наличии пресной воды и возможности достать свежую пищу. Однако риф отделяет их от этого рая.

4

На следующее утро во время прилива (прошел 21 день с тех пор, как они покинули бухту Репарейшн) Шкипер высказывает соображение, что в рифе есть достаточно глубокий проход, чтобы баркас проплыл там и вошел в лагуну. Он попытается провести судно по возможности близко к рифу, на расстоянии 10—15 метров от него, стараясь пройти над кораллами, не задевая их дном и не опрокидываясь набок.

Ему не приходится объяснять, насколько опасен этот маневр: если судно получит пробоину, оно сразу пойдет ко дну, а если накренится, эффект будет тот же. До ближайшего острова расстояние больше морской мили, и никто их них в нынешнем состоянии не сможет туда доплыть. Двое маленьких детей сразу же потонут.

«Вкладывайте все свои силы в весла,— говорит Морж,— поскольку я провожу судно очень близко от полосы прибойя. Если фарватер достаточно глубок, мы попробуем выбраться, но надо грести изо всех сил».

Снова они садятся за весла, снова Морж у руля. Некоторое время они принаравливаются грести, чтобы слаженно войти в ритм, затем он поворачивает руль и берет курс прямо на проход в рифе. Кокс внимательно вглядывается в воду.

«Через мгновения я поверну к правому борту. Можешь ли ты сказать что-нибудь о глубине, Джеймс?» Ему приходится орать изо всех сил, чтобы заглушить рев прибойя.

Кокс качает головой. Теперь, когда руль поворачивается, судно находится вряд ли более чем в десяти метрах от края прибойя; форштевень обращен к северу, но притягивающая сила прибойя настолько велика, что корпус судна протискивается под самой коралловой стеной и два весла со стороны левого борта ломаются как спички. С быстротой молнии Морж утсанавливает форштевень наружу, и Аллен переносит свое весло с правого борта на левый. У них теперь только четыре весла, чтобы тащить судно.

Когда они отплыли довольно далеко от полосы прибойя, Мэри спрашивает Кокса и Моржа, что они увидели.

«Над кораллами, достаточно воды чтобы, плыть через проход»,— считает Шкипер.

Кокс кивает: «Однако надо поторопиться, пока не начался отлив».

Они подготовлены к опасному мероприятию. Баркас ведут на веслах достаточно далеко к юго-востоку, затем ставят парус, все имущество перевязывают и помещают в деревянный ящик или заворачивают в полотно. Двое детей лежат в деревянном выдвижном ящике, где они провели страшные сутки в открытом море. Прежде, чем судно достигает прохода в рифе, все успевают услышать голос Моржа, заглушаемый шумом прибойя:

«Если судно опрокинется, постарайтесь выбраться из него и плыть к острову, который виден на горизонте. Друзья, да хранит нас бог!»

Гребень прибойной волны за ними обрушивается вперед с громогласным ревом, и на распростертой белопенной массе судно проскальзывает между двумя стенами кораллов; оно поднимается на вздыбленный гребень волны. Киль касается кораллов, маленькое судно отягощено огромным весом воды и садится на мель посередине прохода, форштевень поворачивают к северу и с тревогой ожидают, пока подойдет очередная волна, которая заполнит проход водой. Вот она катится

вперед, огромная, неистовая, неукротимая; в самый последний момент Моржу удается оттолкнуться веслом от ближайшей стекловидной коралловой стены и снова повернуть форштевень внутрь так, что входящая водная громада поднимает судно вверх и почти бросает его в тихие спокойные воды лагуны.

Они еще слышат шум прибоя, но он постоянно ослабевает, по мере того как «Надежда» скользит дальше к западу по направлению к острову. Когда расстояние до острова не превышает половины морской мили, они замечают, что там на песке что-то движется. Вряд ли это люди, скорее какие-нибудь животные.

Немного спустя Аллен издает радостный вопль.

«Это черепахи, — ликует он, — их там сотни. Мы прибыли как раз в период, когда они откладывают яйца. Вечером у нас будет черепаховый суп, друзья!»

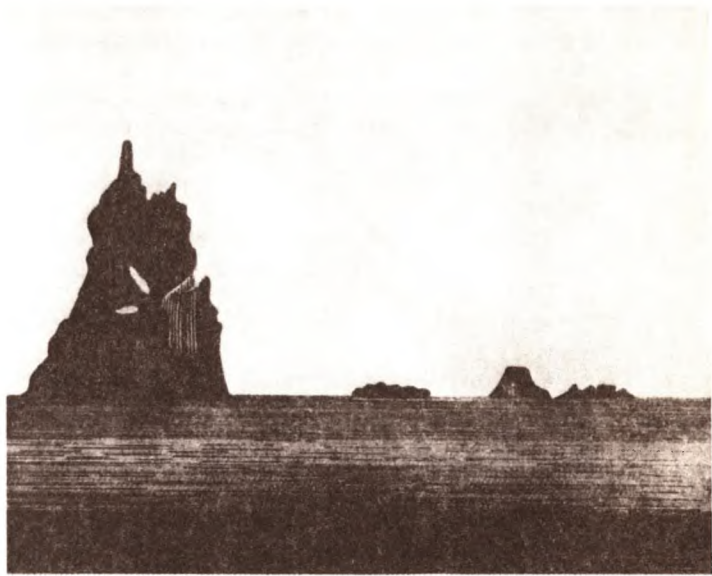
С налитыми кровью, ничего не видящими глазами четверо мужчин спрыгивают за борт, чтобы вытолкнуть судно на берег. Пока они прочно держатся за поручни, они еще могут устоять прямо, но, как только они пытаются проникнуть через волны на сухой песок, ничего не получается: они шатаются и падают в мелкую воду, словно пьяные. Судороги сводят руки и ноги, стоит шум в голове. Многодневное пребывание в море нарушило у них чувство равновесия: остров, песок и море сливаются воедино в большое колебательное движение, словно они раскачиваются на качелях. Вдобавок у них начались резкие спазмы в желудке, поскольку они неделями сидели в согнутом положении на баркасе и ели недостаточное количество пищи, да и то недоброкачественной.

Однако все это пустяки по сравнению с тем, что они снова обрели твердую почву под ногами. Ветер покачивает кроны пальм, чайки кричат в ясном голубом небе над ними. Найдут ли они воду, пищу и древесину, чтобы вырезать два новых весла, живут ли аборигены поблизости — все это не приходит им на ум в эти минуты. У них лишь одна мысль в голове: они спасены!

С тех пор как они вышли в море из залива Сидней, прошло 32 дня. Сегодня 29 апреля 1791 года. Французский король Людовик XVI готовится к бегству из Парижа, что имело столь неблагоприятные для него последствия. По улицам Лондона расхаживает навеселе адвокат Босвел, а на Таити королевский корабль «Пандора» под командованием капитана Эдварда Эдвардса прибывает в бухту Матаваи, чтобы захватить мятежников с судна «Баунти» — десять моряков, чья судьба впоследствии оказала решающее воздействие на жизнь наших беглецов. В молодой Североамериканской республике президент Лафайет получил редкостный знак уважения: ему вручили ключ от главных ворот захваченной французским народом Бастилии.

Глава 11

Пребывание на острове Черепахи.— Как проводят рекогносцировку.— Джон Батчер находит воду.— Черепахи яйца и кокосовое молоко.— Морская болезнь.— Прошлое Ната Лилли.— Растущий оптимизм.— Множество черепах.— Плавание под защитой Большого Барьерного рифа.— Многочисленные острова и проливы Лабиринта.— Старый Аллен рассказывает о своем прошлом.— Охота на дикого кабана.— Появляются первые крокодилы.— «Надежда» огибает мыс Йорк.

1

На острове Черепахи беглецы отдыхают и набираются сил. Здесь Мартин в полном спокойствии пишет в своем дневнике о событиях трех последних ужасных недель²⁴.

По мере того как они настолько приходят в себя после долгого пребывания на море, что могут нормально стоять на ногах, Кокс посылает Сэма и Аллена в качестве разведчиков. Их задача — найти воду и выяснить, есть ли на острове аборигены. Морж дает им небольшое наставление, как лучше всего выполнить эту работу. «В молодости я был специалистом по этому делу, — добавляет он. — Но теперь я охотно перекладываю ее на вас. Надо не только искать дымки костров. У многих племен костер зажигают с наступлением темноты, а днем люди довольствуются раскаленными углями. Так, например, принято у индейцев в Вест-Индии, и я не поверю, что здесь обычаи совсем другие. Прежде всего ищите следы обломанных веток. Аборигены должны спускаться к воде, часто их важнейший путь или тропа проходят вдоль берега, где легко заметить их следы.

Время от времени надо останавливаться и неподвижно стоять несколько минут, прислушиваясь к незнакомым звукам. «Индейцы» движутся так же осторожно, как животные. Но животные бывают разные. Мы, европейцы, передвигаемся как неуклюжие слоны, мы ломаем все в девственном лесу, и «индеец» слышит нас на большом расстоянии».

Аллен и Сэм не находят никаких следов аборигенов. Посреди острова есть возвышенное место, с которого можно увидеть полоску земли на горизонте на западе и многочисленные острова к югу и северу. Похоже, все они низкие, поросшие пальмами разных видов. Но никто из разведчиков не знает растения, и поэтому их наблюдения имеют ограниченную ценность.

«Мы видели много различных деревьев и растений» — это все, что они могут рассказать, вернувшись на берег, где между тем поставлена палатка для Мэри и детей.

Но самый важный вопрос у всех на устах: «Нашли воду?»

На это им приходится ответить: «Нет».

Джеймс Кокс оглядывает собравшихся: «Нам придется снова сниматься с места. На острове нет воды».

Однако Джон Батчер, этот пожилой ворчун, до сих пор самый сдержанный в их компании, все же полагает, что он найдет воду. «Я был человеком с веткой ивы у себя в Хартфорде,— говорит он,— когда надо было вырыть новый колодец, всегда звали меня, чтобы выяснить, где находится вода».

«Боюсь, что здесь не найдется ивы, Джон»,— говорит Кокс.

«Мне она ни к чему, так как она скорее всего для того, чтобы произвести внешнее впечатление на людей, но я готов держать пари на добрый бокал джина, что на этом острове много пресной воды, на глубине около метра от поверхности».

«Когда мы доберемся до Ост-Индии, ты получишь целую бутылку джина, если найдешь воду,— обещает Кокс.— Да я дам тебе две бутылки, так как у меня нет особого желания сейчас плыть дальше».

Моржу хочется узнать, почему Джон Батчер считает, что найдет здесь пресную воду.

«Потому что на острове очень богатая растительность. Многие деревья и кустарники я никогда в жизни раньше не видел. Но их многообразие говорит о том, что в грунте должна быть вода. Мы находимся на острове, где часто идут дожди и где дождевые воды не могут полностью уходить в землю».

«Где мы найдем воду?»

«Дай мне лопату, и я попытаюсь найти».

В первом же месте с густым подлеском Джон просит вырубить несколько переплетающихся кустов. Здесь выкапывают яму, и на глубине нескольких десятков сантиметров в рыхлой песчаной почве выступает вода. Джон набирает ее в сложенные вместе ладони и пробует на вкус.

«Эта вода пригодна для питья»,— говорит он.

Постепенно вкус к жизни и жизнерадостность возвращаются к беглецам. Вначале мужчины еще слишком слабы, чтобы идти на охоту за черепахами, но повсюду в песке встречаются крупные черепашины яйца, которые составляют вечернюю еду этого дня. Сэм, самый молодой из них, пытается взобраться на кокосовую пальму. С первого раза это не удастся, но с помощью веревки и весельных уключин, которые он забуривает в ствол, он в конце концов достает много кокосовых орехов, а затем с помощью топора раскалывает их. Перед тем как лечь спать, все подкрепляются кокосовыми молоком и мякотью.

Ночью Вил отправляется ловить рыбу. Он спрашивает Ната, пойдет ли он с ним. Тот, конечно, еще не совсем пришел в себя после ранения в плечо, но он наверняка поможет, если сможет. Его прежнее угнетенное состояние понемногу переходит в сдержанный оптимизм. Они немного отходят от берега по длинному естественному мосту из кораллов. На обоих надеты башмаки, так как поверхность кораллов острее лезвия кухонного ножа. Рыба концентрируется у внутренней стороны коралловых построек. При лунном свете рыбаки идут ощупью почти до большого рифа, расположенного несколько севернее того места, где их баркас прошел через пролив. Там, по другую сторону, волны вздымаются стеной, и, хотя рыбаки не достигают их, они ощущают их близкое присутствие. Слабый фосфоресцирующий луч освещает риф.

В то время как Вил готовит удилице и веревку для лова, Нат подходит ближе к краю рифа. Каждый гребень волны поднимается перед ним в зелено-белых тонах перед тем, как разбиться, и камни откатываются назад с громоподобным шумом в ночи. Океан здесь и ночью живет. Огромный океан зачаровывает Ната, но он не понимает почему. Океан словно притягивает его к себе. Он как могучее чудовище, которому все подвластно. Это сама жизнь, само существование, но он вмещает также тень смерти. Океан освещает зелень водорослей. Он имеет глаза; каждый гребень волны словно живое существо, которое зовет и манит к себе. Это не только хаос и анархия, ведь есть какая-то система в появлении пены и неведомый смысл в гуле волн. Нат, конечно, лишь один из многих, кто это почувствовал. В эти секунды он замечает, что ближе постиг тайну южных морей, и вне-

запно осознает, что каждое кораблекрушение и каждое возвращение судна имеет скрытый смысл. Так он в первый раз задумывается над вечными загадками океана.

Но что особенно сильно удерживает его на рифе между океаном и лагуной, словно на пороге реальности и фантазии,— это запах Тихого океана. Слово подсознательное ощущение, он всей душой воспринимает навязчивый и, более того, пронизывающий аромат теплой соли и планктона. Душной тропической ночью его кровь холодеет потому, что он осознает это, как если бы он смог вдохнуть глубину моря, его нескончаемые объятия, всю его душу и сущность. Это не один из стойких сгущенных запахов дешевых духов Бетти, это не слабые ароматы земли и растений после грозы, а дикий и терпкий запах невиданных и неведомых глубин...

Вил не понимает Ната. Он отрывает его от края рифа и ведет, словно лунатика, назад к внутренней стороне рифа, и там они сразу же принимаются ловить рыбу, многообразия форм которой очень велико. Рыба здесь идет косяками. Они возвращаются берегом в лагерь и жарят пойманную рыбу на углях костра, в то время как все, кроме дежурного, спят. Затем Вил расшевеливает лучиной раскаленные угли от костра и протягивает Нату кружку чая из сарсапарильи. Через некоторое время он говорит: «Ты страдаешь от морской болезни. Она довольно опасна, так как побуждает людей идти в волны. Мне она известна, ведь я вырос на берегу Девона. Почему бы ей быть иной здесь, на другом конце земного шара. Подверженные этой болезни сами не осознают, что совершают».

«Вздор, я точно знаю, что делал».

«Это как раз опасно. Человек думает, что он в полном сознании, но на самом деле это не так. Говорят, что морская болезнь совсем немного изменяет человека. Она заставляет задуматься о вечности, но этого достаточно, чтобы он полностью изменил свое поведение».

В последующие дни Нат раздумывает над словами Вильяма Брайента о морской болезни. Разве он становится другим человеком? Разве исчезает страх, который наполнял его всю жизнь? Разве есть хоть малейшая надежда, что это опасное путешествие вытеснит мысли о кошмаре его прошлой жизни и они станут только воспоминаниями? Если «Надежда» доберется до Голландской Ост-Индии (а постепенно он начинает верить, что это возможно), может быть, ему как-то удастся найти судно, направляющееся в свободные штаты в Северной Америке, и начать новую жизнь. Может, он встретит там своих родственников.

Нат — «картофельный ирландец», как правящие классы презрительно называют ирландских арендаторов, чье существование в основном зависит от годового урожая картофеля. Он родился в графстве Килкенни и вырос на арендованном хуторе в маленькой деревне Инистиог, принадлежавшей помещику, одному из благородных английских господ из Лондона. Этот господин посещал свое поместье в охотничий сезон и требовал, чтобы у всех собак его арендаторов были обрублены крайние фаланги правых передних лап, чтобы они не могли бежать по следам дичи и тем самым портить удовольствие господам во время охоты. Сестра Ната Имелда была самой красивой девушкой в деревне, и помещик сэр Болдуин потребовал соблюдения права первой ночи. После того как этот надутый хлыщ обесчестил ее, он милостиво подарил ее бедной семье шесть мешков картофеля и столь же милостиво провозгласил, что отец Имелды и Натаниэла может рассчитывать на его благосклонность. Но отец Ната подстерег сэра Болдуина и убил его. Убийцу сразу же арестовали и осудили. Ранним утром приговор был приведен в исполнение на поле за деревней Инистиог, где Нат играл в детстве. Там была воздвигнута виселица, и в присутствии тысяч людей, прибывших из ближних и дальних селений, отца повесили. Однако, пока милосердная смерть его не постигла, тело отца прочно привязали к деревянному помосту, разрезали живот и выпустили кишки, после чего тело расчленили на куски — все в соответствии с при-

говором. А люди бежали с кувшинами, кружками и чашками, чтобы собрать кровь, которая, как считали, обладает свойством исцелять больных. С этого дня Нат стал робким, забитым человеком. Имелда повесилась. Двое их братьев уехали в США.

Нату Лилли удалось приехать в Англию, но переживания превратили его в духовного калеку. В конце концов он устраивается на работу конюхом к некоему Бенджамину Саммерсету в Бери-Сант-Эдмундсе. Однако все время лелеет надежду уехать в Америку. Но на переезд требуются деньги, и в поисках их Нат поддается соблазну украсть часы, две серебряные ложки и рыболовную сеть у своего господина и работодателя. За это серьезное преступление его приговорили к смертной казни, но наказание было заменено семью годами каторжных работ. Нат стал одним из тупых, безразличных, но робких людей, которые желают только держаться подальше от обжигающей боли «девятихвостой кошки». Тупо и безразлично принял он свой приговор, тупо и безразлично позволил себя депортировать в ненавистный Ботани-Бей, где сразу же получил прозвище Лунатик; почти как лунатик, он последовал с беглецами из Сиднея. Но когда Нат выбрался к океану и предстал перед этой грозной разрушительной силой, его угнетенное состояние прошло. Впервые здесь, на острове Черепахи, Нат обрел веру в будущее.

2

Может быть, нам, живущим в конце двадцатого века, трудно понять оптимизм, который окрылил беглецов на острове Черепахи. Ведь они все же преодолели более половины пути до Купанга в Голландской Ост-Индии, который был тогда форпостом цивилизации в этой части земного шара. Оставшаяся треть пути, как они выясняли по навигационной карте Кука, проходит через глубокое Арафурово море, которое настолько широко, что не исключена вероятность, что они могут проплыть мимо сравнительно небольшого, хотя и гористого острова Тимор.

Тут, на острове Черепахи, они впервые ощутили свободу в полной мере: у них было все необходимое для поддержания жизни и — что, возможно, так же важно для ощущения удовлетворенности — то, что они по-новому проявили себя в пути. Например, Батчер показал, где искать воду, а ранее столь презираемый всеми карманный вор Сэм и Лунатик Нат стали искусными ловцами черепах. Ночью, когда крупные черепахи выползают на берег, чтобы отложить яйца в песок, они нашли способ преградить им путь к воде, и в результате у них в избытке черепаховое мясо. Двое детей поправляются после невзгод, перенесенных в океане, и Аллен, который так же, как и Батлер в возрасте дедушки, играет с Шарлоттой в жмурки на берегу. Уже через несколько дней они перестали устраивать дежурство. Очевидно, что на острове нет аборигенов. Беглецы испытывают необычный подъем умственной деятельности, который был им не свойственен раньше, когда они жили в Сиднее или на родине, в Англии.

Вечером они собираются у костра, и нет конца деликатесам, которые они отведали на этих полуночных пиршествах. На внутренней стороне рифа не только обилие рыбы, крабов и омаров, устрицы там сидят большими группами, и их легко отодрать топором. Черепаховое мясо и черепаховые супы способствовали хорошей тренировке в лазанье на кокосовые пальмы, чтобы достать орехи. Кокосовое молоко — любимая еда обоих детей, Мэри использует его и для варки побегов пальм, но особенно ей удается устричный суп с мясом омаров. Отведав это блюдо, Аллен заявляет, что за всю долгую жизнь он никогда не наслаждался более вкусной едой.

Мэри прислоняется спиной к камню. «Благодарю тебя за добрые слова, Старик, — говорит она. — Они порадовали меня. Я счастлива».

Здесь у костра они начинают понемногу открываться друг другу. Они выходцы

из общества, важнейшая заповедь которого состоит в том, если у тебя самого нет власти, то надо стремиться заручиться поддержкой у власть имущих. Ты должен лягать тех, кто внизу, и заискивать перед теми, кто вверху. Разумеется, это не высказывают прямо, зато говорят о верности и преданности служебному долгу, и в повседневной жизни истина совершенно в ином. Они живут в обществе, где ценность человека зависит от его положения: те, кто стоит выше, рождены господствовать, а те, кто стоит ниже, должны подчиняться. Выходцы из низших классов, разумеется, могут дружить с равными себе в том понимании, что могут в рамках благоразумия, но гораздо сильнее проявляется долг верности: дворянина королю, слуги господину, солдата офицеру, арендатора помещику. Речь идет о святом долге человека, о незыблемых истинах, изложенных в Библии. Здесь, у костра на острове Черепахи, сидят отбросы человеческого общества, пресытившиеся омары, устрицами и черепаховыми супами. Они, может быть, в душе страдают от угрызений совести, потому что изменили долгу верности. Нат изменил даже дважды: первый раз — убежав от своего помещика, сына благородного сэра Болдуина, второй раз — ограбив своего благодетельного хозяина господина Бенджамина Саммерсета, чьи серебряные ложки он утаил в своем кармане. Вот сидит Сэмюэл Бёрд, которого общество поместило в сиротский дом, где он получал хлеб насущный, а затем его пристроили к превосходному занятию — доставлять уголь из земных недр для прогресса и славы британской короны. Там, за пламенем костра, — неблагодарная Мэри, которая вместо того, чтобы вернуться домой к своим односельчанам, дерзко отняла у богобоязненной девицы законно принадлежавшие ей вещи, и муж Мэри — сомнительная личность, который пытался лишить его королевское величество таможенных доходов. Рядом с ними — рябой великан с усами Вильям Мортон (или Томас Матон, как он значится в списках преступников Ньюгейта); разве он не должен чувствовать угрызений совести из-за того, что изменил долгу верности, дезертировав из военно-морского флота и став пиратом?

Однако, может быть, необычный оптимизм, воцаряющийся в лагере на острове Черепахи, начинается с понимания того, что долг верности всего лишь утверждение с позиций власть имущих. Девять взрослых людей на борту «Надежды» впервые в жизни свободны, свободны принимать решения о своем собственном будущем. Но эта свобода сочетается с признанием ограничений: рано или поздно им придется плыть дальше и найти такое место, где все они могут жить вне пределов досягаемости законов британского правосудия, которое проникает во многие места земного шара. Поэтому у костра на острове Черепахи они начинают строить планы, как надо вести себя, когда доберутся до Голландской Ост-Индии, если им это удастся.

3

Восстановив силы, они продолжают плавание на судне, которое теперь действительно оправдывает свое название «Надежда». Нат совсем выздоровел после ранения в плечо, и все остальные в этот момент пути находятся в самом добром здравии. Солнце и ветер обожгли их кожу темно-коричневым загаром, пища здоровая и питательная, и ее достаточно. Хотя Мэри тяжело переносит путешествие по океану, сильно страдает от морской болезни и постоянно беспокоится за своих двух детей, она снова приобрела хороший вид и вместе с ним также жизнелюбие, которая заражает остальных спутников.

Сейчас почти конец влажного сезона, но в отдельные дни белые берега и зеленые джунгли еще орошаются дождем. Ветер постоянно дует с юго-востока и гонит «Надежду» вперед с равномерной скоростью, что позволяет Моржу маневрировать близко от суши. В этих условиях удастся опознавать различные объекты, сравнивая их с картой Кука или, вернее, ее копией, сде-

ланной Детмером Смитом. Ясно видна гора Апстарт, то же относится к заливу Галифакс, мысу Сандвич и заливу Рокингам, где беглецы подводили баркас к берегу, чтобы там переночевать. Трудно представить себе, что они любят красоту природы, но тем не менее они плывут через мир островов, который через двести лет стали считать самым красивым ландшафтом в мире. Здесь, в частности, растет дикая колючая акация, чьи пушистые желтые цветы образуют сплошные ковры. Повсюду они встречаются красивые цветковые растения, но, конечно, не знают названий многих кустарников и деревьев, которые им дали Соландер и Бэнкс на двадцать лет раньше. Они поражаются многокрасочными колючими кустарниками высотой около метра, чайными деревьями с ярко-красными цветами и медовыми миртами. Многочисленные пчелы перелетают от цветка к цветку.

Здесь водятся и опасные животные. Во многих местах были замечены змеи, которые, сильно извиваясь, молниеносно исчезали в зарослях.

Морж проводит «Надежду» по мозаике островов, которую Кук обозначил на карте под названием «Лабиринт». У южного прохода к островам Лабиринта ужасной ночью корабль «Индевор» натолкнулся на одну из тысяч скал Барьерного рифа и получил пробоину. Течь удалось остановить, и судно пришвартовалось в устье реки, получившей название Индевор. Ремонт потребовал двух месяцев, а затем корабль продолжил плавание в Голландскую Ост-Индию.

Люди с «Надежды» не находят никаких следов «Индевора» в этом месте, но они и не ищут их. Зато они отмечают перемену климата. От этих мест немногим менее пятнадцати градусов до экватора, и, хотя постоянно дует юго-восточный муссон, часто ощущается влажная жара от дождевых лесов на суше. Вся компания пребывает в отличном расположении духа, так как на островах можно набрать свежей питьевой воды, у берега легко поймать массу рыбы и больших черепах, которые становятся беззащитны, если их перевернуть на спину, когда они находятся на суше. Длительное время беглецы не замечают никаких следов аборигенов и полагают, что находятся в стране, существующей с сотворения мира. Каждый день на закате они заводят судно в какой-нибудь залив или бухту с песчаным пляжем, если к тому же, по их мнению, на острове можно набрать питьевой воды. Становится твердым правилом оставлять дежурного на самом высоком месте, откуда открывается вид на сушу и море; двое мужчин отправляются с лопатой и флягой за водой (но на судне всегда имеется запас питьевой воды); кто-нибудь идет на охоту, двое собирают плавник для костра. Мэри тем временем достает кухонные принадлежности, а старик Аллен чистит рыбу, и вскоре все, кроме дежурного, собираются у костра, чтобы насладиться единственной сытной трапезой за день. Сок от жареной рыбы капает на раскаленные угли, издавая шипящие звуки. Люди едят долго, не торопясь, и, когда трапеза подходит к концу, они собирают вещи и складывают в небольшой деревянный ящик, чтобы взять его с собой, когда они отправятся в море на следующее утро. Вильям Мартин использует также послеполуденные часы для записей в дневнике.

Морж, Вил и Кокс каждый вечер изучают и обсуждают навигационную карту. Если все пойдет по плану, они должны подойти к мысу Йорк и обогнуть этот самый северный выступ Новой Голландии (Австралии) за неделю. Юго-восточный пассат в июле сменится северо-западными ветрами, и от мыса Йорк до острова Тимор, ближайшего пункта в Голландской Ост-Индии, они должны плыть прямо на запад, что невозможно осуществить на таком маленьком судне под парусом при встречном ветре. В этом случае им придется грести, а ведь расстояние от мыса Йорк до Тимора около 1200 морских миль.

Капитан Детмер Смит сделал пометки по поводу сведений Джеймса Кука об этом участке пути. «Держитесь прямо на запад все время,— говорит Детмер Смит.— Ни при каких обстоятельствах не отклоняйтесь от этого кур-

са. Если вы попытаетесь плыть дальше на север, попадете на берега южной части Новой Гвинеи, где живут охотники за головами; если поплывете дальше на запад, рискуете встретиться с малайскими пиратами». Другая пометка гласит: «Позаботьтесь о том, чтобы на борту был запас пресной воды от острова Поссешн, потому что если вы пройдете мимо островов Вессел к западу от залива Карпентария, то сможете набрать воду только на Тиморе. Не полагайтесь на дожди в пути после того, как пройдете залив Веймут на восточном берегу полуострова Кейп-Йорк».

Погода день ото дня становится все жарче, и речь больше не идет о приятном тепле, но об изнуряющей жаре, которая вызывает пот и жажду. Один остров сменяется другим, и часто рулевой не имеет представления, плывет ли судно в какую-то бухту или находится между двумя островами. Лабиринт — очень подходящее название для всех этих водных путей между островами.

Природа тоже изменилась. Густые джунгли спускаются почти до береговой линии, и заранее трудно предвидеть, есть ли на острове пресная вода. Поскольку между островами нет прибоя, «Надежду» подводят к самому берегу, и один из мужчин выходит на сушу с топором, чтобы выяснить, можно ли найти следы зверей и их тропы, которые всегда ведут к источнику или водоему. Однако найти звериные тропы непросто.

С этой работой лучше всех справляется Аллен. Сам он говорит, что ему лет 55, но Джеймс Кокс подозревает, что он гораздо старше. Как-то вечером у костра Морж спрашивает, откуда у него такие способности следопыта.

«Ну, — ухмыляется Старик, — ведь в свое время я занимался браконьерством. Прошло более двадцати пяти лет, пока сторож в поместье не поймал меня, но это было предрешено, так как его превосходительство барон обещал золотой соверен тому, кто выдаст браконьера. Сторож был неплохой мужик, но не смог устоять перед искушением».

«Однако ведь не за браконьерство тебя сослали в Ботани-Бей? — спрашивает Мэри. — У нас в Корнуолле оно считалось весьма серьезным преступлением, и помещик заботился о том, чтобы нарушителя порядка немедленно вздернули на виселице».

«Так же было и у нас, но я быстро удрал от них и направился в Норидж. У меня не было средств к существованию, и меня задержали за воровство. Поэтому я был сослан в Ботани-Бей. Благодаря браконьерству я научился отыскивать следы животных. Вам повезло, что в вашей компании оказался такой бывалый охотник, как я».

4

Как-то раз сразу после полудня они вытаскивают судно на берег одного из островов, расположенного к юго-востоку от мыса Йорк. Ранее они видели следы дикого кабана, и Аллен считает, что, если они пожертвуют одним из последних мушкетных патронов, можно уложить это животное, а мясо можно закоптить и взять с собой в долгий путь от мыса Йорк к западу. Аллен с ружьем, Кокс с топором и Сэм с большим острым ножом отправляются в глубь острова, тогда как остальные вытаскивают судно на берег и ждут.

Они окружены мангровыми деревьями, гнилой запах исходит от илистых болотных вод. В местах, где мангр переходит в береговую песок, любят держаться маленькие красноватые крабы. При отливе они выползают из своих нор и издали походят на красные камешки, которые ил словно всасывает в себя при малейшем движении.

«Мне это место не нравится, — говорит Мэри, — давайте как можно быстрее уйдем отсюда».

Но ее муж берет ее за подбородок и улыбается ей: «Через два дня мы обогнем мыс Йорк и выйдем на запад в открытое море. Будет хорошо иметь копченую свинину с собой, Мэри».

«Но здесь дурной запах, который невозможно вынести. Вряд ли эта обстановка полезна для Эмануэля и Шарлотты. И всюду эти проклятые комары».

Во второй половине дня полчища москитов наводняют болотистые просторы острова. Они набрасываются на все живое и, словно живые тучи, носятся повсюду, придерживаясь, однако, определенных мест, впервые выбранных ими,— тех, где можно присосаться к существу с теплой кровью.

Трое мужчин топором прокладывают путь в джунглях, где зеленые лианы вьются между могучими стволами деревьев и образуют упругие побеги длиной во много сотен метров. Вместе с широкими кронами деревьев вьющиеся растения образуют громадный природный покров, имеющий самую разнообразную окраску: красные, желтые и лиловые оттенки чередуются между собой. Хотя люди не видят массы птиц, которые строят гнезда и живут в плотно смыкающихся кронах, они время от времени слышат их песни и крики, и порой громкие крики свидетельствуют о драмах, происходящих в этой среде.

Наконец Аллен находит звериную тропу и решительно рубит топором воздушные корни, мешающие пройти по зверному следу или тропе выше роста диких кабанов. Он останавливается и шепчет: «Мне кажется, поблизости находится стадо свиней. Я чувю их по запаху».

Сэм стоит с ружьем наготове. «Ну, Старик, скоро мы приготовим бифштекс из свинины на раскаленных углях?»

«Судя по следам, тут должно быть много кабанов».

«Чем больше, тем лучше, так что вряд ли можно промазать мимо цели!»

«Парень, ты не знаешь, что говоришь! Дикие свиньи, когда их много,— очень опасные животные. Они часто нападают и могут легко расправиться с нами».

Джеймс Кокс полагает, что все же надо попытаться подстрелить одну свинью и надеяться, что остальные животные настолько испугаются выстрела, что убегут.

«Да, да,— вздыхает Аллен,— но будь наготове с ружьем, Сэм, поскольку это может произойти быстро». С помощью топора он подрубает стволы лиан. В густопереплетающейся массе растений, образующих зелено-черные насыщенные испарениями густые заросли, он обращает внимание лишь на то, что на вид похоже на скопление гигантского сахарного тростника. На самом деле это сомкнутые заросли диких сахарных тростников с острыми краями побегов. Аллен подает знак спутникам следовать за ним и немного погодя находит новый звериный след, который ведет из тростниковых зарослей к травмам роста человека.

«Теперь мы знаем, что на острове есть пресная вода,— говорит он.— Само обилие следов показывает, что звери используют тропу каждый день, направляясь вниз к водопою».

На тропе неприятный запах. У диких свиней особая железа вырабатывает секрет, который сильно пахнет в период течки или когда животное раздражено.

Трое мужчин выходят на небольшую песчаную равнину, окружающую илистую котловину. В центре ее среди серого ила сохранились остатки озера, где, вероятно, и находится место водопоя животных. Под пологом леса на противоположной стороне илистой котловины группа серых существ движется к болоту. Вскоре они замечают присутствие людей, но под предводительством старого кабана подходят, хрюкая, ближе.

Сэм передает мушкет Аллену, но тот не прикладывает его к щеке.

«Ну подстрели хоть одного из них, Старик»,— нетерпеливо говорит Сэм.

«Они слишком далеко, и на таком расстоянии трудно попасть точно в цель,

но даже если мне так повезет, что убью одну из свиней, то как ты возьмешь ее? Другие животные нападут на нас в то время, когда мы попытаемся разделать тушу».

«Разделать тушу? Разве нельзя ее отнести к судну?»

«Знаешь ли ты, что такой кабан весит вдвое больше, чем взрослый человек?»

«Что, по-твоему, нам надо делать?» — спрашивает Кокс.

У Аллена нет времени для ответа, так как раздается гулкий выстрел, и два крупных кабана с шумом вырываются из зарослей. Старый кабан испускает протяжный крик, и десяток свиней выходят из болота. Все они устремляются прямо на охотников.

«Быстро бегите в лес и лезьте на деревья!» — кричит Аллен.

На этот раз лианы выручают людей, тогда как ранее, днем, они мешали идти и приходилось рубить их топором. Всем, кроме Аллена, удастся, цепляясь за вьющиеся растения, подняться высоко над землей, пока нападающие кабаны с шумом бегут через заросли. Только Аллен встречает лицом к лицу самого крупного кабана и направляет дуло ружья в его сторону. Грохочет выстрел, и громадное животное заваливается на бок. Зверь ранен, но не убит. Пока Аллен снова заряжает ружье, две другие свиньи бросаются на него. Сэм спрыгивает с дерева и бросает в них топор, пытаясь хотя бы остановить их. Аллен, не теряя самообладания, успевает зарядить мушкет и следующим выстрелом убивает крупного кабана. Остальные животные растеряны, останавливаются, хрюкают, а затем быстро исчезают в лесу.

Начинает смеркаться, но мужчины не могут вернуться к судну, поскольку надо освежевать кабана и отрезать куски мяса с ног. Это неприятная работа, поскольку от туши исходит резкий запах, но это необходимо сделать: нельзя оставлять тушу убитого животного до следующего дня, не рискуя, что орлы-стервятники и крысы сожрут большую часть мяса. Когда наступает ночь, они зажигают костер, чтобы отгонять других кабанов, и всю ночь дежурят возле туши.

5

Всю вторую половину дня до глубокой ночи товарищи на берегу ждут возвращения охотников. Однако, поскольку они не приходят, было решено укладываться спать. До этого необходимо оттащить «Надежду» дальше на берег. Мартин и Батчер остаются у носа баркаса на земле, тогда как Нат и Шкипер бредут по мутной воде, чтобы вытолкнуть судно сзади. Вдруг раздается какой-то всплеск в илистой воде. Нат оборачивается и пристально смотрит. На расстоянии вытянутой руки от него — разинутая пасть гигантского крокодила, лежащего в болоте недалеко от баркаса. Нат невольно издает крик ужаса, и чудовище, захлопнув пасть, исчезает среди ила. Батчер первый приходит в себя. Он хватается весло и с силой ударяет им по воде. Теперь они видят, как вода плещется в разных местах. Там всюду лежат крокодилы, но они выставляют только ноздри и глаза над поверхностью воды и, таким образом, скрыты от взоров людей с судна. Только теперь становится ясно, что весь день они находились в окружении крокодилов.

Это первые крокодилы, которых они увидели во время путешествия и вообще в своей жизни, если, конечно, не считать Шкипера. Плавая с внутренней стороны Барьерного рифа, они всегда высаживались на островах поодаль от заболоченных участков, где водятся крокодилы. Зрелище огромных чудовищ приводит Мэри и Шарлотту в шоковое состояние, но Нат, ранее столь боязливый, воспринимает ситуацию весьма спокойно и выступает против того, чтобы отвести судно в другую бухту.

«Вероятно, тут крокодилы повсюду,— говорит он.— И если мы уедем отсюда, то как наши три товарищи найдут нас?»

Однако Мэри и ее муж, а также Батчер и Мартин считают, что надо сейчас же искать новое место для лагеря. Мэри совершенно вне себя. Она испуганно кричит: «Они придут ночью и съедят нас всех. Давайте немедленно уйдем отсюда».

Шкипер пытается охладить пыл Мэри и других боязливых. «Крокодилы так же боятся нас, как и мы их,— говорит он.— И поверьте мне, я знаю, что говорю, поскольку сам видел много крокодилов в прошлом».

Постепенно ему удается как-то успокоить Мэри, во всяком случае настолько, что она и другие товарищи понимают, что неразумно снимать лагерь в это время суток, когда вот-вот станет совсем темно. Однако им предстоит провести страшную ночь. Чтобы успокоить Мэри, они разжигают три костра; Морж уверяет ее, что крокодилов отпугивает огонь, а жар будет удерживать их на расстоянии. Она прижимает детей к себе и большую часть ночи плачет.

На следующее утро, чуть рассвело, три охотника возвращаются со свиной. Весь день уходит на копчение мяса, чтобы оно сохранилось, и только после еще одной ночи, когда нервы Мэри совсем на пределе, они выходят в море из залива Крокодилов, как они называли место стоянки.

Баркас с беглецами плывет к северу, держась возможно ближе к берегу материка, однако из-за многочисленных мелких островов трудно выяснить, где находится сам мыс Йорк. Характер берега меняется. Вместо покрытых джунглями склонов и прибрежных мангров с борта «Надежды» теперь виден низкий песчаный берег с отдельными кустами. Барьерный риф постепенно выклинивается, а волнение усиливается. Ясно, что очень скоро пассат переменит направление и тогда следует прокладывать курс к западу.

В полдень 27 мая 1791 года Шкипер, как обычно, измеряет высоту Солнца и сообщает товарищам, что, по его расчетам, судно находится на одиннадцатом градусе широты и, судя по навигационной карте Кука, в этих местах находится мыс Йорк.

Но где же он? Они видят вокруг лишь острова и проливы. Через час Сэм спрыгивает со своего сидения, хватается за мачту и пристально вглядывается на запад. «Разве вы не видите, что берег поворачивает? — кричит он.— Земля уходит за горизонт. Должно быть, мыс Йорк остается за бортом! В этом нет никаких сомнений».

Теперь все остальные начинают верить ему. Батчер, сидящий у руля, получает указание прокладывать курс дальше вдоль суши. В три часа дня они окончательно уверяются в своих предположениях.

«Пусть судно идет против ветра,— командует Шкипер.— Мы на пути к Тимору!»

После пребывания в заливе Крокодилов настроение отнюдь не самое лучшее, но теперь немного улучшается, когда они понимают, что покидают Новую Голландию и с ней, вероятно, тяжелый этап их прежней жизни. На баркасе имеется запас питьевой воды на два дня и продуктов на шесть дней, поэтому надо рассчитывать на пути к Тимору сделать высадку на берег в нескольких местах. Но где это произойдет, пока нет никаких представлений.

Перед ними — страшный Торресов пролив и Арафурское море.

Примечание

²⁴ Невозможно точно установить, на каком из многочисленных мелких островов в группах Нортумберленд или Камберленд побывали беглецы. В своем «Меморандуме» Джеймс Мартин весьма неточно указывает местоположение острова, за что вряд ли можно его упрекнуть, принимая во внимание тяжелые испытания, которые пришлось перенести беглецам.

Глава 12

О Торресовом проливе и островах Пряностей.— Высадка на одном из островов Торресева пролива.— Сэм еще раз спасает «Надежду» и ее пассажиров.— Следы человеческих ног под пологом леса.— Нападение аборигенов Торресева пролива.— Высадка на острове Принца Уэльского.— «Надежду» преследуют на каноэ вооруженные охотники за головами.— Последний патрон использован.— Через Арафурское море.— Прибытие на Тимор.

1

Луис Ваэс де Торрес — так звали испанца, который в 1606 году отправился в путешествие из Кальяо (Перу). Он проплыл к югу от гористой земли и нашел новый путь к далеким островам Пряностей. До сих пор приходится удивляться, как ему удалось провести свою промоздкую каравеллу среди огромного множества коралловых рифов, песчаных отмелей и низких маленьких островков, куда не рискнул зайти Джеймс Кук. Подробные сведения об этом плавании отсутствуют. Тем не менее опасный пролив назван в честь Торреса, и еще сохраняется оттенок ужаса в самом названии Торресево пролив. Его предшественник в этих краях, Иниго Ортис де Ретес, еще в 1545 году плывал к северу от гористой земли по пути от Молуккских островов в Мексику. Он дал этой земле название Новая Гвинея, может быть, считая, что немногочисленные аборигены, которых он там встречал, походили на негров из Гвинеи.

В то время как Платон размышлял, Рафаэль рисовал, Вольтер писал, а его величество король Георга III врачи лечили от внезапного приступа сумасшествия, на берегах Торресево пролива и Арафурова моря еще продолжался каменный век. Время от времени раджи Амбоса и Целебеса посылали свои суда к этим теплым влажным берегам, чтобы захватить невольников, и изредка португальские, испанские, а затем голландские парусники появлялись на горизонте. Однако племена, жившие высоко в горах, были убеждены в том, что мир кончается у подножий самых высоких гор, а прибрежные болотистые низменности населяли охотники за головами: мужчина там мог жениться, только если он дарил своей избраннице отрезанную голову другого мужчины. Каждый воин поднимал руку на своего соседа. Колдовство и закон копья господствовали в этом мире.

Теперь нам трудно представить себе, какими были люди, ставившие свою жизнь на карту, чтобы доставить пряности на европейские столы. Еще до того, как Васко да Гама открыл морской путь в Индию, а Фернандо Магеллан обогнул земной шар, до того, как кофе и чай стали известны в Европе, до того, как стали использовать лимоны, чтобы подкислять, а сахар, чтобы подслащивать питье, западный мир познакомился со специями. Слово *especerias* первоначально в переводе означало «избранное, выдающееся». Только самые богатые люди, князья и короли, могли позволить себе использовать несколько граммов этих избранных индийских пряностей, так как за несколько зернышек перца требо-

вали «кусающуюся» цену, и они были недоступны для простого человека, сушеный цветок муската ценился как небольшое состояние, крошки имбиря или корицы, создающие приятный возбуждающий привкус, были доступны только для самых зажиточных людей. И простые люди начинают охотно подражать богачам, кушанья считаются нормально приготовленными, только когда они приправлены перцем и пряностями. Более того, их стали добавлять в пиво (например, имбирь) и даже в вино, так что каждый глоток обжигал горло.

Однако не только кухня нуждается в специях. Тщеславие предъясвляет постоянно растущий спрос на ароматные восточные жидкости, горячий мускус, душистую амбру и сладковатое розовое масло. Ткачи и красильщики приступают к обработке китайского шелка и индийского дамаска. Католическая церковь тоже усердно содействует распространению всех этих восточных продуктов, многие миллиарды ладанных зерен курятся в кадилах, которыми размахивают в тысячах европейских церквей, тогда как само ладанное дерево не растет в странах Запада. Необходимые для изготовления лекарств опиум, камфару и камедь с этикетками *arabicum* (из Аравии) и *indicum* (из Индии) доставляют на верблюдах по бесконечным караванным путям, через пустыни или на одномачтовых судах дау (*dhow*) вдоль берегов Индийского океана и затем на широкопузых голландских парусных судах к местам назначения.

В этой части земного шара дальше всего на восток распространяется голландская «империя пряностей». Отсюда происходят несметные богатства голландских купцов. Самая отдаленная фактория Купанг на гористом острове Тимор находится примерно в 1200 морских милях к западу от мыса Йорк. К этому форпосту голландской колониальной империи держит курс «Надежда» с ее пассажирами.

2

Весь день после полудня 27 мая «Надежда» плывет вдоль северо-западного берега полуострова Кейп-Йорк. Когда начинает смеркаться, Морж подводит судно к одному из многочисленных небольших островов, но в водах между Торресовым проливом и заливом Карпентария сильное течение и вокруг лежит непроглядная тьма. В конце концов Шкиперу удается выйти из полосы течения и взять прямой курс к острову. Они слышат дальний шум прибоя, но Мортон не решается подвести «Надежду» ближе к берегу. Они различают лишь его контуры, но, когда облака на мгновение расходятся и показывается половина диска луны, на берегу видна коса, выступающая в воду.

«Давайте поставим судно под защитой косы,— предлагает Кокс,— и останемся ночевать на борту».

«Я не решаюсь обогнуть выступ косы, не видя дна,— говорит Шкипер.— Есть риск, что «Надежда» разобьется, и тогда мы все утонем».

«Если мы останемся в открытом море, боюсь, что многим из нас будет плохо этой ночью.— Кокс берет Мортон за руку.— Надо что-нибудь предпринять, Морж, если мы хотим живыми добраться до Тимора».

«Да и именно поэтому мы должны быть благоразумны,— отвечает он, и в его голосе проскальзывают жесткие нотки, когда он продолжает: — Не забывай, что я команду на борту. Мы достигли состояния, когда чертовски необходимо повиноваться, если хотим выжить...»

Сэм вмешивается в разговор: «Не надо ссориться и горячиться. Ты только подведи судно ближе к косе, Шкипер. Я прыгну в воду и поплыву впереди, чтобы проверить, достаточно ли глубоко, чтобы «Надежда» могла стать под защитой косы».

«Поплывешь сквозь прибой?»

«Не болтай так много, Шкипер. Двинем вперед к этой чертовой косе».

В потемках судно проходит мимо внешнего мыса косы. Заметно, что там сильное течение, и то, что светит в темноте, вероятно, фосфоресцирующие организмы на рифе. С другой стороны косы баркас укроется от ветра и волн, и там, возможно, настолько спокойно, что удастся осторожно вытащить судно на берег. Хотя перед полным наступлением темноты они находились далеко от острова, все же удалось различить, что на берегу нет крутых скал.

Кокс, Вил и Морж делают канат, один его конец обвязывают вокруг тела Сэма, а другой конец держит Морж.

«Ну вот, теперь я готов»,— говорит Сэм.

Мартин хватается его руку: «Разумеется, пока все идет хорошо,— говорит он,— и ты показываешь на путь к укрытию. Но если все же что-нибудь случится, дай адрес, кому я должен сообщить».

Несколько ожесточенно Сэм говорит, стоя наполовину в воде: «У меня во всем мире нет никаких знакомых и друзей».

Старый Аллен кричит ему слабым голосом, исходящим как будто издалека: «У тебя десять друзей, друг, на судне, которое зовется «Надеждой». А это совсем немало».

Сэм соскальзывает в теплую воду и плывет, с силой выбрасывая вперед руки, через прибой. Есть ли под ним скалы? На мгновение он останавливается, чтобы пощупать ногами дно. Одна водяная громада за другой перекатываются через него, но он не замечает под собой никакого дна. Тогда он в считанные мгновения пересекает полосу прибоя. Теперь веревки не хватает, и он сильно дергает ее три раза, так как это оговоренный заранее сигнал находящимся на борту, означающий, что они вполне могут вести «Надежду» через прибой к берегу.

Менее чем через пять минут после того, как он прыгнул за борт, судно оказывается у внутренней стороны косы. Теперь Сэм может осторожно плыть впереди судна к самому берегу, тогда как остальные товарищи бьют веслами по воде, чтобы отогнать случайных крокодилов. Их движения расслаблены, поскольку ни у кого из них почти не осталось сил; наконец «ботаники» вытаскивают баркас на берег, который не могут разглядеть в темноте. Они сбрасывают на берег только самое необходимое и погружаются в сон прямо на берегу.

Утром на рассвете оказывается, что они находятся в широкой бухте, из которой открывается вид к югу на три или четыре острова. Берег низкий, во многих местах с зарослями мангров. Им исключительно повезло, что они пришвартовались именно в этом месте. Немного дальше начинается болото, в котором, возможно, водятся крокодилы. Но сейчас они слишком измождены, чтобы проводить рекогносцировку и выяснить, не подстерегают ли их какие-нибудь опасности. Почти всю первую половину дня они лежат как в забытьи; Сэм и Шкипер, единственные, у кого еще осталось немного сил, отправляются на поиск пресной воды. Все остальные подкрепляются копченой свиной. Морж не советует разжигать костер, чтобы не привлекать внимание аборигенов, которые могут быть на этих островах.

Звериная тропа ведет в заросли к пересохшему озеру. Когда они немного отошли от него, Сэм наклоняется вперед и указывает на красную землю. «Посмотри, что я вижу»,— говорит он.

Морж кивает головой. Это явные отпечатки человеческих ног в рыхлой земле.

«Поспешим назад и выведем судно в воду»,— предлагает Морж.

Они выходят из леса на опушку, поросшую кустарником, и оттуда смотрят в сторону лагеря. Оказывается, судно уже находится на некотором расстоянии от берега, а их товарищи ждут на борту. Примерно полсотни аборигенов направляются к судну со стороны мангрового болота.

Захватив пустую флягу, Сэм и Шкипер бегут через берег и бредут по воде к судну. Вил сидит у руля и люди приготовили весла.

«Подтягивайтесь, друзья, и давайте убираться отсюда»,— кричит Вил.

Но они слишком устали, слишком измотаны и просто не имеют сил, чтобы орудовать веслами. Морж оказывается рядом с Вилом, который достает ружье. Он велит Сэму быстро поднять парус. «Поднимайтесь на борт с веслами,— приказывает он и бросает Вильяму: — у нас только один патрон, так что погоди стрелять, если нет крайней необходимости».

Ветер сильно надувает парус, и судно подходит ближе к аборигенам, набирая достаточную скорость, чтобы повернуть его к ветру.

Они сразу замечают, что это совершенно другие люди, чем те, которых они встречали раньше на восточном побережье Новой Голландии. Они здоровее и крепче, а некоторые мужчины довольно полные. Их кожа угольно-черного цвета, и, кроме длинных копий, они вооружены луками со стрелами. «Надежда» теперь проходит так близко от них, что пущенные стрелы могут поразить находящихся на борту. «Приготовьтесь спрятаться внизу»,— кричит Морж, который сам укрывается на дне баркаса. Однако одну руку и большую часть плеча он вынужден поднять выше поручней и видит, что чернокожие аборигены устанавливают луки и натягивают их тетивы. Дождь стрел пронзительно свистит в воздухе и впивается в парус и корпус баркаса. Аборигены с громкими криками и воплями бредут по воде, пытаясь достичь судна.

«Надо разрядить мушкет?» — спрашивает Вильям, укрытый с головой под поручнями.

«Нет, давайте побережем последний выстрел до другого случая. Все же они не могут добраться до нас».

Некоторое время стрелы еще продолжают свистеть вокруг них, но постепенно ветер уносит «Надежду» далеко в бухту, и стрелы не долетают до них.

«Нельзя плыть дальше без пресной воды,— говорит Шкипер, когда они немного отходят от берега.— Мы просто умрем от жажды».

«Что же делать, как ты считаешь?» — спрашивает Джеймс Кокс.

«Нужно курсировать между островами, пока не найдем питьевую воду. Сейчас сухой сезон, и нельзя надеяться на дождь».

«Помни, у нас остался в ружье только один патрон и мы рискуем встретить других аборигенов».

«Лучше это, чем умереть от жажды»,— полагает Сэм.

Они соглашаются с Сэмом, и Шкипер начинает теперь вести судно против ветра, чтобы пройти дальше к югу. Они видят берег материка в одном месте, у южного входа в пролив Индевор, а к северу от них находится остров Принца Уэльского²⁵.

На его берегу под развевающимися кронами пальм находится первое поселение, которое они увидели за время долгого путешествия. В непосредственной близости от берега стоит десяток хижин, переплетенных корой и покрытых тем, что на расстоянии выглядит как трава, но на самом деле оказывается сплетенными пальмовыми листьями.

С большой осторожностью они гребут к берегу. К вечеру тени становятся длинными. Птицы гогочут, но, видимо, нет никаких следов пребывания людей, призрачный дух витает над хижинами.

«Может, они увидели «Надежду» и убежали в лес,— предполагает Аллен.— Может, им показалось что это ост-индская пиратская шхуна, охотящаяся за невольниками».

«Если есть поселение, есть и вода,— говорит Кокс.— Поэтому нам надо высадиться на берег. Сэм и Старик, вы берите одну флягу, а Вильям и Писатель — другую. Нат, ты прикрываешь их мушкетом. Батчер и Шкипер остаются на судне и держат его наготове для быстрого отплытия».

Они ставят судно на якорь недалеко от берега и бредут по воде с двумя флягами. Они осторожно подходят к ближайшей хижине. Кокс первый входит

внутри. Там нет ни души, и ее обитатели унесли с собой все съестное. Остальные хижины тоже покинуты.

Удивительно, что не заметно следов борьбы. Если жители были застигнуты врасплох охотниками за рабами, то, несомненно, должны были остаться следы сопротивления. Поэтому все указывает, что обитатели поселения только убежали в лес. Не исключено, что они скоро вернуться, вооруженные до зубов, обнаружат, как немногочисленные посетители и как легко одолеть их.

Впрочем, пресной воды здесь много. Они не отошли и нескольких шагов, как услышали желанный звук воды, струящейся из источника. В ста метрах от хижин, на опушке леса, вода сочится между двух больших камней.

«Если они затаились в засаде, то, скорее всего, у источника за камнями, а может быть, за деревьями»,— предполагает Аллен.

Нату ситуация не нравится. Сэм берет у него ружье и занимает оборонительную позицию напротив источника. «Следуй за мной и смотри, чтобы наполнить обе фляги водой,— говорит он.— Ведь мы не можем ждать здесь всю ночь».

Темнота вот-вот наступит, и это предоставляет аборигенам благоприятную возможность для внезапного нападения.

Кажется, проходит вечность, прежде чем вода наполнит обе фляги. Но все вокруг спокойно. Слышится только журчанье воды да гомон птиц в ветвях деревьев.

Мужчины проносят полные фляги воды между хижинами и направляются к стоящей у берега «Надежде». Отойдя на несколько морских миль от этого места, Морж бросает якорь у самого берега.

«Выходите на берег,— говорит он.— Давайте переночуем на берегу, и это, вероятно, будет наша последняя ночевка перед выходом в Арафурское море».

Сам он остается на судне. Остальные бредут, усталые, по воде и располагаются на отдых на песке, тогда как Сэм дежурит с ружьем.

3

Мэри будит товарищей криком как раз в тот момент, когда первые красные лучи солнца показываются на горизонте. Она отходит чуть подалеже от места ночевки туда, где берег изгибается и открывается вид к востоку, в район поселения, которое они посетили вчера днем. Между этим поселением и местом их ночевки у берега Мэри замечает две большие шлюпки-каное с выносными уключинами, в каждой сидит по 30 или 40 воинов. Каное движутся к ним. Мгновение Мэри стоит совершенно парализованная зрелищем, но затем приходит в себя и громко кричит, обращаясь к своим товарищам:

«Они движутся прямо к нам! Они плывут на больших каное. О господи, мы пропали!»

Все сразу просыпаются, поднимаются на ноги и бегут к судну. Сейчас раннее утро, и ветер еще не сильный.

«Если мы успеем уйти, то только если будем грести, друзья,— говорит Шкипер.— Хотя мы устали и обессилели, все же надо приналечь на весла так, чтобы кровь брызнула из-под ногтей. Иначе они съедят нас».

«Ты полагаешь, они людоеды?»

«Разумеется, людоеды! Только оглянись назад...»

Теперь, когда «Надежда» далеко отошла от берега, оба каное отчетливо видны. Это большие одномачтовые лодки с выносными уключинами для весел. У их носов пенится вода, и заметны всплески от сильных взмахов весел. Но каное еще довольно далеко, чтобы можно было разглядеть, как вооружены эти люди.

По мнению Шкипера, это жители южного берега Новой Гвинеи. «Может,

вы помните, что рассказывал голландский капитан? Этот берег населен охотниками за головами. Там мужчина может жениться, только если убьет другого мужчину и отрежет ему голову. А мясо убитого они едят, как мы едим свинину»²⁶.

До обоих каноэ пока еще больше одной морской мили. Расстояние неумолимо сокращается, хотя «ботаники» гребут изо всех сил.

«Впереди видна рябь на воде,— кричит Морж.— Если мы туда доберемся, ветер наполнит наш парус и появится надежда, что нам удастся ускользнуть от них. Поэтому гребите сильнее, друзья, Теперь речь идет о жизни».

Нат, всхлипывая, откидывается назад, но, прежде чем его весло падает в воду, Аллен вскакивает и занимает его место.

«У нас парус,— хнычет Нат.— Разве мы не поставим его? Эти каноэ плывут быстрее, чем «Надежда»».

«Но у нас есть ружье,— говорит Джеймс Кокс.— Не забывай об этом, Нат. Всякий раз, когда мы стреляли из него, аборигены нас боялись».

Каноэ подходят настолько близко к «Надежде», что можно разглядеть воинов. Оба ребенка, Мэри и теперь также Нат заползают под парусину, так как одного вида аборигенов достаточно, чтобы поползли мурашки по телу европейцев. Воины раскрашены с головы до ног длинными полосами красной глины, а лица вымазаны белой краской. Через носовые хрящи проткнуты кости, волосы на головах сбриты, и только совсем небольшие пучки оставлены на макушках. Они совсем нагие, не считая длинной тряпки над пахом и полоски коры вокруг живота, в которую воткнуты длинные острые бамбуковые ножи. Перед веслами на носках каноэ стоит десяток стрелков из луков в рост человека со столь же длинными стрелами. Они громко кричат, их высокие пронзительные визги заканчиваются странными трелями, похожими на вой. Во всяком случае, эти звуки обескураживают несчастных беглецов на маленьком баркасе.

Стрелки на носках каноэ уже начали пускать стрелы. Одна из них пущена с такой силой, что вонзается в корпус баркаса совсем недалеко от Моржа. Ее острие изготовлено из кости животного или человека и снабжено крючком.

«Вот теперь время для нашего последнего выстрела из мушкета,— говорит Шкипер.— Однако на этот раз, Сэм, ты не должен стрелять над их головами. Постарайся попасть в того, кто послал нам маленький костяной привет с крючком!»

Сэм прислоняется, насколько возможно, спиной к мачте и долго целится, прежде чем раздается выстрел. Никто не смог увидеть, поразил ли он цель. Видимо, выстрел не имел никакого результата, так как громкие визги усилились и каноэ подходят все ближе.

«Ставь парус, чтобы мы могли повернуть оверштаг,— ревет Морж.— Через несколько минут нас подхватит ветер».

Несколько мужчин почти готовы бросить весла. «Нет, черт вас подери, продолжайте грести или они настигнут нас, прежде чем ветер наполнит паруса!»

Воины поняли, что затевают чужаки. Они также водружают паруса на обоих каноэ. Но это два четырехугольных выдолбленных ствола, и чтобы выполнить такое намерение, надо прекратить грести. В то время как около половины воинов занято натягиванием парусов, другие пользуются возможностью, чтобы направить стрелы в «Надежду». Но там парус на месте, весла действуют вовсю, люди укрыты под поручнями. Корпус баркаса усеян стрелами и напоминает ежа, но никто из находящихся на нем не ранен.

Много часов каноэ преследуют маленькое судно, но ветер помогает беглецам, и незадолго перед тем, как земля почти исчезает за горизонтом, каноэ с воинами поворачивают обратно, а беглецы остаются одни среди огромного Арафурского моря.

Морж сидит, как часто прежде, у руля. Но теперь он ведет судно на запад через Арафурское море, на юге остается залив Карпентария, а на севере — Торресов пролив с Новой Гвинеей. Они плывут еще во время юго-восточного муссона; сзади дует сильный восточный ветер, который несет их вперед со скоростью около 10 узлов. Ветер быстро набирает мощь, и вот они снова скачут на могучих гребнях волн, чтобы через несколько секунд опуститься в волновые ложбины, окруженные со всех сторон громадами вод. Все же они не снимают парус в первую ночь, как обычно делали, плывя вдоль восточного берега Новой Голландии, они знают, что находятся перед тремя убийцами — морем, солнцем и ветром, но, только пользуясь каждым из них, достигнут своей заветной цели. Для этого надо использовать немногие дни, пока еще дует попутный ветер, потому что, когда появится встречный ветер, им придется только грести веслами и они безнадежно пропадут. Их баркас — маленькая точка в безбрежном море. Громадные волны подавляют крохотное судно. Однако они вынуждены преодолевать волны, если хотят выжить. Здесь требуется фантастическая бдительность: малейшая невнимательность рулевого — и предательское море наполнит судно такой массой воды, что будет невозможно вычерпать ее за борт, прежде чем очередная волна увеличит вес баркаса. Поэтому Шкипер пытается вести судно по гребням волн, уподобляя его скачущему всаднику, и это искусство периодически повторяющегося поддержания равновесия настолько его изматывает, что у него глаза вот-вот на лоб вылезут. Среди ночи сквозь шум волн он кричит Сэму, чтобы тот принял штурвал, и менее чем через минуту после того, как на его место заступает Сэм, Шкипер сваливается на дно судна, где плещется вода, и засыпает.

Дети и Мэри плакали и кричали от страха, когда большие волны перекатывались через борт «Надежды». Затем Вил завернул их в парусину, чтобы защитить от соленой морской воды. Но они соскользнули на дно баркаса и там промокли насквозь.

Следующим утром на востоке небо огненно-красное. Морж воспринимает это как знак того, что оттуда поднимается сильный ветер. Днем волны постепенно становятся все выше и круче. В ложбинах между волнами парус обвисает, но, когда тяжело нагруженное судно взбирается на гребни, ветер кричит и воет. Он гонит «Надежду» вперед неуверенными рывками, причем носовая часть судна угрожающе отклоняется от курса.

На третий день пути к западу от мыса Йорк обнаружилось, что всё здоровье, набранное на острове Черепахи, утрачено. Беглецы испытывают резкий упадок сил. Они смотрят друг на друга и озираются вокруг пустыми глазами, их лица отекли, а щеки впали. В таком состоянии некоторые с трудом осознают, что происходит вокруг. Дети лежат не двигаясь, Мэри не хочет распаковывать их из парусины. «Если маленький Эмануэль умрет, на то воля божья», — говорит она. Аллен тоже обнаруживает признаки религиозности впервые за все время путешествия. Он предлагает молиться за спасение души.

Остальные слишком слабы, чтобы ему ответить. Только у Сэма еще есть немного сил. «Что ты имеешь в виду под спасением, старый болтун?» — спрашивает он.

«Чтобы показался остров, где мы могли бы высадиться и отдохнуть».

«Остров! Разве ты не слышал, что сказал Шкипер. Здесь нет ни одного острова на пути к Тимору, и может пройти много дней, пока мы до него доберемся. Если это вообще свершится!»

Однако вечером неожиданно вырастает силуэт острова. Вскоре еще один и далее целый ряд.

«Впереди слева земля,— кричит Аллен.— Может, надо просить Сэма, чтобы он помог тебе».

Здесь нельзя использовать квадрант, но Шкипер считает, что это, возможно, острова Вессел и что они оказались немного южнее, чем он рассчитывал.

Мэри настаивает на высадке на острове. «Иначе умрут оба ребенка, Эмануэль и Шарлотта»,— рыдает она.

«Помнишь, голландец предупреждал против высадки в каком-либо месте к западу от мыса Йорк,— говорит Кокс,— ведь ты видела, что произошло в последний раз, когда мы пытались выйти на берег».

«Во имя господина, человек, ведь ты видишь, что двум невинным детям придется тут умереть».

«Но у нас больше нет возможности использовать мушкет,— продолжает Кокс свои возражения.— Его теперь вполне можно выбросить за борт». Он смотрит на Моржа, который чуть ли не падает от усталости.

«Я считаю, что надо рискнуть,— наконец говорит Шкипер.— Вряд ли возможно плыть дальше без отдыха, и, кроме того, надо немного пополнить запас питьевой воды, если ветер утихнет».

Кокс хочет знать, что будет, если муссон изменит направление, так как именно в эти дни обычно происходит перемена ветра, как он слышал от капитана Детмера Смита.

«Итак, мы не справляемся. Нам осталось пройти более 500 морских миль до Тимора, и ты, конечно, понимаешь, что мы вряд ли смогли бы прогresti 500 морских миль против ветра и течения. Нам остается только надеяться, что ветер с юго-востока продержится еще несколько дней».

Он переключает руль, поворачивает оверштаг и направляет маленькое судно к островам. Им удастся быстро найти бухту на одном из крайних внешних островов, который фактически не более чем скала. Однако здесь, по их мнению, наименьший риск встретить аборигенов. Сэм, самый выносливый из беглецов, бредет по воде с топором (так как теперь от ружья нет никакой пользы) и обследует участок мангровых зарослей, не найдя ничего подозрительного, он подает знак судну плыть к суше. Так как ни у кого нет сил искать воду, все они выбирают на участок сухого песка между илистыми отмелями и тут же погружаются в сон, оставив Сэма дежурить.

Большую часть следующего дня они проводят на берегу, но вечером, когда на небе скапливается много туч, Аллен внезапно отмечает, что погода скоро изменится. «Я чувствую это всеми суставами,— продолжает он.— Каждый раз при перемене погоды мое тело действует как барометр».

Опасаясь, что ветер переменится, они покидают берег незадолго до наступления темноты и плывут страшной штормовой ночью, держа курс прямо на запад. Теперь они в открытом море и снова должны бороться с волнами высотой с башню. Запас пресной воды почти на исходе, и осталось совсем немного копченой свинины.

Морж берет инициативу в свои руки. Он внимательно следит за состоянием моря, пытается уберечь судно от самых опасных волн и держать навстречу ветру парус среди хаоса водяных громад. Следующие двое суток они плывут таким образом, и Морж постоянно сидит у руля. Сэм неоднократно предлагает сместить его. Однако всякий раз Шкипер отвечает:

«В тот момент, когда покажется Тимор, руль будет в твоих руках, Сэм!»

Однако увидят ли они вообще Тимор? Не зашли ли они так далеко к югу, что могут и не заметить остров и пройти мимо него?

Джеймс Кокс высказывает такие опасения, но Морж успокаивает его. Совершенно очевидно, что они не следуют маршруту, обозначенному на карте Кука. Ведь голландец определенно говорил, что они обязательно увидят либо Тимор справа, либо гораздо меньший остров Роти слева.

В полдень этого же дня показывается солнце, и можно снова использовать квадрант. Шкипер тщательно измеряет высоту солнца и погружается в расчеты: «Если ветер удержится, мы увидим Тимор завтра утром»,— оповещает он.

Мэри оглядывает из-под парусины, где она лежит вместе с детьми. «Я не услышала?» — спрашивает она слабым голосом.

«Ты слышишь правильно, Мэри,— говорит Морж.— Ты веришь мне? Завтра увидишь Тимор».

«Мы сойдем завтра на берег, Шкипер?»

«Этого я еще не могу сказать. Наверняка только вокруг голландской фактории аборигены приручены. В горах они, возможно, такие же дикие, как и у мыса Йорк».

Мэри первая видит землю на следующее утро. Ветер значительно стих, но он постоянно дует с востока. Перед ними встают большие волны. Но внезапно Мэри кричит, словно застопорило форштевень, что она заметила остров.

Другие выражают сомнение, предполагая, что она приняла облака за землю.

Проходит полчаса. На этот раз Нат издает громкий крик радости.

«Я вижу землю,— кричит он.— Это совершенно точно, впереди земля».

Когда судно поднимается на гребень волны, они различают черную булавочную головку, которая в течение следующего часа вырастает еще больше и, наконец, принимает форму вытянутого гористого острова с пеленой облаков над высокими вершинами.

Это остров Тимор в Голландской Ост-Индии. Сегодня 3 июня 1791 года.

Через два дня, 5 июня 1791 года, задул ветер с запада. До берега остается всего две морские мили. Сэм садится у руля и приводит «Надежду» в факторию Купанг. За 69 суток они под парусами и на веслах преодолели расстояние в 3254 морские мили. Все живы, хотя и выбились из сил. Борясь за право стать свободными людьми, они совершили плавание на открытом баркасе через самые опасные акватории земного шара. Они никогда не чувствовали себя более свободными, чем в этот момент, когда радушные малайцы Купанга, мужчины, женщины и дети, задавая многочисленные вопросы, бегут навстречу им.

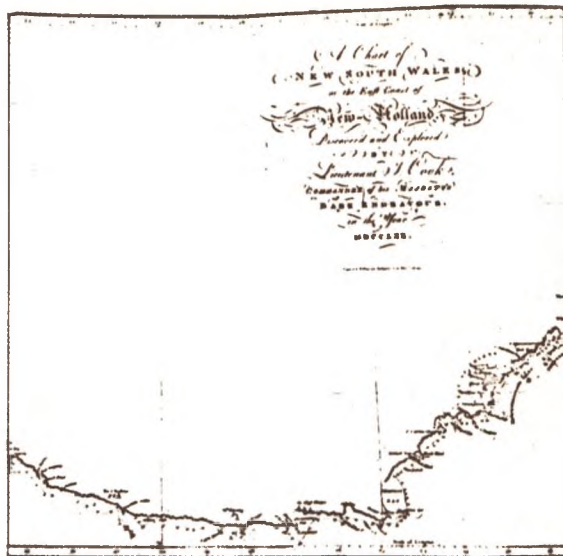
Примечания

²⁵ Привязка к местности довольно условна, поскольку дневник Мартина в этом месте неточен. Отметив, что они проплыли 9—10 миль от мыса Йорк, он сообщает: «Мы гребли дальше по заливу и высадились на материке, чтобы набрать воды; мы нашли много пресной воды; мы увидели небольшую группу хижин, около 20 из них как раз в том месте, где была пресная вода; ни в самих хижинах, ни вокруг них не было никого из обитателей; мы могли заметить, что эти хижины были достаточно просторны, чтобы там уместились в полный рост шесть-семь человек; они были сделаны из коры и покрыты травой» (сохранен стиль дневника Мартина).

²⁶ Вероятно, в каноэ находились воины племени аснат. Район на юго-западе Новой Гвинеи (в прошлом голландская колония, теперь входит в состав Индонезии) от реки Торпедобот на западе до реки Кути на востоке называется Казуаровым берегом. Там живут люди племени аснат, до сих пор известные как охотники за человеческими головами. Эти племена населяют обширные болотистые местности в низовьях рек, которые впадают в Арафурское море. Тамошные аборигены выкапывают деревья и кустарники в коренных лесах и сплавляют их во время прилива. В этих местах находятся самые густые в мире джунгли: тропа, прорубленная в дождевом тропическом лесу, зарастает за две недели. В ноябре 1961 года на Казуаровом берегу бесследно исчез молодой путешественник-первопроходец и этнограф Майкл Рокфеллер.

Глава 13

Купанг на острове Тимор в Голландской Ост-Индии.— Кокса и Вила принимает губернатор Ваньон.— Придуманная история о кораблекрушении.— Мэри и дети в больнице.— Шарлотта приобретает подружку по играм.— Беглецов разоблачают и отправляют в тюрьму.— Капитан Эдвард Эдвардс и потерпевшие кораблекрушение на «Пандоре».— Мятежники с «Баунти».— Тяжелые испытания в трюме «Пандоры».— Эдвардс заковывает «ботаников» в кандалы.

1

В голландской фактории Купанг на Тиморе правит губернатор минхер Тимотеус Ваньон. Он унаследовал пост от своего тестя Вильяма Адриана ван Эсте, который два года назад принял сходную группу потерпевших с корабля «Баунти», — капитана Вильяма Блая и его приверженцев, которых мятежники высадили на баркас у тихоокеанского острова Тофуа.

Купанг — это лишь маленький форпост огромной голландской колониальной империи в Ост-Индии, но в противоположность ее главному городу Батавии он считается здоровым местом для жизни людей потому, что на Тиморе муссон дует сильнее, чем на других островах, и может быть, также потому, что здесь в отличие от Батавии голландцами не были вырыты каналы, которые становились местами размножения москитов, а также бацилл и вирусов множества смертоносных тропических болезней. Практически все дома построены из дерева, и многие из них имеют открытые веранды. Голландская крепость — единственное строение из камня.

Джеймс Кокс и Вильям Брайент предстают перед губернатором Ваньоном. Оба они знают, что их судьба зависит от этого визита. Господин Ваньон, чья кровь струится в жилах многих молодых людей Купанга, — человек лет пятидесяти, облик которого носит отпечаток многолетнего пребывания в тропиках. Его круглое розовое лицо напоминает об эйдамерском сыре. Слезящиеся глаза смотрят на посетителей по обе стороны от курносого носа. Он несколько дней не брился. Манжеты его рубахи не отвечают голландскому идеалу чистоты, обшлага мундира обтрепаны, и видно, что он неделями его не чистит, но на губах Ваньона дружеская улыбка. Кокс и Вил сразу же ощущают, что он всячески готов им помочь.

«Добро пожаловать на Тимор, мои господа, — говорит он и указывает на поднос с тремя стаканами и кувшином. — Разрешите мне налить вам по стакану доброго голландского пива».

Кокс и Вил давно не пробовали ничего, что так хорошо пошло бы им на пользу. Но они замечают, что даже от нескольких глотков могут захмелеть.

Кокс отставляет свой стакан в сторону. «Очень любезно с вашей стороны, ваше превосходительство, — говорит он на чистом голландском языке, — но боюсь, что мы еще слишком слабы, чтобы по-настоящему насладиться этим».

Ваньон благосклонно кивает головой и говорит: «Вы знаете наш язык, госпо-

дин. Это, могу сказать, приятная неожиданность. Но прежде чем выслушать ваше сообщение, позвольте мне сказать, что оба ребенка и молодая женщина с вашего судна уже доставлены в наш небольшой, но отлично оборудованный госпиталь и что тех мужчин, которые этого захотят, тоже можно туда поместить».

Джеймс Кокс рассказывает губернатору Ваньону следующую историю. Они группа американцев, потерпевших кораблекрушение. Они плыли на китобойной шхуне «Нептун» из Бостона, направляясь в Порт-Джексон в надежде купить там провиант. Ночью их корабль наскочил на риф, и только одиннадцать человек уцелели в спасательной лодке. Более подробно сказать, как и где произошло несчастье, они не могут.

«Вы были на борту суперкарго²⁷, минхер? — спрашивает Ваньон. — Но спасся ли какой-нибудь сведущий в навигации офицер?»

«Нет, к сожалению, ваше превосходительство, все они утонули. Но к счастью, наш боцман господин Вилберфорс умеет пользоваться квадрантом, и благодаря ему нам удалось добраться сюда».

«Но ведь у вас была какая-нибудь навигационная карта?»

Джеймс Кокс следит за своей речью. Много раз, когда усталость не слишком одолевала их, они прорабатывали эту вымышленную историю во всевозможных деталях и тщательно заучили свои новые имена. Нельзя было признавать, что они пользовались копией, снятой с составленной капитаном Куком карты восточного берега Новой Голландии, поскольку вряд ли вероятно, чтобы на американском китобойном судне оказалась такая карта.

«Нет, ваше превосходительство, у нас не было никаких карт, но Вилберфорс слышал о Торресовом проливе и Арафурском море от одного голландца, которого он встречал в Бостоне».

Явно заметно, что это объяснение далеко не удовлетворительное. Однако ничего не поделаешь, и Ваньону приходится принять его.

Он медленно наливает себе еще стакан пива.

«Вы не взяли с собой вахтенный журнал, суперкарго?»

«К сожалению, он утонул вместе с капитаном, минхер».

«А кто эта женщина с двумя детьми? Разве принято возить женщину с детьми на американском китобойце? По правде говоря, я полагал, что промысел китов очень тяжелая работа».

«Это, конечно, правда, ваше превосходительство. Но господин и госпожа Вильям Джонс с двумя маленькими детьми ждали судно в Вальпарайсо и скорее предпочли бы совершить путешествие по Южному океану, чем оставаться на день дольше в испанском Чили».

Эту историю выдумал Шкипер, знавший, что некоторые американцы ищут возможность добраться на корабле из Чили на родину, в Северную Америку.

Хотя голландский губернатор и отмечает некоторые сомнения в правдоподобности истории, преподнесенной Джеймсом Коксом, он не подает и виду. Вместо этого он задает вопрос:

«Куда вы намереваетесь отправиться отсюда?»

Здесь они единодушно отвечают: «В Бостон в Северной Америке».

«К сожалению, к нам не заходит ни один американский корабль, — разъясняет губернатор. — Однако поддерживается сообщение из Батавии к западу от Новой Голландии и далее в Порт-Джексон, где, как я понимаю, англичане собираются создавать колонию». Он выпивает второй стакан пива и дружески улыбается Джеймсу. «Я уверен, что в будущем американские суда тоже будут заходить в Порт-Джексон. Да я тоже имею долю в небольшом судне, которое называется «Ваксамхейд». В настоящее время оно зафрахтовано англичанами, но через некоторое время вернется в Ост-Индию. И я знаю, что оно должно идти в Порт-Джексон. Вероятно, из Батавии можно будет перевезти вас и ва-

ших спутников в Порт-Джексон на «Ваксамхейде». Я охотно выясню это для вас, господин».

Каждый раз, когда толстый голландец упоминал слово «Порт-Джексон», не говоря о «Ваксамхейде», Джеймса передергивало. Надо только надеяться, что Ваньон не обратил на это внимание. Он вежливо отвечает: «Это действительно весьма любезно с вашей стороны, ваше превосходительство, но вы предоставьте нам возможность передохнуть несколько дней в Купанге, прежде чем мы примем решение по поводу дальнейшего путешествия».

«Разумеется, мой друг, с большой радостью. Я предоставлю в ваше распоряжение дом, и будьте уверены, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы сделать приятным пребывание здесь для вас и ваших товарищей по несчастью».

«К сожалению, мне не удалось захватить с собой судовую кассу, и мы не можем оплатить вашей милости расходы, пока не вернемся в Америку».

«Не думайте об этом, мой друг. Будьте вместо этого рады, что всевышний милостиво позволил вам перенести кораблекрушение и благополучно направил вас сюда». Губернатор поворачивается к Вильяму Брайенту, который держался молча во время беседы, и просит его на правильном английском языке пожелать жене и детям скорейшего выздоровления. «Могу сказать, что у нас хороший маленький госпиталь здесь, в Купанге,— добавляет он,— и я уверен, что наш замечательный молодой врач сделает все, чтобы поставить на ноги вашу жену и детей».

2

И вот они живут, как графы и бароны, в скромном, но удобном госпитале Купанга, где молодой доктор Ройтен всячески стремится помочь им. В первые дни Мэри с трудом осознает, что она и дети спасены. Она лежит на широкой удобной постели на чистых белых простынях, рядом с ней дети, и за ней ухаживают любезные девушки-малайки. Им приносят все лучшее и самое вкусное, что можно достать: взбитые сливки с яйцами, свежее испеченный хлеб с толстым слоем масла. Ви́ла поместили в той же комнате на такую же большую кровать, ему и остальным мужчинам подают сочное жаркое и иногда стакан портерного пива.

Уже через несколько дней после их прибытия маленькая Шарлотта обзавелась подругами-сверстницами из малайского населения, но даже дочь голландского казначея господина Росета, четырехлетняя Маритье, тоже часто приходит в госпиталь поиграть с ней или пригласить ее в свой дом, откуда она возвращается с шоколадом и апельсинами.

Мэри никогда раньше не пробовала апельсинов, и ее дочери приходится показать ей, как их очищают перед едой. В то время как Шарлотта расправляется с ними, Мэри сидит на кровати и крупные слезы каплют на белую простынь.

«Ну какого черта ты плачешь?» — спрашивает ее муж.

Проходит довольно много времени, прежде чем Мэри отвечает ему, дождавшись, когда Шарлотта выходит из комнаты. Девочка не должна слышать, о чем говорят родители, чтобы не разносить этого дальше. Хотя здесь никто из малайцев не знает английский язык и только некоторые голландцы понимают по-английски, оба языка все же довольно близки и частично смысл легко уловить, поэтому многие из беглецов высказывают опасения по поводу общения Шарлотты с Маритье.

«Я плачу, потому что нам надо убираться отсюда,— всхлипывает Мэри.— Здесь Шарлотта счастлива, и ее как равную принимают в компанию других европейских детей. Здесь также было бы хорошее место для воспитания Эмануэля. Он мог бы стать шкипером на какой-нибудь шхуне, совершающей рейсы между островами. Он белый мальчик, Вильям, и здесь с ним не будут обращаться так, как на родине, в Корнуолле, где уважают только тех, кто богат

или имеет титул. Когда нашему мальчику исполнится семь-восемь лет, его отправят на шахту, а Шарлотту попытаются приставить к вязальной машине. Не дай бог, если ей выпадет такая же горькая участь, как мне». И она снова начинает рыдать.

Вильям не вполне понимает, но сознает, что предоставить жене столько, сколько она ожидает от жизни, ему будет трудно, если не сказать невозможно. Он часто говорит с товарищами о том, как они представляют себе свою жизнь в будущем. Нет сомнений в том, что им придется совершить путешествие на голландском корабле из Купанга в Батавию, однако во что бы то ни стало надо избежать путешествия из Батавии в Англию на британском корабле. Джеймс Кокс осторожно расспрашивает казначея Бернхарда Росета о том, суда каких стран заходят в Батавию, и впервые из этого разговора «ботаники» узнают, что в Европе назревает война. Время от времени в Батавию заходит американская китобойная или тюленебойная шхуна, и это их единственный шанс, по мнению Кокса. «Мы должны выбраться в Северную Америку,— говорит он.— Свободные штаты — это совсем новый мир, и там все равно, богат ты или беден, умеешь ли ты читать и писать, лишь бы ты мог трудиться. Свободные штаты — вот что станет нашим раем, друзья».

Вил пересказывает Мэри слова Джеймса Кокса, но она только плачет и вздыхает. Он не знает, как ее успокоить, но просит Джеймса навестить ее, чтобы, по его выражению, «образумить жену».

Джеймс Кокс садится на край постели и берет ее за руки.

«Мэри, что с тобой? — спрашивает он.— В опасном путешествии из того места, с которым ты достаточно хорошо знакома, ты была самой выносливой из всех нас, а теперь ты совсем раскисла. Скажи мне, что с тобой?»

Вначале Мэри только плачет, но постепенно обретает голос. Она боится, что будет с детьми.

«Почему ты беспокоишься за детей?»

«Если мы уедем отсюда, Шарлотта и Эмануэль умрут».

«Но откуда у тебя возникла эта зловещая мысль, Мэри?»

Этого Мэри не говорит. Она продолжает причитать: «Я это знаю! Я это знаю!»

«Мэри, утри слезы и взгляни на меня,— говорит Джеймс.— Если мы не улизнем отсюда и останемся здесь жить в течение долгого времени, мы рискуем, что сюда зайдет судно из того места, куда мы меньше всего в мире хотим попасть. Мы беглые каторжники, Мэри (эти слова он шепчет ей на ухо), а это значит, что нас, во всяком случае нас, мужчин, повесят на реях через 24 часа после того, как схватят. Наш добрый толстый друг здесь в колонии не может ничем помочь, даже если бы он наверняка этого хотел. Тогда, может, тебя как женщину помилуют, но во всех случаях непременно отправят обратно в... да, ты сама знаешь куда. И как ты понимаешь, что тогда будет с Шарлоттой и Эмануэлем? Их отправят с тобой в кандалах? Скорее всего, их отнимут у тебя и отдадут на воспитание жене какого-нибудь солдата. Бог дает детей, но он посылает также горести».

Мэри снова рыдает. «Единственное, чего я желаю,— всхлипывает она,— это прожить остаток жизни в том месте, где моих детей считают такими же хорошими, как детей всех других людей. Здесь, в Купанге, Шарлотта играет с Маритье, дочерью казначея Росета, и входит в компанию детей губернатора Ваньона и врача Ройтена. Здесь она и Эмануэль имеют такие же возможности в жизни, как дети минхера Росета и минхера Ваньона, но в Корнуолле дочь рыбака Вильяма Брайента относится к совершенно иному сословию, чем ее сверстница, дочь лорда Эштона. И ты веришь, по правде говоря, что все обстоит иначе в Североамериканских свободных штатах, которые ты так усердно восхваляешь?»

Однажды губернатор Ваньон навещает Мэри в госпитале. Она приходит в себя

Blue-faced Parrot (Lamprolaima melanops)

Австралию называют страной уникальных экзотических животных, потому что большинство тамошних видов не встречаются на других материках. Среди млекопитающих особенно выделяются сумчатые и яйцекладущие. Помимо хорошо известных кенгуру, коала и утконоса, водятся столь же необычные по внешнему облику и поведению животные, которых знают гораздо меньше. Это поссум, вомбат, ехидна, сумчатая белка, летающие сумчатые мыши и др. Столь же своеобразна фауна птиц. Здесь самая знаменитая — эму высотой до 1,5—1,8 м, которая в беге развивает скорость до 50 км/час. Из 55 видов попугаев Австралии 48 — эндемики. Некоторые австралийские попугаи блестяще воспроизводят человеческую речь. Необычайно специфичны земноводные и пресмыкающиеся этого материка. Помимо пресноводного крокодила Джонсона (длиной до 3 м), встречается большой гребнистый крокодил (длиной до 10 м). Имеется опыт выращивания крокодилов на фермах с целью экспорта кожи этих животных.

Vulpine Opossum [brush-tailed possum]

Слева сверху — Синегорный попугай

Слева в середине — Пятнистая сумчатая куница

Слева внизу — Кенгуру

Справа в левом верхнем углу — Щеткохвост, или лисовидный поссум

Справа в правом верхнем углу — Австралийский крапивник

Справа в середине — Варан

Справа внизу — Эму

после тягот путешествия и лежит в чистой постели с несколькими подушками за спиной, рядом с ней ее дети. Видно, что это красивая и привлекательная молодая женщина.

«Ну, госпожа Джонс, как ваши дела? — спрашивает толстяк губернатор и протягивает ей горшочек меда. — Это от наших пчел».

«Благодарю, ваше превосходительство, мне никогда в жизни не было так хорошо, как теперь». И говоря эти слова, Мэри Брайент нисколько не преувеличивает. «Я чувствую себя, словно очутилась в раю».

«О, полноте, мы смогли сделать так мало после всех несчастий, которые перенесли вы и ваши дети».

Внезапно Мэри не может сдержать слезы. Она громко всхлипывает. Ваньон берет ее руку и тихо похлопывает ее. «Ну, ну, госпожа Джонс, успокойтесь».

Она наклоняется к нему: «Ваше превосходительство, — почти кричит она, — разрешите моим детям и мне остаться немного подольше в Купанге. Я так боюсь, что с нами будет, когда мы отсюда уедем».

«Разумеется, госпожа Джонс. Я хорошо понимаю, что требуется время, чтобы прийти в себя. Никто не будет торопить вас, я обещаю вам это как губернатор острова Тимор».

Мысль остаться в Купанге захватывает Мэри. Когда беглецы пришли в себя и покинули госпиталь, им было предоставлено жилище на окраине города. Как все другие деревянные дома на Тиморе, их дом окружен большой открытой верандой, где установлены гамаки и много удобных шезлонгов из бамбука. Джеймс Кокс продал баркас со всеми принадлежностями, кроме фляг, может, из опасения, что покупатель обнаружит, что эти предметы происходят из Ботани-Бея. Мушкет они сами выбросили за борт еще до высадки на острове. Некоторые мужчины получили работу по обработке табака, другие помогают, где могут. Джеймс Кокс собирает суммы, которые они зарабатывают, и платит большую часть их казначею Росету как плату за дом. На остальные деньги они покупают продукты.

«Вы сами видите, что мы не откладываем ничего впрок, — говорит Мэри. — Разве мы не должны просить Ваньона, чтобы он разрешил нам пожить здесь?»

«Если мы это сделаем, нам придется также рассказать ему, откуда мы прибыли и почему убежали», — говорит Кокс.

«И ты думаешь, он посадит нас в тюрьму и выдаст, если придет английский военный корабль?»

«В этом нет никакого сомнения. — Кокс говорит это убежденно. — Я это уже говорил тебе раньше, Мэри. Может, сам он и не желает этого. Но таков его долг как губернатора. И если выяснится, что он этого не сделал, то, вероятно, его отстранят с поста губернатора».

Утром приходит с визитом господин Росет с дочерью, чтобы спросить, не пойдет ли Шарлотта к ним домой поиграть с Маритье. «Я рад, что девочки так хорошо играют вместе, — говорит он, — так как Маритье при этом обучается английскому языку».

Батчер и Нат присутствуют при этом разговоре, и, когда Росет уходит с обеими девочками, они нападают на Мэри: «Ты подумала, какому риску подвергаешь нас, разрешая Мэри обучать Маритье английскому языку? Ты не думаешь о том, что она невольно проговорится и Росет узнает, кто мы такие. Наверняка, обещаю тебе, для нас это кончится плачевно».

Мэри вспыхивает. «Никто не должен решать, с кем играть Шарлотте, — кричит она. — У нее никогда в жизни не было товарищей по играм. Она и Маритье имеют право быть вместе, если для этого есть возможность».

Прибегает Вильям. «Прекрати болтать чепуху, — кричит он и отвешивает ей здоровенную оплеуху. — Ты принесешь нам всем несчастье своей неосторожностью».

Вильям не совсем трезв, и то же относится к Нату и Батчеру, поскольку они тоже начали успокаивать свои нервы крепкой голландской можжевелевой водкой, которую здесь совсем нетрудно раздобыть. Единодушие, присущее им во время плавания от Порт-Джексона до Тимора, начинает исчезать. Теперь Вильям Брайент, может быть, чувствует, что он стоит на пути своей жены. На следующий день Мэри посещает с Эмануэлем и Шарлоттой голландских чиновников. Эмануэль немного мучится от кожной болезни, которая поражает большинство детей в колонии, и поэтому Мэри должна несколько раз в неделю приводить мальчика в госпиталь, где доктор Ройтен смазывает его тело мазью. Из госпиталя она обычно идет с доктором Ройтеном в дом казначея Росета, где Шарлотта и Маритье играют всю вторую половину дня. И здесь она также часто встречает Джеймса Мартина, который подружился с Росетом. Она и раньше знала, что Писатель хорошо играет в шахматы, но теперь она открывает еще один из его талантов. Вместе с Росетом он играет на флейте и обучает голландского друга ирландским народным мелодиям.

Вильям Брайент брюзжит и на Мартина: «Ты, наверное, полагаешь, что ты лучше нас остальных, потому что играешь на флейте с этим жирным казначеем,— говорит он однажды, сильно напившись.— Тебя и Мэри голландцы пошлют ко всем чертям, если узнают, кто вы такие. Уверяю тебя, что они не захотят с вами общаться».

«Почему тебе не нравится, что твоей жене и детям хорошо и что с ними обращаются как с приличными людьми? — спрашивает Мартин.— И чем смущает тебя то, что я играю на флейте с Росетом? Ты бы лучше чуть поменьше пил, Вил, чтобы не причинить всем нам неприятности!»

Пьяный Вильям отвечает басом: «Ты можешь не верить, но я заметил, что молодой потрошитель трупов мечтает забраться в постель к Мэри. Поэтому она и не хочет уезжать из этой проклятой дыры».

«Иди выпипись, Вил, и больше не лезь с глупыми придирками».

Однажды вечером, ровно через два месяца и три дня после прибытия в Купанг, доктор Ройтен приводит Мэри и двух детей в дом, где расквартированы беглецы. Пьяный Вильям появляется, шатаясь, на веранде и набрасывается на молодого врача с руганью за то, что он «бегает за Мэри». Ройтен улыбается Мэри, сердечно прощается с детьми и исчезает в темноте ночи. Вильям следует за ним, и все остальные ничего не слышат о нем до следующего утра, когда его приводят два солдата и унтер-офицер, который просит Джеймса Кокса немедленно явиться к губернатору.

В конторе Ваньона находятся также доктор Ройтен и казначей Росет.

Губернатор принимает Джеймса любезно, подает ему руку и просит садиться. «Да, я пригласил вас по прискорбному случаю»,— говорит он. Джеймс сразу замечает, что любезный минхер вне себя. «Но теперь я знаю, что вашего товарища на самом деле зовут Вильям Брайент и он беглый каторжник из Ботани-Бея. Он рассказал все о побеге своей жены, детей и их товарищей. Поэтому я прошу ответить начистоту: как вас зовут?»

«Джеймс Кокс, ваше превосходительство».

«И за что вас наказали, Кокс?»

«Я был гранильщиком алмазов и пытался украсть бриллиант. Но это обнаружилось, как понимаете, ваше превосходительство». Джеймс произнес это сдержанно, несколько небрежным тоном.

Ваньон улыбается: «Значит, поэтому вы так хорошо говорите по-голландски?»

«Да, ваша милость. Я работал два года в чудесном городе Амстердаме. Я хотел бы поселиться там опять». Он любезно кланяется губернатору. «Но теперь для этого потребуются какое-то время».

«Наверняка, Кокс».

Слуга-малаец входит с можжевелевой водкой и рюмками. Ваньон медленно разливает всем, включая и Джеймса, и, довольно дружелюбно улыбаясь, пьет с ними. Немного погодя он говорит: «Я обсуждал дело здесь с моими друзьями, и вам надо понять, Кокс, что я, очевидно, обязан арестовать вас и вашу компанию. Это мой долг как губернатора. Однако вы много перенесли, я прежде всего имею в виду Мэри и детей, так что мы сделаем тюремное заключение возможно более мягким. Вы должны сегодня днем позаботиться о том, чтобы переселиться в три комнаты, которые я предоставляю в ваше распоряжение в крепости. За ее пределы вы можете свободно выходить, куда хотите, но только по двое, и каждый вечер перед заходом солнца вы должны быть в своей квартире. Мэри и дети могут передвигаться свободно».

«Спасибо, ваше превосходительство,— говорит Джеймс,— но позвольте мне задать вопрос, который имеет для нас наибольшее значение. Что с нами будет? Кому вы нас выдадите?»

«Об этом мы тоже говорили,— отвечает Ваньон,— и если бы вы постоянно делали вид, что вы потерпевшие крушение с американского китобойного судна, мы бы выполнили обещание, данное вам, но ваш сердитый приятель разоблачил вас вчера вечером. Если сверх всяких ожиданий на Тимор вдруг зайдет американский корабль, мы попытаемся отправить вас на его борт, закрыв глаза на то, что знаем о вас. Но учитывая сведения, сообщенные Брайентом, я вынужден как губернатор выдать вас британскому военному кораблю, если он первый зайдет на Тимор».

«С первым кораблем, который придет в Купанг, мы должны, следовательно, уехать, ваше превосходительство?»

«Да, с первым же кораблем. Ничего иного я не могу поделать,— говорит Ваньон.— Я и так полагаю, что зашел слишком далеко».

«От имени моих товарищей я глубоко благодарю вас, ваше превосходительство, и наша благодарность относится также к другим господам. Что бы с нами ни произошло, мы никогда не забудем время, которое провели здесь, на Тиморе».

«Какое наказание ожидает вас, если вас выдадут англичанам?» — спрашивает казначей Росет.

«Смертная казнь, минхер, через повешение на одной из мачт корабля».

«Но надо надеяться, что американское китобойное судно собьется с курса и зайдет на Тимор», — завершает беседу Ваньон.

В тот же день «ботаники» перебираются в крепость. Вильям продолжает пить²⁸.

3

Почти точно на два года ранее этих событий лейтенант Вильям Блай с частью команды, которая осталась преданной ему после восстания на королевском корабле «Баунти», добрался до Купанга в почти таком же жалком состоянии, как беглецы из Ботани-Бея, и был отправлен из Батавии в Англию. Адмиралтейство немедленно снарядило корабль «Пандора», фрегат с 24 пушками и командой из 160 человек, и направило его в определенную часть Тихого океана, чтобы найти «Баунти», захватить его и привезти обратно мятежников, чтобы они предстали перед судом. Командование «Пандорой» было вверено капитану Эдварду Эдвардсу, в то время, наверное, самому ретивому поборнику жесточайшей дисциплины на судах военно-морского флота, известному своей надменностью и презрением к каждому, имевшему более низкий чин, чем у него. Он отплыл из Спитхеда, напутствуемый пророчеством Блая, который неоднократно говорил своему родственнику, пастору Джеймсу Блаю: «Эдвардс никогда не вернется, потому что не знает условий навигации в проливе Индевор».

Плаванию «Пандоры» суждено было стать в этом отношении столь же трагическим, что и экспедиции на «Баунти». На Таити, куда корабль добрался без трудностей, были задержаны как мятежники, так и те, кто не по своей воле оказался замешанным в бунте; всех их заковали в кандалы. Эти моряки оставались на Таити, поскольку не хотели оторваться от сладкой жизни с островитянками-вахинами. Поскольку Эдвардс опасался, что арестованные мятежники могут заразить его команду крамольными мыслями, он построил на юте деревянный загон овальной формы, размером 3,5 на 5,5 метра. В этой клетке, которая получила название «шкатулка Пандоры», четырнадцать человек постоянно находились под жарким солнцем, они должны были там есть, пить, спать и отправлять естественные потребности. Один из заключенных, боцман Моррисон, оставил дневник этого ужасного путешествия. О «шкатулке Пандоры» он писал, что «в тихую погоду там было так жарко, что пот лил градом и быстро развивались разные паразиты; койки были очень грязные, так как, ложась на них, мы наполняли их паразитами, и этого можно было избежать, только если мы укладывались нагишом на голые доски, что было единственным спасением. Бывало и хуже, потому что, когда несчастные беспокойно вертелись в наручниках и кандалах томительно жаркой тихоокеанской ночью и одному из них (Мак-Интошу) удалось освободить ногу из кандалов, вахтенный офицер это заметил, и было проведено обследование, после которого цепи были сделаны уже, чтобы сидеть неподвижно, и первый лейтенант мистер Ларкин испытывал наручники, ставя ногу на наши груди и стаскивая наручники с наших рук изо всей силы. У некоторых была содрана кожа, и всем, у кого наручники стаскивались, были сделаны меньшие наручники, которые закрывались так плотно, что не было никакой возможности повернуть в них руки, и, так как наши руки отекали, он сказал, что и не предполагалось, что наручники должны подходить как перчатки».

В течение четырех месяцев суровый капитан бесцельно курсировал по Тихому океану, но не нашел никаких следов исчезнувшего «Баунти» и находившейся на нем основной группы мятежников. Он не следовал какому-то методическому плану. В то время как он двигался на запад, как раз противоположно направлению убежища оставшихся на воле мятежников на острове Питкэрн, 13 августа 1791 года он заметил гористый остров, покрытый лесом, на северо-западе. Но к этому времени Эдвардс утомился и не проявил никакого интереса. «Мы весьма отчетливо видели дым,— отмечал он в вахтенном журнале,— поэтому можно предполагать, что остров обитаем». На этот раз он не попытался обследовать эти признаки, которые несколькими месяцами раньше пробудили бы у него глубочайшее подозрение. А в это время на его уходящий корабль были устремлены взгляды, преисполненные отчаяния: столбы дыма были сигналами потерпевших бедствие. На берегу острова лежал разбитый корпус французского фрегата «Буссоль», а на большой глубине вне видимости с моря — корпус «Астролябии», двух французских судов, которые капитан Филипп встретил в заливе Ботани, когда прибыл туда с первой флотилией. Там же, на берегу острова, находились останки экспедиции Лаперуза.

Эдвард Эдвардс теперь направлялся на родину. 28 августа «Пандора» подошла к Большому Барьерному рифу. Лишенный воображения, Эдвардс повел корабль прямо на этот неведомый риф в полной темноте. Раздался скрипучий треск, фрегат медленно развернулся под полным парусом и попал прямо в прибой. Затем внезапно он быстро накренился, и несчастные люди, которые лежали закованные в цепи в «шкатулке Пандоры», ожидали, что судно вот-вот перевернется. Они отчаянно пытались освободиться от своих оков, что, разумеется, было невозможно. Через четверть часа трюм наполнился водой на два с половиной метра, и только риф удерживал корабль на поверхности.

Находившийся на борту врач Гамильтон и закованный в цепи арестант

Моррисон (который не был причастен к мятежу) оба описали создавшееся положение. «В этой критической ситуации,— читаем у Гамильтона,— задул очень сильный ветер и корабль так сильно накренился в сторону скал, что мы ожидали, что каждую минуту он разобьется в щепки. Была невероятно темная бурная ночь, и страх смерти преследовал нас всюду, так как мы были со всех сторон окружены скалами, отмелями и бурлящей водой». В дневнике Моррисона описывается раскачивающийся ад в «шкатулке Пандоры», где лежали закованные в оковы в полной темноте при грохоте пушек, которые сорвались со своих мест и раскатывались по палубе, и гремящий звук обрушивающихся мачт и стропил. Эдвардс, должно быть, знал, что по крайней мере некоторые из них вовсе не были мятежниками, но это ему было безразлично. Кое-кому из них ценой отчаянных усилий все же удалось освободиться от кандалов. «Но к нам подвели больше стражников с приказанием стрелять, если мы будем шевелиться, и караульный начальник сказал, что капитан распорядился застрелить или повесить любого, кто еще попытается снять цепи. Мы отделились тогда на волю божью, улеглись и на время забыли наше жалкое положение; мы могли бы слышать, как офицеры хлопотливо руководили погрузкой своих вещей в шлюпки, которые были спущены на воду за кормой, и слышали, как некоторые матросы на палубе говорили: «Черт меня возьми, если они не собираются отправиться без нас». Это заставило некоторых из нас вздрогнуть, и, когда железо зазвенело, караульный начальник сказал: «Стреляйте в этих собак». Так как он как раз прицелился через окно бойницы, я сказал ему: «Ради бога, не стреляйте. В чем дело? Никто здесь не двигается». В утренние часы «вода быстрее подступала к пушечным лафетам, чем насосы могли ее откачивать,— писал Гамильтон.— Теперь корабль очень сильно накренился, настолько, что почти лежал на одном боку». В этой ужасной тюрьме лежали мятежники и невинные, и тогда стражникам удалось освободить некоторых из них от кандалов и взять их в одну из шлюпок, когда корабль затонул. Они постоянно носили наручники, и трудно представить себе, как им удалось преодолеть бурное море на одной шлюпке.

Далее последовало страшное путешествие на четырех шлюпках от Большого Барьерного рифа через Торресов пролив и Арафурское море в надежде добраться до Тимора в Ост-Индии — такое же путешествие, которое проделал Блай и после него «ботаники».

С мятежниками обращались хуже, чем с собаками; хотя они должны были принимать участие в гребле, но получали меньше пищи и воды, чем офицеры и команда. «В то время как я греб и разговаривал с Мак-Интошем,— писал Моррисон,— капитан Эдвардс вызвал меня на корму и без всякого повода распорядился отхлестать меня веревкой, привязав ко дну шлюпки, и Эллисон, который лежал и спал на дне шлюпки, получил такое же наказание. Я попытался спросить, что я совершил, отчего со мной обошлись так жестоко, но в ответ я только получил: «Успокойся, ты, бандит, разве ты не арестант? Ты пиратская собака, как ты можешь рассчитывать на лучшее обращение?» Тогда я сказал ему, что позорно для капитана британского военного корабля обращаться с арестованными так бесчеловечно, отчего он пришел в буйное бешенство, схватил пистолет, лежавший на банке, и угрожал пристрелить меня. Я еще пытался что-то сказать, на что он ответил: «Видит бог, если ты произнесешь еще хоть одно слово, я вздерну тебя на лаггине». Я понял, что он не хочет ничего слышать. У меня во рту все пересохло, так что я едва мог ворочать языком. Мне пришлось замолчать и уйти в себя. После этого меня связали так, что я не мог пошевелиться».

15 сентября четыре открытые шлюпки, забрызганные пятнами морской соли, прибывают в Купанг, и капитана Эдварда Эдвардса принимает любезный губернатор Тимотеус Ваньон, который считает необходимым сообщить об одиннадцати англичанах, находящихся в крепости.

Эдвардс не тратит много времени на поиск «ботаников». Его сопровождают четыре морских пехотинца и два унтер-офицера.

«Встать!» — ревет один из унтер-офицеров, когда Эдвардс входит в то помещение в крепости, которое предоставили беглецам.

«Я знаю, кто вы такие,— говорит низкорослый напыщенный капитан,— и побег вам дорого обойдется. Я считаю, что вы знаете, как наказывают за побег из тюрем его величества. Вас надо рассматривать как дезертиров. Вы, мужчины, будете повешены сразу же, как только я получу командование на корабле. Арестантка с детьми будет при первой возможности отправлена обратно в Ботани-Бей».

«Мы имеем право предстать перед судом в Англии, прежде чем нас осудят»,— говорит Джеймс Кокс.

«Унтер-канонир! Заткни глотку проклятому ворюге!» — кричит Эдвардс.

Один из унтер-офицеров подбегает и наотмашь бьет Джеймса Кокса по лицу.

Капитан Эдвард Эдвардс заключает договор с губернатором Ваньоном, что он без предварительного осмотра фрахтует голландское судно «Рембанг», прибытие которого ожидается в Купанге в скором времени. Для бывшего шефа «Пандоры» необходимо как можно быстрее отправить в Англию своих офицеров и команду, а также мятежников с «Баунти» и каторжников из Ботани-Бея.

Через два дня бриг «Рембанг» стоит на рейде Купанга. Это судно, грузоподъемностью несколько сотен тонн, оборудовано средней палубой на две трети длины судна, но без иллюминаторов или других отверстий, которые могут обеспечить доступ свежего воздуха и вентиляцию, кроме обычного люка, который с палубы ведет вниз в это продолговатое темное помещение, находящееся поблизости от зловонного трюма. Здесь в воде выводятся малярийные комары, здесь очаг дизентерии, которая через несколько дней распространяется среди мятежников и каторжников, которых пригоняют сюда вниз, скованных вместе так называемым бильбоэ — кривыми железными цепями, которыми наказывают сбежавших невольников; не только руки скованы короткой цепью, но между выступами на лодыжках прилажен примерно полуметровой длины железный штырь, из-за которого узник лишен возможности передвигаться. Орудия пытки дополняются железным штырем между ногами и руками, так что несчастный должен сидеть все время с согнутой спиной.

Голландский капитан Дальберг позволяет себе переспросить коллегу капитана Эдвардса, нельзя ли создать иные условия содержания в пути для молодой английской женщины, путешествующей с двумя маленькими детьми, на что Эдвардс грубо ответил: «Они бежали на одном баркасе, пусть все они будут вместе и на этом корабле».

Дальберг высказывает также сомнения в том, может ли «Рембанг» захватить достаточный запас пресной воды для стольких людей, но Эдвардс снова отделяется от него. «Послушайте, мой добрый капитан,— говорит он,— моя команда и офицеры предвидят судьбу мятежников и каторжников. Что касается последних, то пусть они едят впроголодь или умрут от жажды. Ведь большинство из них ожидает „веревка палача”».

Более месяца «ботаники» лежат закованные вместе в этой чумной дыре, прежде чем «Рембанг» отправляется в плавание, зафрахтованный британским адмирал-

тейством на имя капитана Эдварда Эдвардса. Лишь то обстоятельство, что Эдвардс не имеет судебных полномочий на борту этого голландского корабля, спасает жизнь многих заключенных, во всяком случае на некоторое время.

После передачи на «Рембанг» Ваньон, Росет и доктор Ройтен не могли связаться с узниками. Но в последний день, когда они были на суше, Мартину удалось передать губернатору дневник, который он вел во время плавания от Порт-Джексона до Тимора²⁹.

7 ноября 1791 года «Рембанг» бросил якорь на рейде Батавии после трудного плавания, во время которого судно попало в сильный шторм у берега острова Флорес. Узники на средней палубе выглядели как живые скелеты, все они переболели дизентерией и страдали от малярии.

Примечания

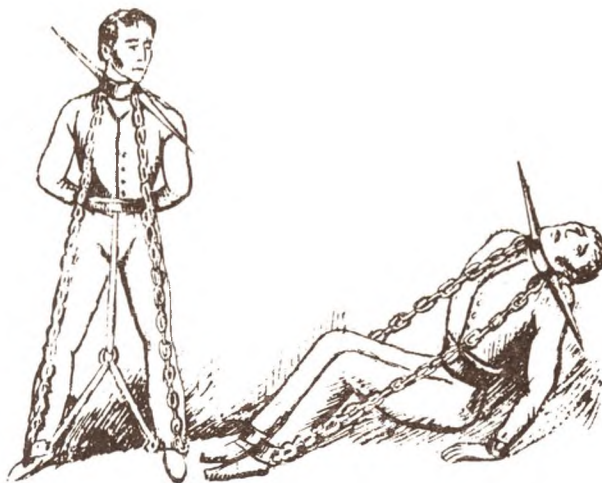
²⁷ Суперкарго — второй помощник капитана, ведающий приемом и отправкой грузов.

²⁸ Существуют различные мнения по поводу того, каким образом губернатор Ваньон и голландские власти обнаружили, что беглецы не были потерпевшими кораблекрушение пассажирами американского китобойца, а каторжниками из Ботани-Бея. Я точно придерживаюсь версии, изложенной в «Меморандуме» Мартина. Этот текст гласит: «Мы прибыли в голландское поселение, где мы сошли на берег к дому губернатора, который встретил нас весьма благосклонно, накормил и одел всем, что нашлось на острове; там мы были очень счастливы, работая в течение двух месяцев, пока Вил Брайент не обратился с недобрыми словами к жене и детям и все мы немедленно стали заключенными и были помещены в крепость, где нас строго обыскали и после этого разрешили выходить из крепости только по двое в один день, а на следующий день двум другим...» Уоткин Тенч, которому позже удалось встретить Мэри, пишет о разоблачении только, что «их поведение давало повод для подозрения, за ними следили и, наконец, один из них в момент опьянения выдал их тайну». То, что Вильям Брайент испытывал пристрастие к выпивке, свидетельствует, видимо, также выписка Коллинза из протокола заседания суда по его делу от 4 февраля 1789 года: «Здесь, согласно показаниям свидетеля Пейджета, он наверняка менял рыбу на ром». Сообщение Роусона о том, насколько были поражены «ботаники» появлением Эдвардса, сенсационно, но мало обосновано фактами.

²⁹ Первоначальный дневник Мартина упоминается в связи с визитом капитана Вильяма Блая и лейтенанта Тобина на королевском корабле «Провиденс» в Купанг в октябре 1791 года. Блай сообщает, что Ваньон представил ему полный дневник, который имел название «Заметки о путешествии от залива Сидней в Новом Южном Уэльсе до Тимора»: «Он дает отчет обо всем, что действительно происходило... Я был сильно болен и времени было слишком мало, чтобы переписать этот дневник. Однако я нанял человека для этого». Этот дневник впоследствии напрасно разыскивался, например главным библиотекарем Публичной библиотеки Нового Южного Уэльса Дж. Д. Ричардсоном, который в 1962 году получил ответ из Общего государственного архива Голландии. Там сообщалось вполне определенно, что губернатор Ваньон не отправлял дневник в Батавию и что архив в Купанге большей частью пропал, так как в 1811—1817 годах англичане, оккупировавшие Тимор, использовали хранившиеся там документы для изготовления патронов.

Глава 14

Батавия в 1791 году, чумная яма.— Вильям Брайент умирает на тюремном судне.— Джеймс Кокс готовится к побегу.— Эмануэль умирает в госпитале в Батавии.— Сэм Бёрд и Морж умирают от малярии на пути в Капстад.— Джеймс Кокс прыгает за борт и доплывает до берега.— Мэри снова встречает капитана Тенча.— Шарлотта умирает.

1

Батавия (современное название Джакарта) была главным городом голландской колониальной империи в Ост-Индии, и среди городов мира она считалась одним из наименее благоприятных для жизни людей. Голландцы построили этот город на прибрежной низменности по образцу Амстердама; вдоль каждой большой улицы был проложен канал. Однако то, что было целесообразно в условиях прохладного северного климата Амстердама, производило совершенно иной эффект в душливом влажном воздухе тропиков. Голландская опрятность здесь имела мало возможностей для проявления: каналы были невероятно загрязнены, в них плавали трупы собак и кошек, они были переполнены всеми видами нечистот и отходов, а сама вода стояла практически неподвижно и была идеальной средой для размножения комаров, переносчиков малярии, и рассадником многих тропических болезней. Помимо малярии, много человеческих жизней уносила дизентерия. Джозеф Бэнкс утверждает, что из каждых ста человек, прибывших из Голландии нести гарнизонную службу, в первый же год умирала половина и еще двадцать пять человек оказывались в больнице с тяжелыми заболеваниями, в итоге только десять человек могли нести гарнизонную службу. Такие огромные потери кажутся невероятными, но сам Кук поддерживает это мнение: когда он покинул Батавию, голландские капитаны сказали ему, что он счастливо отделался, поскольку не умерла половина его экипажа. Доктор Джордж Гамильтон, прибывший в Батавию вместе с капитаном Эдвардсом, мятежниками с «Баунти» (которые не сбежали на остров Питкэрн) и одиннадцатью несчастными «ботаниками», писал, что «таково было предубеждение голландцев, что голландец даже под жарким солнцем не может существовать, не вдыхая запах застойной воды», и, по мнению Гамильтона, именно застойная вода была причиной высокой смертности. Однако сам он ничего не предпринял, чтобы создать более сносные условия существования ни для мятежников с «Баунти», ни для «ботаников», среди которых была женщина с двумя маленькими детьми. Он мог бы, например, разрешить перевести их в городской госпиталь; ведь он так образно описывал как «чашевидную могилу, эту Голгофу, которая обрекает население всей колонии на вечный покой каждый пятый год». Гамильтон был остроумный хроникер, светлая голова, образованный человек, типичный для своего времени и своей среды, где твоим ближним мог быть только человек из твоего же сословия, имеющий такое же образование.

Мэри и ее двух детей перевели в женское отделение голландского тюремного судна, которое стояло на якорю у одного из смрадных каналов; мужчины-«ботаники» и мятежники с «Баунти» были размещены палубой ниже на том же судне. Это, разумеется, привело к тому, что наименее выносливые заключенные довольно

быстро заболели и умирали. Вильям Брайент сломался первым. На родине, в Англии, на тюремном судне «Дюнкерк» он был Контрабандистом Биллом, который отдавал приказания надсмотрщикам и которого полюбила Мэри. В Сиднее ему удалось получить лучшую работу, но из-за вероломства Джозефа Пейджета его осудили за проступок, которого он не совершал, после этого Вильям резко изменился и стал пить, однако во время побега он снова нашел применение своим способностям. Впервые в Купанге на Тиморе он более или менее ясно понял, что не сможет обеспечить Мэри и детям то существование, которого она так горячо желала, и это усугубило его падение. У него снова начался запой, и в пьяном виде он проговорился, что одиннадцать потерпевших кораблекрушение были беглыми каторжниками. В этой вонючей дыре на тюремном судне от него оставалась лишь тень прежнего Билла Контрабандиста. Кстати сказать, его семилетний срок каторги истек и, если бы он оставался в Сиднее, он был бы теперь свободным человеком.

Лихорадка сотрясает тело Вильяма Брайента. У него самые страшные приступы озноба, он едва поднимается, обливается потом и снова впадает в забытие. Однажды утром он чувствует себя так плохо, что Джеймс Кокс просит голландского стражника позвать судового врача.

«У нас нет судового врача,— отвечает стражник.— Ты ведь не на судне, друг, а в тюрьме».

У Кокса осталось еще несколько серебряных монет. Он держит одну из них прямо перед носом стражника. «Это английский шиллинг»,— говорит он.

«Мне известно, черт возьми, что такое английский шиллинг».

«Ты его получишь, если пригласишь сюда врача».

Через два дня, когда Вил почти без сознания, долговязый костлявый доктор Гамильтон ощупью спускается в полутьме, держа надушенный платок перед носом.

Он очень быстро осматривает Ви́ла и щупает пульс. «Речь идет о небольшом недомогании,— говорит он Коксу и стражнику.— Заключенный, может, даже немного симулирует».

Кокс кричит через вонючую лужу: «Разве вы не видите, доктор, что он при смерти? Ведь ваши слова звучат как кощунство над вашей благородной профессией!»

Гамильтон поворачивается, удивленный, к нему: «Кто вы такой, чтобы говорить со мной столь нахальным тоном?»

Но Джеймс Кокс рассержен. «Кто я, может быть, безразлично в данный момент, когда дело касается спасения человеческой жизни. У него жена и дети. Вы должны перевести его на сушу в госпиталь, где ему будет оказана помощь. Сэр, я умоляю вас».

Гамильтон отворачивается от больного и Кокса и ощупью пробирается к выходу. В интересном отчете о путешествии на «Пандоре», кораблекрушении и возвращении в Англию на других судах он ни слова не упоминает об этом инциденте.

Когда врач ушел, солдат-стражник говорит по-голландски Коксу: «Я не уловил все, что ты сказал ему по-английски, но, насколько смог понять, ты дал ему основательный урок. Ты, должно быть, арестант с определенным влиянием».

«Прими это четко во внимание,— отвечает Кокс.— Ты станешь богатым человеком, если будешь достаточно сообразителен и выслушаешь мои слова. Да, я хочу сказать, что ты мог бы выбраться из этого омерзительного места, если проникнешься доверием ко мне».

Солдат презрительно усмехается: «Доверие! Почему я должен проникнуться доверием к тебе, жалкий арестант, которого скоро ушлют отсюда? Ведь ты наверняка не кто иной, как карманный вор из Лондона?»

Джеймс Кокс не отвечает.

«Тогда ответь все же на вежливый вопрос. За что тебя наказали?»

«Хорошо! Ты слышишь, я говорю по-голландски. Я работал в Амстердаме по ювелирному делу. Я гранильщик алмазов. Меня схватили за то, что я украл один бриллиант, который должен был доставить из Амстердама в Лондон. Поэтому и оказался в Ботани-Бее. Они обнаружили один алмаз, но никогда не найдут шесть других, которые я спрятал».

Внезапный хрип с койки Вильяма Брайента заставил обоих мужчин прекратить беседу. Когда они стоят у его ложа, он шепчет имя Мэри и умирает. Это произошло 1 декабря 1791 года.

2

В женском отделении голландского тюремного судна Мэри быстро понимает, что оба ребенка умрут, если ей не удастся упросить перевести их в госпиталь на суше. Хотя она много перенесла в самое последнее время, она все еще привлекательная молодая женщина, и обычное сочувствие к молодой матери, вероятно, было причиной того, что «заключенную Мэри Брайент с двумя маленькими детьми» переводят в морской госпиталь на суше в первые дни декабря.

Голландский врач оказывается более человечным, чем его английский коллега Джордж Гамильтон. Он спрашивает, может ли он чем-то помочь ей и ее детям. Он получил письмо от доктора Ройтена из Купанга, в котором молодой врач рассказал о судьбе Мэри и ее товарищей.

«Я, конечно, хочу знать, что с моим мужем,— говорит Мэри.— Он был нездоров, когда я видела его в последний раз, когда нас переводили с «Рембанга» на борт тюремного судна».

«Я посмотрю, что можно сделать,— говорит голландский врач.— Но не могу ничего обещать. Ваш муж хотя и на голландском судне, но под надзором капитана Эдвардса».

Через два дня он подходит к больничной койке Мэри. «У меня для вас плохие новости»,— говорит он.

Мэри приподнимается на постели: «Не надо больше ничего говорить. Я знала, что Вил умер».

«Он умер от лихорадки после полудня 1 декабря».

Врач делает все, что в его силах, чтобы вылечить Эмануэля, но ночью, когда открыты окна на зловонный канал, в палату набираются москиты и пьют кровь больных. В то время никто не знал, что эти насекомые переносят малярию. Лихорадка у Эмануэля усиливается, и 21 декабря он умирает на руках своей матери, прожив год и восемь месяцев.

За три недели Мэри потеряла мужа и ребенка и теперь осталась одна с трехлетней Шарлоттой. Обе смерти ожесточили ее. Она нелюбезна со всеми, включая и голландского главного врача, который тем не менее понимает ее отчаянное положение и делает все, что можно, чтобы облегчить ее участь. Она и Шарлотта получают хорошее питание и могут свободно передвигаться по территории госпиталя, но это мало помогает. Одной из арестанток Мэри говорит: «Все это не имеет никакой пользы. Если я приеду в Англию, меня повесят... Что станет с Шарлоттой?»

Тем временем капитану Эдварду Эдвардсу удалось зафрахтовать четыре голландских судна для перевозки в Капстад офицеров и команды «Пандоры», мятежников с «Баунти» и «ботаников». Мэри и Шарлотту помещают вместе с Вильямом Алленом и Джеймсом Коксом на «Хорссене», на «Хорнвее» плывут Джеймс Мартин, Натаниэл Лилли, Джон Батчер, Сэмюэл Бёрд и Вильям Мортон (Морж). Им повезло, что сам капитан Эдвардс плывет на «Фреденберге» и поэтому не может причинять им неприятности. На четвертом судне, «Эван», плывут остальная часть команды и мятежники.

Джордж Гамильтон описывает эту часть путешествия как «банальную со многими смертными случаями», и, прежде чем судна добрались до Капстада, ужасный климат Батавии также подорвал крепкое здоровье Сэма и Моржа: по пути они оба были брошены в море с камнем, привязанным к их телам.

Капитан «Хорссена» — молодой человек, его долговязая, костлявая фигура видна всюду, он выкрикивает свои распоряжения по палубе. Однако он проявляет доброжелательность к заключенным, им разрешают находиться на палубе, когда погода не слишком плохая. Трое английских морских пехотинцев с «Пандоры» совершают путешествие на «Хорссене», чтобы присматривать за «ботаниками». Они порядочные люди, у которых одно на уме — добраться домой, в Англию, в надежде дезертировать со службы как можно скорее. Они отвечают за заключенных перед капитаном Эдвардсом, но по этому поводу один из них, капрал Лэнгли, говорит: «Как могут сбежать люди с кандалами на ногах? Если они захотят прыгнуть за борт, кандалы сразу же потянут их ко дну, и они утонут менее чем за одну минуту».

Капитан Янзон наверняка освободил бы их от кандалов, но Лэнгли и два других солдата на это не соглашаются, поскольку это противоречит приказу Эдвардса. Итак, «Хорссен» плывет по проливу Сунда, который отделяет Яву от Суматры, и, увлекаемый течением, проходит совсем близко от берега.

3

В один из этих дней утром голландский боцман обращается к Джеймсу Коксу, который стоит у поручней и рассматривает кроны пальм, раскачиваемые ветром на берегу. «Это ты говоришь по-голландски?»

Кокс кивает и смотрит на него сбоку. Это невысокий неуклюжий парень с аккуратно причесанными волосами, связанными в пучок. По мнению Кокса, ему около тридцати лет.

Моряк говорит: «У меня есть хороший друг Питер, сторож на тюремном судне в Батавии. Он сказал мне, что ты хорошо заплатишь тому, кто поможет тебе сбежать на сушу. Может, я помогу тебе».

Хотя сейчас раннее утро, тропическая жара, словно пелена, наполняет «Хорссен». Судно легко катится вперед, покачиваясь на волнах. Канаты скрипят, когда рулевой поворачивает руль, сначала один поворот — влево, еще поворот — вправо. Между тем Джеймс Кокс раздумывает, что ему ответить голландцу. «Как ты мог бы помочь мне сейчас?» — решается спросить он.

«Ты умеешь плавать?»

«Конечно, умею, и я вполне мог бы доплыть до тех пальм... но не с закованными в кандалы ногами».

«Это как раз то, что я имел в виду, — говорит боцман. — Хочу спросить тебя, сколько ты заплатишь за то, чтобы освободиться от кандалов? Я распилю их поперек так, что цепь между кольцами разойдется, как только ты раздвинешь ноги».

«Что пользы в этом, я ведь все равно отягощен этими оковами?»

«А я удалю винты в кандалах. Когда ты нагнешься, ты сможешь открыть эти оковы и сбросить их ногами».

«А если я не смогу справиться с этим, когда прыгну в лохань?»

«Тогда ты утонешь, друг». Голландец ухмыляется и сплевывает жевательный табак в пролив Сунда. «Но в противном случае тебя повесят, правда не сразу, но все же повесят».

Кокс встряхивает головой. «А где на корабле ты распилишь кандалы так, что никто этого не заметил? И что будет, если мне удастся добраться до берега? Твои соотечественники сразу обнаружат меня и выдадут». Он отворачивается от боцмана и хочет уйти.

Однако его собеседник хватается за него. «Постой, парень,— говорит он тихим голосом, чтобы рулевой ничего не услышал.— Все продумано. Я работаю в судовой кузнице, и я единственный, кто имеет доступ к кузнечным инструментам. «Там я без труда раскую тебя и сделаю вид, словно занимаюсь обычной работой. Утром до полудня мы проходим у острова Туортвей, там пролив имеет в ширину всего четыре морские мили. Сильное течение несет к берегу, и ты не первый, кто сбежал с корабля и доплыл до берега в этом месте, могу сказать тебе наверняка. Немного дальше к северу находится арсенал Хонрост. Там очень требуются люди, и никого не спрашивают, откуда он появился. Однако, прежде чем прийти в Хонрост, видишь дом в лесу — тут ты не можешь ошибиться, так как он единственный на всем пространстве до Хонроста. Там живет брат Питера, он и раньше помогал беглым морякам, которые прыгали за борт корабля. Если у тебя есть деньги, он укроет тебя, а поскольку ты говоришь по-голландски, можно все хорошо уладить, дать тебе голландское имя и устроить перевозку на судне до Амстердама. Можешь также передать сердечный привет от Яна, так меня зовут».

«Как я могу поверить в правильность того, что ты рассказал мне. На тебя можно положиться, Ян?»

«Можешь мне не верить. Однако я вряд ли предложил бы это, если бы не доверял тебе. Ведь ты мог бы выдать меня капитану Янсзону».

Кокс наклоняется к моряку:

«Сколько ты хочешь за хлопоты?»

«Сколько у тебя есть?»

Они сошлись на шести золотых соверенах.

На следующее утро при первых лучах солнца Ян без труда расковал Джеймса Кокса в судовой кузнице, распилив кандалы между кольцами. Однако он пока запретил ему раздвигать ноги. «Чтобы тебя не засекли до побега, ты должен сделать это в тот самый момент, когда прыгнешь на перила. Когда ты очутишься в воде, ты сможешь сбросить кандалы. Теперь я снял винты, немного посиди здесь и поупряжняйся, но не выходи без цепи между ногами».

К вечеру все готово к побегу, но ветер еще слабый, и «Хорссен» медленно движется вперед. Темнота уже вот-вот опустится на пролив Сунда, когда раздается бой судовых часов, который означает, что заключенные должны отправляться под верхнюю палубу. Медленно, чтобы не разъединить кандалы слишком рано, Джеймс Кокс, спотыкаясь, бредет через палубу к перилам. Лэнгли и другой солдат сидят на рулоне тросов.

«Смотри спускайся под палубу, Кокс,— дружелюбно говорит Лэнгли.— Ведь ты слышал бой судовых часов».

«Мне нехорошо, я думаю, меня вырвет. Можно, это сделаю тут, нагнувшись через перила, чтобы не загрязнять среднюю палубу?»

Он смотрит на сушу. Там выдается мыс, а с правого борта находится остров Туортвей. Если он сейчас не воспользуется этой возможностью, на следующий день «Хорссен» выйдет из пролива Сунда и будет упущен единственный шанс избежать виселицы. Он пытается встать на перила, но мешают кандалы между ногами, поэтому он раздвигает ноги как можно шире, и цепь сразу же разрывается. Прыжок — и он на перилах. Но вот слышит удивленные крики Лэнгли и второго солдата. «Что это значит, Кокс? — кричит Лэнгли.— Если ты прыгнешь за борт, кандалы потянут тебя ко дну». И солдат, миролюбивый ганноверец по имени Фредерик, добавляет на ломаном английском языке с немецкими гортанными звуками: «Ты никогда не доберешься до берега, тебя схватят акулы».

Впервые в этот момент Джеймс Кокс подумал об акулах.

«Спустись с перил, и мы все забудем»,— предлагает Лэнгли.

«Если ты улизнешь, мы получим дьявольскую взбучку от Эдвардса»,— кричит Фредерик.

Однако, услышав имя капитана Эдвардса, Кокс принимает решение. Он

прыгает вниз головой в теплую воду и сразу замечает, что течение быстро уносит его от судна. Правой ногой он сбрасывает кольцо на левой ноге, и это удается ему без труда. Немного больше времени он возится с правой лодыжкой, но ее кольцо тоже открывается, и, быстро выбрасывая руки вперед, он плывет к берегу. Он замечает, правда, что в него стреляют с судна, но не верит, что Лэнгли и Фредерик всерьез намеренны попасть в него³⁰.

Только по прибытии в Капстад Мэри и Вильям Аллен обнаруживают, что их товарищи по побегу Вильям Мортон и Сэмюэл Бёрд умерли по пути из Батавии. Морж и Сэм были самые стойкие во время плавания на «Надежде», но они не выдержали болезнетворного климата Ост-Индии.

4

На рейде в Капстаде стоит английский военный корабль «Гордон», который перевозил каторжников в Ботани-Бэй, а теперь возвращается в Англию под командованием капитана Джона Паркера.

Жена капитана Мэри Энн Паркер, которая впоследствии напишет весьма интересную книгу «Путешествие вокруг света» о плавании на «Гордоне», рассказывает, как судно было загружено кенгуру, опоссумами и «всеми достопримечательностями, которыми располагает эта далекая страна». Ют судна заставлен большими деревянными кадками с экзотическими растениями и кустарниками, в каюте капитана и в офицерской кают-компании висят шкуры диких животных зверей. «Мы привезли также набор самых различных птиц», — пишет миссис Паркер.

Зато она ни словом не обмолвилась о сцене, которую должны были видеть команда и пассажиры у перил, а некоторые даже залезали на судовые снасти, чтобы лучше наблюдать. Баркас с тремя закованными в кандалы мужчинами плывет от голландского судна к «Гордону». Солдаты и их жены из Порт-Джексона узнают трех оборванных существ — Батчера, Лилли и Мартина, — а затем и остальных узников, которых доставляют на борт корабля через несколько дней. Это старый Вильям Аллен, некогда такая красивая Мэри Брайент, а теперь изможденная женщина в лохмотьях, и ее почти четырехлетняя дочь Шарлотта, худая и истощенная.

Побег одиннадцати каторжников из залива Сидней был предметом разговоров в колонии, и распространялись самые невероятные слухи об этих дезертирах, как власти требовали их называть. Так как возможности уплыть в море были ограничены, некоторые беглецы становились «бушренджерами» — бродягами, скитавшимися по лесам и жившими вместе с аборигенами. Время от времени они прокрадывались в колонию, чтобы воровать продукты, оружие и боеприпасы. Однако большинство этих бродяг умерли от голода или были убиты аборигенами поблизости от Порт-Джексона. Иногда они являлись с повинной к губернатору Филлипу, хотя знали, что в тяжчайших случаях побег карался смертной казнью через повешение, но обычно наказание сводилось к 100 или 200 ударам «девятихвостой кошкой» с последующей ссылкой на каторжные работы в кандалах на остров Норфолк. Вспоминают также, как лейтенант Брэдли впал в немилость у губернатора Филлипа, так как ему не удалось на губернаторском катере отыскать 11 беглецов и вернуть их в Сидней.

Теперь офицеры из Порт-Джексона, присутствующие на судне его величества «Гордон», имеют возможность показать солдатам и унтер-офицерам, к чему ведет дезертирство. Вряд ли появляется сомнение в том, что сам вид оставшихся в живых беглецов с «Надежды» произведет столь сильное впечатление на пассажиров, что они напишут об этом своим друзьям и знакомым в Порт-Джексон. Невероятные слухи о восстании на «Баунти» и о попытке бегства

из Порт-Джексона разносятся из уст в уста. Теперь они видят, что справедливость полностью торжествует. Оставшиеся в живых предполагаемые мятежники (а многие из них не участвовали в бунте) уже доставлены в помещение под верхней палубой, где, как требует капитан Эдвардс, должны быть размещены и дезертиры. Этот холодный надменный господин, который погубил свой корабль у Большого Барьерного рифа и которому не удалось найти настоящих мятежников и их предводителя Флетчера Кристиана, поселившихся на далеком острове Питкэрн со своими полинезийскими подругами, голосом со зловещими интонациями отдает распоряжения морским пехотинцам, которым поручено охранять мятежников и дезертиров. «Я хочу, чтобы каждый из них круглые сутки ощущал, что они нарушили закон,— рычит он.— Это преступники, и они остаются преступниками».

«А что нам делать с единственной женщиной и ее ребенком, сэр?»

«Заковать ее в кандалы! Забрать ребенка и отдать какой-нибудь доброй солдатской жене на воспитание».

Но против этого решительно выступают капитан Джон Паркер и один из возвращающихся на родину офицеров, капитан Уоткин Тенч, и возникает резкая перепалка между Тенчем и Эдвардсом.

«Женщина достаточно натерпелась, сэр,— говорит Тенч,— и я прошу вас вежливо, как младший офицер, обращающийся к старшему по должности, проявить сострадание к ней. Подумайте о том, что она несколько месяцев назад потеряла мужа и маленького сына».

«Черт вас возьми, Тенч, отчего вы скулите о какой-то проститутке, которая справедливо осуждена за то, что напала на порядочную даму среди белого дня и украла у нее большие ценности. Для чего нам тут находиться, молодые люди, если бы закон строжайше не карал такую шлюху, которая покушается на право собственности!» Он переполнен сильным негодованием и произносит: «Заковать ее в кандалы!»

Тенч пишет в своем дневнике (впоследствии опубликованном), что он уже встречал Мэри на транспортном судне «Шарлотта» во время рейса из Англии в 1789 году, и добавляет: «Должен признаться, что я не мог относиться к этим людям без сострадания и изумления. Преодолев почти все возможные трудности, испытав невероятные лишения в океане и под палящим солнцем, они в конце концов потерпели поражение в героической борьбе за достижение свободы. Я восхищался ими и не переставал думать о том, при каких странных обстоятельствах судьба вновь свела нас».

Мэри все же не заковывают в кандалы. Это происходит благодаря участию не Тенча, а Джона Паркера, который является командиром корабля. Его считают страшным чудовищем, но на самом деле он относится к совсем иному типу капитанов, чем Эдвардс. Паркер заботится о том, чтобы Мэри и Шарлотту поместили вместе с несколькими женами солдат, пропавших в Сиднее. Это, может быть, не самый лучший выбор, так как Луиза и Линда в первые дни не хотят общаться с Мэри: ведь из-за ее побега двум товарищам их мужей пришлось убежать в лес. Этих двух солдат так и не нашли. Возможно, их убили аборигены. «А что с капралом Милстоном?» — хочет узнать Мэри. Сперва Луиза и Линда не рассказывают ей о том, что произошло с ним, но со временем Шарлотте становится все хуже, и обе женщины делают все, чтобы помочь маленькой девочке, при этом их отношение к Мэри тоже улучшается. Боже мой, ведь все, что было, прошло и его не вернешь. Милстон оправился. Он получил земельный участок у Парраматты и ожидает привоза двух коров с очередным судном.

И вот они снова движутся домой, к берегам Англии. «Гордон» покинул Столовую бухту у Капстада 6 апреля 1792 года и прошел мимо острова Святой Елены 18 апреля. Еще через неделю показался остров Вознесения, где сде-

лали остановку для ловли черепах. За эти недели здоровье Шарлотты непрерывно ухудшалось. В воскресенье, 6 мая, Паркер записывает в вахтенном журнале: «В шесть часов утра умерла Шарлотта Брайент, дочь Мэри Брайент, заключенной».

Маленькая Шарлотта не дожила до четырех лет.

На следующий день, 7 мая, Паркер отмечает в вахтенном журнале, что «он опустил тело умершей в море».

Молодая мать стоит в обтрепанной одежде рядом с безукоризненно одетым морским офицером, который читает «Отче наш» над трупом маленькой Шарлотты, зашитым в полотняный мешок. Небольшой сверток с камнем, положенным между ног усопшей, исчезает за кильватером «Гордона». Фрегат продолжает свой путь к северу.

20 июня 1792 года на горизонте показывается Спитхед. Мэри Брайент снова в Англии.

Примечание

³⁰ Можно считать, что Джеймс Кокс наверняка достиг берега живым. Капитан Эдвардс совершенно определенно пишет в своем отчете, что он утонул при попытке к бегству из-за кандалов, но эти сведения, представленные Эдвардсом для Адмиралтейства, основаны на рапорте Лэнгли и Фредерика. Однако ни они, ни офицеры «Хорссена» не были заинтересованы в том, чтобы выплыла история с перепиленными кандалами, тем более что часть платы за фрахт «Хорссена» должна была вноситься капитаном Эдвардсом по прибытии судна в Капстад, где из установленной суммы могла вычитаться неустойка, если бы голландский капитан пунктуально не выполнил все условия контракта. Зато доктор Джордж Гамильтон пишет в своем дневнике, что Джеймс Кокс благополучно добрался до берега. Какая судьба ожидала Джеймса Кокса на берегу, мы не знаем. Голландские архивы ничего не сообщают о беглеце под таким именем. Вероятно, Кокс принял голландское имя, и, поскольку он, возможно, имел деньги (хотя точно об этом тоже ничего не известно), можно предполагать, что он добрался до Амстердама.

Глава 15

Тюрьма Ньюгейт в Лондоне.— «Защитные деньги».— Эндрю Мэнор.— Джеймс Босвел решает помочь уцелевшим «ботаникам».— Как были найдены дневники и бумаги Босвела.— Суд в Олд-Бейли.— Исследования Джона Говарда об английских тюрьмах.— Мэри выпускают из тюрьмы.— Босвел обеспечивает ей ежегодную ренту.— Замечательная история листьев сарсапарилли.— Четырех остальных «ботаников» освобождают.— Джон Батчер возвращается в Австралию свободным человеком.

1

Мэри и четыре оставшихся «ботаника» возобновляют знакомство с тюрьмой Ньюгейт в Лондоне, где они ожидают приговора и смертной казни.

Ньюгейт — это особый мир. Сегодня нам трудно представить себе, что существовало всего двести лет назад в крупном столичном городе, где ставятся выдающиеся театральные представления, известные во всей Европе, где имеется прославленная опера, где устраивают балы и музыкальные партии, пудрятяся, играют в самые безумные азартные игры, носят искусно сделанные вычурные парики, любят важно расхаживать в блестящих мундирах и обращаются друг к другу со столь любезными витиеватыми оборотами, что достаточно произнести всего лишь несколько фраз, чтобы понять, принадлежит ли человек к высшему обществу или стоит вне его. Лондон — самый богатый город мира в этот период, когда могущество и власть Великобритании непрерывно росли, между прочим, потому, что тяжело нагруженные суда из колоний привозили несметные богатства в метрополию. Но прогресс зарезервирован для немногих — для дворян, крупных купцов, помещиков; тогда как тысячи бедных людей ежегодно умирают от голода и неумеренного поглощения джина. За шесть пенсов можно вволю напиться в многочисленных жалких трактирах, за шесть пенсов можно пообщаться с продажной женщиной под одним из мостов через Темзу или в углу на задворках. Воровские шайки господствуют как мафия на рыбном, зеленом и мясном рынках, а когда наступает ночь, каждый, кого не сопровождают слуги, которых в настоящее время называют телохранителями, подвергается риску быть избитым или даже убитым многочисленными грабителями.

Для тех, кто нарушает закон, построена тюрьма Ньюгейт. Говорят, что на ее месте существовала тюрьма еще со времен Вильгельма Завоевателя. Рим имел свою мамертинскую тюрьму, средневековые — свои камеры пыток, Париж — свою Бастилию, которая за несколько лет до описываемых событий была взята штурмом и сровнена с землей. Но ни одно из этих мест заключения не может сравниться с Ньюгейтом, с которым теперь возобновляют знакомство Мэри и ее товарищи.

Там прежде всего поражает зловоние. За стены тюрьмы в окружающие ее убогие многоквартирные дома проникает этот сладковатый испорченный воздух Ньюгейта, чьи основные компоненты образуют испарения немых человеческих тел более чем за 400 лет, необычайно устойчивый запах параш, застарелый дух гнилых срубов и протухших пищевых продуктов. Но различается также и слабый аромат джина. Когда Аллен удивляется именно по поводу этого пронизывающего аромата, надзиратель открывает беззубый рот и громко смеется. «Дай мне немного защитных денег, старый болван,— бормочет он в легком опьянении,— и я расскажу тебе, отчего здесь пахнет джином. Только при постоянном притоке джина выживают в Ньюгейте».

Мэри и ее товарищи постоянно слышат упоминания о защитных деньгах. Если бы теперь Джеймс Кокс был с ними, он наверняка смог бы освоиться в этой обстановке. Но у них нет ни одного фартинга; хотя они говорят это вполне определенно, никто из многочисленных заключенных не верит этому и от них настоятельно требуют деньги. Из каждого угла и щели протискиваются вперед мужчины и женщины, поскольку это то отделение тюрьмы, где содержатся долговые арестанты, и здесь нет разделения в зависимости от пола. Мужчина, который не может оплатить задолженность и которого заточают в Ньюгейт, имеет право взять с собой жену и детей. Те могут свободно покидать тюрьму, если этого хотят, в надежде раздобыть платежеспособный капитал для мужчины, так чтобы он рассчитался со своими кредиторами. Но многие заключенные утратили все надежды; их последний шанс — выманить пару пенсов у вновь прибывших, чтобы этого хватило для суточного потребления табака и спиртного.

Из долгового отделения тюрьмы лестница ведет вниз в более старую часть Ньюгейта — подземное помещение, такое длинное и широкое, что его почти можно назвать залом, если бы не его незначительная высота. Самые высокие из заключенных должны наклонять голову, прокладывая путь сквозь беспокойную толпу людей, собравшихся под сводами. Многие сидят на примитивных деревянных табуретках, собравшись полукругом или кругом с батареей толстых бутылок или глиняных кружек с пенистым пивом, стоящих на камнях в центре групп. Мэри невольно делает шаг назад на лестнице, когда она сквозь клубы табачного дыма смотрит на людей, живущих среди этой ужасной вони. Немногие из них трезвые; вдоль стен да между деревянных табуреток, которые напоминают табуреты для доения, валяются захмелевшие в самых невероятных отрепьях и лохмотьях. Здесь немало пожилых людей, которые настолько слабы от голода, что им трудно протянуть руку, чтобы выклянчить на выпивку у тех, кто еще сохранил несколько монет. В углу этого страшного зала несколько молодых женщин открыто отдаются любому за два стакана джина. Несчастный слабоумный трясет головой взад и вперед, в то время как слюна стекает у него из углов рта. В других местах происходят драки и перебранки; там и сям играют в карты, игроки сидят с непроницаемыми лицами и, по-видимому, нисколько не обращают внимания на все, что происходит вокруг.

Надзиратель подводит «ботаников» к огромному человеку, который одет в шлафрок темно-вишневого цвета, его парик напудрен так сильно, что слой пудры, словно легкий снежок, покрывает его плечи. С явным уважением надзиратель сообщает, что перед ними господин Мэнор, который только что закончил игру в карты с тремя другими арестантами.

Мистер Мэнор весьма учтиво целует руку Мэри и говорит: «Мой добрый друг, мистер Арчер,— и он указывает на надзирателя,— сообщил мне, что мы удостоились вашего посещения в Ньюгейте. Я понимаю, что оно будет кратковременным, поскольку палач скоро произведет свою грязную работу у эшафота». Он делает паузу. «Но это не должно совершиться! Этого не будет! Как верно то, что меня зовут Эндрю Мэнор».

Джеймс Мартин, который так же, как и другие, был поражен словами этого одутловатого человека в шлафроке, не может скрыть свое изумление. «Мистер Мэнор, прошу вас: не надо насмехаться над нашей участью, мы и так много перенесли. Поэтому, будьте добры, скажите прямо, зачем надзиратель привел нас к вам».

«Мой дорогой друг, а вы, должно быть, тот, кого ваши товарищи называют Писателем, не так ли?» Он хватается руку Мартина и пожимает ее, а сам говорит: «Разве вы не знаете, что о вашем побеге напечатаны статьи в двух самых влиятельных газетах нашего города, «Лондон кроникл» и «Лондон газетт», и многие люди высказывают мнение, что вы боролись за свою свободу так упорно и мужественно, что было бы стыдно и позорно, если вы теперь утратите ее и вас повесят на одной из виселиц Лондона. И я намереваюсь направить письмо, чтобы установить контакт с одним из моих влиятельных друзей, который спасет вас от виселицы. Ну что вы на это скажете?»

На этот раз слово берет Джеймс Мартин: «Мой великодушный господин, конечно, ваши слова, радуют нас, но позвольте сказать, что мы так долго находились вдали от Англии и не знаем, кто вы».

«О дорогой друг, откуда вам это знать? Незадачливая судьба из-за нехватки денег отняла у меня право выступать наряду с моими учеными коллегами на судебных заседаниях в Эдинбурге. Но я еще поддерживаю лучшие отношения с моими прежними друзьями и знакомыми не только в Эдинбурге, но также в судах на Боу-стрит и в Олд-Бейли, где будет слушаться ваше дело. И я намерен помочь вам». Он достает с пола бутылку и наливает стакан. «Позвольте мне, мистер Мартин, выпить стакан за ваше здоровье и здоровье ваших товарищей».

Мартин говорит устало и сдержанно: «У нас нет денег, сэр».

«Здесь нельзя установить предел,— отвечает мистер Мэнор.— Я должен только заручиться вашим словом, что, если благодаря моим связям мне удастся спасти вас от виселицы, я получу какое-то вознаграждение за хлопоты от вашего благодетеля».

Одновременно мистер Мэнор обещает им, что он благодаря своему дружескому контакту с надзирателем, мистером Арчером, создаст им более сносные условия, чем многим другим в Ньюгейте, и просит всех их поставить свое имя или знак под документом, который составлен по этому поводу. Конечно, Мэри отделяют от ее товарищей-мужчин, но все получают столь приличные условия в камерах, что впоследствии Батчер говорит на суде, что он ощущал, как будто «из ада попал в небесное царство при переводе в Ньюгейт». И конечно, он единственный заключенный в истории британского судопроизводства, который произнес такие слова.

Мэнор написал письмо о беглецах из Ботани-Бея своему прежнему коллеге Джеймсу Босвелу, эсквайру, владельцу поместья Аучинлек в южной Шотландии, троюродному брату его величества короля Георга III и в то время довольно ничтожному человеку в Лондоне, адвокату, который не выиграл ни одного дела в лондонских судах, любителю изящной литературы (его работа о докторе Джонсоне ныне признается наилучшей в этом жанре), но более или менее презираемому, хотя сам он и его окружение выражают это следующим образом: «Подобострастный и бессовестный, пошлый и педантичный, ханжа и пьяница, одолеваемый фамильным тщеславием и безудержным прославлением достоинства прирожденного джентльмена... все, что другие люди хотели бы скрыть, за что они были бы повешены, если бы это стало известно,— все это эта развращенная душа рассказывала всему свету».

Этот большой толстый увалень сначала был гвардейским офицером. Военная карьера ему не удалась. Затем он попытался добиться известности как опытный донжуан, но для этого он не обладал соответствующей внешностью

и не имел денег, так что этот путь тоже совершенно не увенчался успехом и последствиями эксперимента оказались алименты и венерические болезни. Далее он, будучи одним из шотландских пэров, решил стать политиком, членом палаты лордов. Но никто не принимал его всерьез. Когда он наконец обосновался в качестве адвоката в Лондоне, в возрасте 50 лет он выполнял такую работу, которую в других адвокатских конторах выполняет младший клерк или стажер. Однако обо всем этом он пишет без стеснения в своих дневниках, одновременно столь же откровенно порнографических, сколь и слезливо сентиментальных. По странному капризу судьбы эти дневники обнаруживают спустя почти двести лет. И здесь нам открывается совершенно иной облик Джеймса Босвела — филантропа, намного опережавшего свою эпоху, который осмеливался писать сам для себя как самостоятельно мыслящая личность о том, каковы были условия жизни в Лондоне в последние два десятилетия восемнадцатого века.

2

Дневники Босвела и их исследование, проведенное профессором Фредериком Поттлом, открыли связь между Босвелом и Мэри Брайент. И речь идет не о литературном произведении детективного жанра, а о правдивой истории. Дневники Босвела, содержащие материалы об истинном облике этого человека, в настоящее время хранятся в Йельском университете в США, где покойный Фредерик Поттл занимал должность профессора английской литературы. Дневники Босвела имели столь откровенный характер (теперь это определяют словом «порнография»), что было немыслимо издать их в конце восемнадцатого века, не говоря о более поздней, викторианской эпохе. После смерти сыновей Босвела поместье Аучинлек было унаследовано группой дам из полукровки, которые презирали все, связанное с памятью их бабушки. Портрет Джонсона, нарисованный сэром Джошуа Рейнольдсом³¹ и поныне считающийся одним из шедевров британского портретного искусства, был унесен из гостиной на чердак и поставлен лицом к стене. Это, конечно, вряд ли удивит нас, так как в то время многие так называемые благовоспитанные люди из образованных классов, скорее всего, предпочитали закрывать глаза на правду жизни. На том же чердаке был обнаружен большой деревянный ящик с дневниками и письмами Босвела.

Как известно, в самом сыром платяном шкафу сохраняются кости мертвецов, но редко случалось, чтобы спустя много лет на каком-нибудь скелете сохранилось столько живой плоти, как в рассматриваемом случае — с Босвелом. Многими странными и витиеватыми путями всплыли документы Босвела, некоторые из них использовались в качестве упаковочной бумаги в одном из магазинов в Булони³², другие были обнаружены эксцентричным американцем старшим лейтенантом Ральфом Хейуордом Исхемом, который приобрел их за столь большую сумму, что сам обанкротился. Чтобы возместить убытки, он продал их Йельскому университету, где профессор Поттл получил возможность изучать их. Исхем проследил родословную Босвелов до старинного поместья Малахайд в Ирландии. В течение многих месяцев он обследовал весь замок, его угловые башни, многочисленные чердачные помещения, погреба, стенные шкафы и старые сундуки и в 1937 году нашел на чердаке над конюшней деревянный ящик, в котором, как он вначале полагал, лежали крокетные молотки. Оказалось, между прочим, что среди прочих бумаг там хранились последние дневниковые записи, сделанные Босвелом незадолго до своей кончины. Там он рассказал о помощи, оказанной им Мэри Брайент, которую он называл Мэри Брод, и четверем остальным участникам путешествия на «На-

дежде». Между страницами дневника лежали несколько листьев сарсапариллы в небольшом конверте с надписью, сделанной рукой Джеймса Босвела: «Листья из Ботани-Бея, используемые как чай». Благодаря этому дневнику Босвела стала известна судьба Мэри и ее товарищей по возвращении в Англию. Листья сарсапариллы были подарены Йельским университетом библиотеке имени Митчелла в Сиднее, где они находятся и поныне.

3

Джеймс Босвел не терял времени, на следующий день он сообщил в тюрьму Ньюгейт и подарил Мэри Брайент фунт стерлингов и широкопузую бутылку «напитка, с помощью которого мы, шотландцы, устанавливаем знакомство».

«Позволяет он в письме тюремному надзирателю, так как самое разумное — установить добрые отношения с этим неприятным человеком (при встрече он сразу же даст ему несколько шиллингов). «Теперь вы хорошенько позаботьтесь о том, чтобы несчастные беглецы находились в приличных условиях,— дружелюбно замечает сэр Джеймс.— В противном случае я буду вынужден жаловаться на вас, мистер Арчер».

Надзиратель кланяется ему, когда он приходит с судебными документами. «Я сделаю, что могу, ваша милость, чтобы обеспечить всем необходимым этих дезертиров, пока их не повесят,— ухмыляется он.— В подтверждение истинности моих слов, будьте добры, спросите моего друга, мистера Мэнора, и вы поймете, что я говорю правду!»

Капитан Эдвард Эдвардс собственноручно расписался в доставке своих узников в Ньюгейт. Их вид описан, о Мэри сообщается следующее: «Мэри Брайент, она же Брод, возраст 25 лет, рост 5 футов 4 дюйма, каштановые волосы, мертвенно-бледный цвет лица, уроженка Корнуолла, вдова».

«Я хочу поговорить с заключенными. Будьте добры, сначала приведите женщину из дезертиров в следственное помещение».

«С удовольствием, ваша милость». Надзиратель просит одного из помощников привести Мэри. Она вскоре предстает перед Босвелом, исхудавшая, измученная, убитая горем, с безжизненными глазами и в одежде, которая скоро превратится в лохмотья.

Босвел дает понять, что она должна сесть перед ним. «Я буду пытаться помочь вам и вашим товарищам»,— говорит он.

Она посылает ему слабую улыбку в знак благодарности.

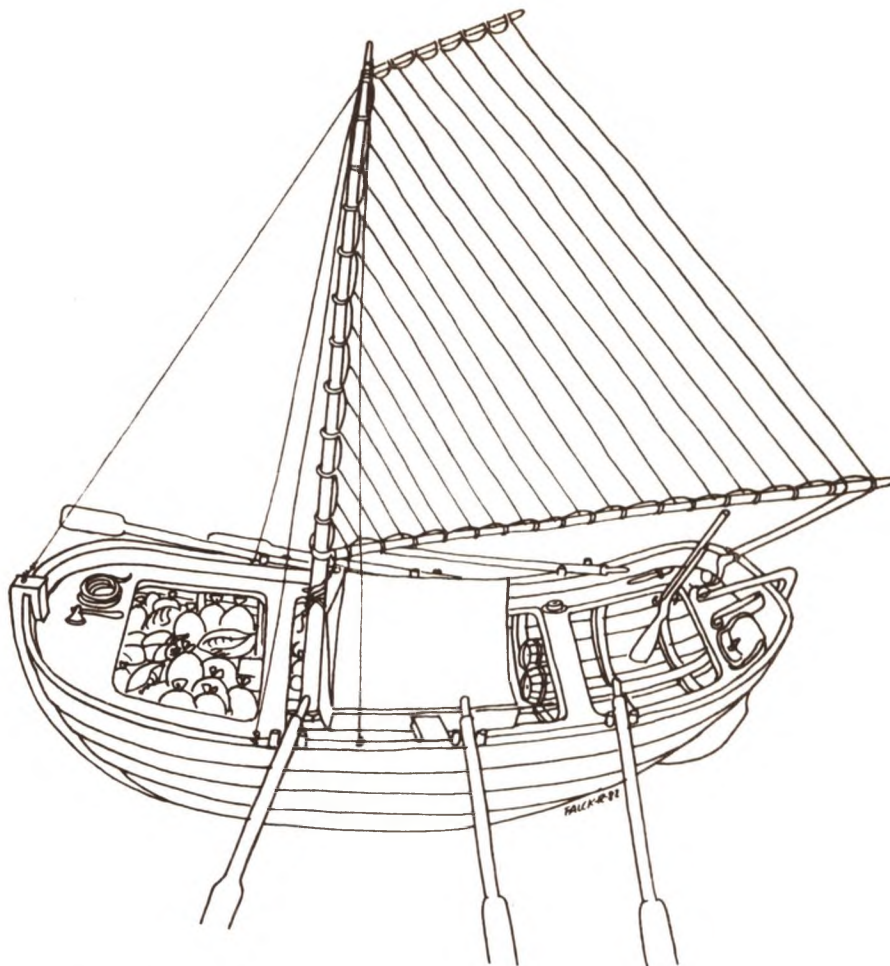
«В одном вы должны быть уверены: вас не повесят! Статьи в газетах привлекли внимание к вашему делу, что показывает, что не может быть речи о смертной казни».

«Я скорее бы предпочла, чтобы меня повесили, чем послали обратно в Порт-Джексон. Не дай бог пережить то же самое еще раз».

«Этого не произойдет, моя дорогая,— повторяет Босвел много раз.— К сожалению, я не очень хорошо знаком с министром иностранных дел Генри Дандесом. Он хороший друг короля и мог бы добиться помилования. Но все же я попытаюсь устроить встречу с ним и поговорить о вашем деле».

После того как Мэри отправляют в женское отделение, Босвел просит позвать мужчин. Он предлагает, чтобы они с Джеймсом Мартином как писателем подготовили отчет о своих впечатлениях, который он может представить в Олд-Бейли³³.

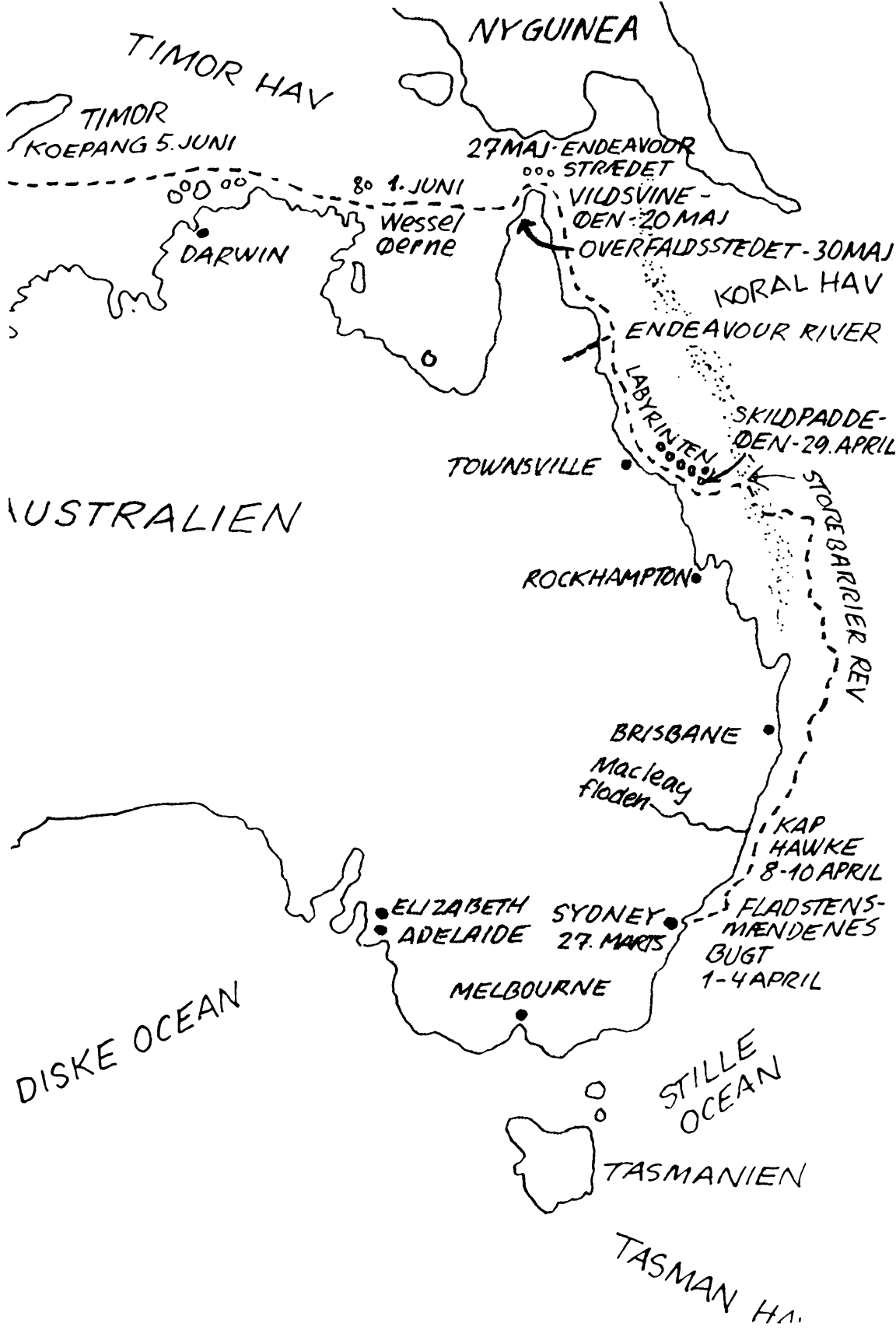
Тот из судей в Олд-Бейли, перед кем, вероятно, предстанут дезертиры из Ботани-Бея и который в первой инстанции будет участвовать в решении их судьбы,— мистер Николас Бонд. Джеймс Босвел его тоже хорошо знает, по-

Слева — Реконструкция одномачтового баркаса, на котором совершили плавание Мэри Брайент и ее товарищи. Предполагают, что перед отплытием на борт судна было взято 50 кг муки, 50 кг риса, 8 кг сала, 2 мешка листьев сарсапарильи, 8 галлонов воды, немного кухонной утвари, парусина, рыболовные крючки, топор, компас, квадрант и навигационная карта.

Справа — Схема маршрута баркаса «Надежда» от Сиднея до острова Тимор. Побег начался в ночь с 27 на 28 марта 1791 г. и завершился 5 июня того же года. Беглецы преодолели путь в 3500 морских миль.

Благодаря дошедшему до нас дневнику Джеймса Мартина представилась возможность довольно точно реконструировать весь маршрут плавания беглецов на баркасе «Надежда». Первая высадка на берег состоялась в районе современного города Ньюкасл, вторая — в районе устья реки Мак-Ли у мыса Хоук. Затем после длительного пребывания в море беглецы высадились на острове Черепяхи, вероятно находящемся в группах Нортумберленд или Камберленд в пределах Большого Барьерного рифа. Последующий путь проходил в пределах Лабиринта. Установлено, что высадки происходили на островах, расположенных севернее мыса Йорк и в архипелаге Вессел.

скольку он в течение многих лет неоднократно защищал карманных воров, угонщиков овец и похитителей торфа, то есть брался за дела, от которых многие другие адвокаты презрительно отказывались, потому что у обвиняемых не было денег. Мистер Бонд с большим удовольствием прочитал «Дневник путешествия на новые Гебридские острова» и «Жизнь Сэмюэла Джонсона» — книги, написанные Босвелом, которые принесли ему признание в высоком литературном кругу, но юридической квалификацией этого ученого господина мистер Бонд вряд ли столь восхищен, потому что Джеймс Босвел, по правде говоря, проигрывал каждое дело, по которому выступал в качестве защитника. Николас Бонд во многих случаях ставил вопросы своим коллегам по суду Олд-Бейли, какова истинная причина того, что столь хорошо известный господин, принадлежащий к одной из лучших семей, стремится защищать интересы самых низов общества.

Однако способность Босвела убеждать колоссальна, и на этой первой встрече с судьей Бондом он добивается того, что угроза смертного наказания исчезает и вместо этого «дезертиры должны быть отправлены в тюрьму его величества и оставаться там впредь до исполнения прежнего приговора», а это означает, что, когда предоставится возможность, их отправят обратно в Ботани-Бей. Прокурор, правда, не настаивал на смертной казни, но министр внутренних дел Ивен Непин, который считал своей обязанностью выявить свое отношение к делу, заявил, что, «хотя дезертиры не должны понести самое суровое наказание, предусмотренное законом, власти также не должны проявить к ним большую снисходительность, так как это легко может подействовать как поощрение для других к побегу».

И вот они опять сидят в Ньюгейте, где им, может, придется пробыть годы, если Босвелу не удастся пробиться к влиятельному лицу, которое выхлопочет им королевское помилование. Конечно, их считают привилегированными заключенными, но при том жалком состоянии здоровья, в каком они находятся после долгих месяцев пребывания в трюмах кораблей и тюрьмах, не исключена опасность того, что они в большей мере, чем многие другие, подхватят страшную тюремную лихорадку. Эта болезнь, напоминающая малярию, особенно поражает заключенных, которые получают плохое питание, и она, как правило, имеет смертельный исход. За несколько лет до водворения «ботаников» в Ньюгейт Джон Говард написал классическую работу «Состояние тюрем», посвященную условиям содержания заключенных в британских тюрьмах, причем основное внимание было уделено Ньюгейту. Этот автор проделал путь в 42 033 мили, чтобы посетить тюрьмы Великобритании. Он предпочитал ездить на лошадях под открытым небом в надежде, что свежий воздух хоть немного устранил въедливое зловоние, остающееся в его одежде после посещения тюрем. «Страницы в моем дневнике часто столь запятнаны и склеены, что перед чтением мне приходилось час или два расправлять их перед огнем, и даже мое противоядие, маленькая бутылка с уксусом, после применения в нескольких тюрьмах стала отдавать этой омерзительной вонью».

В начале августа 1792 года Джеймсу Босвелу удалось наконец получить аудиенцию у министра иностранных дел Генри Дандаса, который после короля был самым влиятельным лицом в стране и его обычно называли «королем Шотландии». Оба они в молодости вместе изучали право в Шотландии, но, как это часто случается со старыми товарищами по учебе, что-то произошло между ними, и Босвел для себя решил, что никогда не будет искать у Генри Дандаса помощи и поддержки. Однако теперь он потерял всякий стыд, чтобы помочь дезертирам, и договорился о времени аудиенции с секретарем Дандаса. Это время неудобно для Босвела, но он предпринимает путешествие в Корнуолл, чтобы встретить министра иностранных дел и представить дело, запавшее ему в душу, которое было для него важно. Дандас вскоре забыл об

этой беседе и не появляется в своем министерстве. Босвелу пришлось написать ему короткое письмо, в котором он несколько обиженно дает понять, что, так как он не был принят, не может ли старый товарищ по учебе черкнуть ему несколько строк в Корнуолл о том, чтобы «несчастливым путешественникам из Нового Южного Уэльса не причинили ничего дурного». Дандас ответил в коротком письме, что он пересмотрит дело.

На это ушло от восьми до пятнадцати месяцев, но Босвел постоянно оказывал нажим, и 2 мая 1793 года в тюрьме Ньюгейт Мэри сообщили о помиловании и выпустили ее на свободу. Джеймс Босвел, который сам был малообеспечен, пытается предоставить молодой женщине какие-нибудь средства к существованию и пишет, между прочим, одному из своих товарищей по учебе, Вильяму Темплу, приходскому священнику в Корнуолле, не может ли он в приходе, где жила Мэри, и соседних приходах организовать сбор пожертвований для нее. Но приходит удручающий ответ, что родные Мэри известны в округе как угонщики овец и поэтому будет трудно заставить людей раскошелиться. Босвел подыскивает ей комнату на улице Литл-Титчфилд-стрит в Лондоне и посылает за ее 21-летней сестрой Долли, которая занята на подсобной работе на кухне у зажиточной лондонской семьи.

Мэри страдает от упадка сил. Она не хочет оставаться в Лондоне и не хочет возвращаться домой в Фовей. Но Босвел настаивает, чтобы она вернулась в Корнуолл. Он обещает ей предоставить скромное ежегодное пособие в размере 10 фунтов стерлингов, которое он выплачивает ей до своей смерти, наступившей через несколько лет, и наконец отправляет ее на шхуне «Энн и Элизабет», которая 13 октября 1793 года выходит из Лондона и держит курс на Корнуолл.

О последней встрече с Мэри Джеймс Босвел пишет в своем дневнике, который также содержит конверт с листьями сарсапарильи из Ботани-Бей. «Я поел дома и нанял экипаж до ее жилища на Литл-Титчфилд-стрит, где я захватил ее с баулом. Мой сын Джеймс сопровождал меня и ждал у мистера Дилли, пока я вернусь с верфи Биль в Саутуорке, где она должна была сесть на судно. Я провел с ней почти два часа, сначала в кухне, затем в баре трактира у верфи. Мы выпили по бокалу пунша, причем хозяин трактира и капитан судна пили вместе с нами».

Босвел поднялся к ней на борт маленькой шхуны, где он заплатил за ее каюту. Наступило время прощания, и он стоит, несколько смущенный, рядом с ней.

«Ты поплывешь сейчас совсем иначе, чем во время твоего последнего рейса на борту корабля», — говорит он.

Она кивает головой и протягивает ему маленький пакет из кармана своей кофты. «Мне нечего вам подарить, сэр, — говорит она. — Единственный способ, которым я могу выразить свою благодарность за все, что вы сделали для меня и моих товарищей, — это дать вам эти листья дикого чайного растения».

В то время как Джеймс Босвел осторожно разворачивает пакет, Мэри рассказывает, что она сама собирала их в роще за Рыбачьей бухтой в районе Сиднея. «Я надеялась, что они помогут нам, когда у нас не будет другой еды. Мы заваривали их как чай. Однако, как видно, они не достаточно помогли, так как не только Вил, но и оба наших ребенка и многие наши товарищи погибли. Теперь вы должны взять их на память обо мне».

У Босвела на глазах выступают слезы, когда он благодарит ее. «Я всегда буду хранить этот маленький пакет между страницами дневника, — говорит он, — и думать о тебе, глядя на них».

И вот они тоже обнаружены через полтора года. В этом месте дневника есть запись: «Мэри сказала, что она была в очень скверном настроении, и досадовала, что покидает меня; она не была уверена, что родственники примут ее».

хорошо. Я утешал ее, насколько мог, и напомнил ей, что она может рассчитывать на получение от меня 10 фунтов стерлингов в год и что она должна известить меня в случае, если не получит деньги. Поскольку она не умела писать, я показал ей, как нарисовать буквы М и Б так, чтобы я понял, что она сама продиктовала письма, которые будет мне посылать. Я видел, что она хорошо устроилась в каюте, и пожелал ей счастливого пути».

С этими строками из дневника Босвелла Мэри Брайент исчезает из нашего повествования. Из записей в церковных книгах приходов Фовей и Лоствитхиль совершенно определенно вытекает, что женщина по имени Мэри Брайент обвенчалась с Ричардом Томасом в Сент-Бридже в 1807 году. Это могла быть наша Мэри в возрасте 42 лет.

Джеймс Босвелл, впрочем, не забыл и четырех других узников Ньюгейта. Узнав, что губернатор Филлип прибыл в Англию, Босвелл навещает его и одновременно продолжает просить министра внутренних дел Непина ускорить пересмотр дела. Когда 2 ноября 1793 года он возвращается домой после деловой встречи в городе, все четверо сидят и ожидают его в его квартире. В конце концов их помиловали и выпустили на свободу.

Джон Батчер отправил прошение о том, чтобы вернуться в Новый Южный Уэльс. Как рядового Новоюжноуэльского корпуса его снова отправляют через океаны, и 5 сентября 1795 года он получает 25 акров земли в округе у Питерхем-Хилла, недалеко от Рыбачьей бухты, где некогда жили Мэри и Вил с двумя детьми и был задуман план побега.

Примечания

³¹ Джошуа Рейнольдс (1723—1792) — выдающийся английский живописец и теоретик искусства. Создал галерею виртуозных портретов лондонской знати, в которых ярко выявлял характеры персонажей.— *Л. С.*

³² Вероятно, имеется в виду город Булонь-сюр-Мер в департаменте Па-де-Кале (Франция).— *Л. С.*

³³ Так появился «Меморандум» Джеймса Мартина, в котором мужчины сообщают о плавании из Порт-Джексона до Купанга на Тиморе и о дальнейшей перевозке в Англию. У этой рукописи тоже была странная судьба. Она попала в руки сведущего в законах английского философа Джереми Бентхема (1748—1832), который в качестве цели политического законодательства и высшего морального принципа ставил «наибольшее возможное счастье для наибольшего возможного числа людей». Чисто случайно «Меморандум» был обнаружен Чарльзом Блаунтом из Пемброкского колледжа в Кембридже, когда в 1937 году он просматривал архив Бентхема. Он позаботился об издании «Меморандума» в издательстве Рэмпант Лайонз Пресс в 1937 году, сохранив весь текст, написанный Мартином в тюрьме Ньюгейт.

Приложение

Сведения об участниках побега.

Супруги Вильям и Мэри Брайент с сыном Эмануэлем и дочерью Шарлоттой. Дочь родилась на борту каторжного транспортного судна «Шарлотта» в 1787 году. Вил и Мэри обвенчались сразу же после прибытия в Сидней, и большую часть времени они принадлежали к привилегированным «бескандальным каторжникам». Вильям был несправедливо приговорен к наказанию 100 ударами кнутом, это глубоко потрясло его, он утратил достоинство и начал пить, что по прибытии в Ост-Индию возымело печальные последствия. Он был первоначально осужден на смертную казнь за то, что занимался контрабандой. Наказание было заменено семью годами каторжных работ в Новой Голландии. Мэри, урожденная Браунд или Брод, была дочерью рыбака из общины Фовей на Корнуолле, но в Плимуте она приняла участие в ограблении и вместе с двумя приятельницами приговорена к смертной казни, которая была заменена на семь лет каторжных работ в недавно основанной королевской колонии на другом конце мира. Во время побега ей 21—22 года.

Джеймс Мартин, прозванный также Писателем, потому что пишет письма от имени неграмотных в Ботани-Бее. Ему во время побега 31 год. Он ирландец. Его приговорили к семи годам ссылки за кражу 11 нарезных винтовых болтов. Он написал подробный дневник путешествия, который впоследствии был утрачен, но он еще раз описал свои впечатления в документе под названием «Меморандум», который позволил в общих чертах восстановить путь «Надежды».

Джеймс Кокс, около 35 лет, приговорен к пожизненному заключению за кражу бриллианта. По современным представлениям его считали бы мошенником международного класса, и в нем есть что-то от гангстера. У него замечательные способности к языкам; он, между прочим, бегло говорит по-голландски. Он единственный из беглецов, имеющий деньги, что позволило ему финансировать побег. Во время побега он выступает как «предводитель на суше».

«Предводителем на море» был бывший пират, моряк Вильям Мортон, он же Морж, прозванный так за висящие книзу усы, или просто Шкипер. Ему лет 55. Он служил в качестве мичмана на пиратском судне. За участие в нападении на британский военный корабль его должны были повесить, ему случайно удалось вместо смертной казни отделаться пожизненным заключением.

Сэмюэл Бёрд, он же Джон Симс, показывает на суде, что ему 35 лет, но на самом деле он гораздо моложе. Он принадлежит к низшим слоям общества. В шесть лет его из сиротского приюта отправляют работать на угольную шахту. Он убегает в Лондон и становится карманным воров. За кражу его схватили и приговорили к семи годам каторжных работ в Новой Голландии.

Нат (Натаниэл) Лилли — боязливый ирландец на четвертом десятке. Приговорен к смертной казни за кражу рыболовной сети, но был этот приговор заменен семью годами ссылки на каторгу.

Джон Батчер, 49 лет,— сельскохозяйственный рабочий из Хертфорда. Осужден на каторгу за то, что стащил молочного поросенка у помещика. Это тип крепкого крестьянина, он умеет различать следы зверей и искать пресную воду. Он единственный вернулся в Новую Голландию, где стал колонистом.

Вильям Аллен, по прозвищу Старик, в тюрьме Ньюгейт показывает, что ему 55 лет, но на самом деле он старше 60. Осужден за кражу 29 носовых платков из магазина в Норидже. Приговорен к семи годам ссылки.

Все 11 человек благополучно добрались до острова Тимор в Ост-Индии.

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Плимут, Англия, 1786 год.— Жестокость, повседневная жизнь и классовые различия в английском обществе.— Ужасные условия на судах английского флота.— Мэри Брод арестуют за воровство.— Кольцо виселиц вокруг Лондона.— 223 нарушения закона караются смертной казнью.— 300 ударов кнутом за кражу овец.— Мэри приговаривают к смертной казни, которую милостиво заменяют семью годами каторжных работ.— «Белых невольников» отправляют в Северную Америку.— В связи с войной за независимость в Северной Америке местом ссылки выбирается Новая Голландия	12
Глава 2. Обстановка на тюремном корабле «Дюнкерк» — «Индианка» Бетти и ее прошлое.— Тоска по раю Руссо.— Винная Бутылка.— Мэри встречает Вильяма Брайента, Джеймса Кокса и Джеймса Мартина, прозванного Писателем	20
Глава 3. Первая флотилия отплывает в Новую Голландию (Австралию).— Обстановка на борту судна.— Капитан Уоткин Генч.— О губернаторе Артуре Филлипе.— «Бесперспективная авантюра».— На борту транспортного судна «Шарлотта».— Драка на палубе.— Мэри рождает дочь, которую окрестили Шарлоттой.— Позади остался мыс Доброй Надежды.— Дизентерия и цинга при прохождении «ревущих сороковых».— После восьмимесячного плавания показался берег Нового Южного Уэльса	29
Глава 4. Высадка в заливе Ботани.— Пребывание Джеймса Кука в Новой Голландии 19 годами ранее.— Первая встреча с аборигенами.— Вильям Брайент спасает губернатора Филлипа.— Отказ от использования Ботани-Бей как места для поселения.— Прибытие двух французских фрегатов.— Открытие естественной гавани Порт-Джексона.— Выбор места для поселения и основание Сиднея.— Пастор Джонсон венчает Вильяма и Мэри.— Что произошло, когда женщины вышли на берег.— Побег Змейки и Петера Лягушатника.— Аборигенов ловят, чтобы приобщить к цивилизации.— Джозеф Пейджет и Арабару.— Эпидемия оспы распространяется среди аборигенов.— В губернатора Филлипа попадает стрела, пущенная аборигеном	41
Глава 5. «Свободные от цепей» в Рыбачьей бухте.— Устричные банки у реки Хоуксбери.— Вил и его друзья вынуждены взять с собой Джозефа Пейджета.— Лейтенант Брэдли и Черный Цезарь.— Беннелонг попадает в плен.— Дальнейшая участь Беннелонга.— Голод в каторжной колонии.— Вильяма Брайента арестовывают и обвиняют в краже рыбы у колонистов.— Его приговаривают к 100 ударам кнутом	53
Глава 6. Готовится побег.— Джеймс Кокс на аудиенции у губернатора Филлипа.— Вильяма Брайента временно освобождают из тюрьмы.— Предполагаемая судьба Петера Лягушатника и Змейки.— Снова урезают норму питания.— Мэри рождает мальчика, которого окрестили Эмануэлем.— Прибывает вторая флотилия	62
Глава 7. Побег начинается.— Мимо скал Хедз во мраке ночи.— Три страшных дня в Тихом океане.— Первая высадка на берег.— «Ботаники» находят уголь.— Встреча с австралийскими аборигенами на берегу священного камня.— Странный вид и поведение аборигенов.— Что пережили люди, ушедшие набрать воду к источнику в джунглях.— Появляется много аборигенов.— Ночные ритуальные танцы «людей плоского камня».— Бегство от аборигенов	75

Глава 8.	<i>Побег обнаруживают в Порт-Джексоне.— Два солдата убегают в лес.— Губернатор Филлип запрашивает сведения о Морже.— Губернаторский катер «Александрина» снаряжается в погоню за беглецами.— Лейтенант Брэдли находит остатки лагерной стоянки на берегу залива Порт-Стивенс</i>	89
Глава 9.	<i>Встреча «ботаников» с мощью Тихого океана.— О Джеймсе Куке и его работах по картографированию побережья Восточной Австралии.— Как острова получили свои названия.— Странствующий альбатрос.— Нат Лилли прыгает за борт.— Ссора на баркасе.— Высадка на берег у мыса Хоук.— Течение уносит «Надежду».— Предложение Сэма привести баркас обратно.— Прошлое Сэма Бёрда.— Баркас дал течь и требует ремонта.— Ната поражает стрела аборигена.— Побег ночью</i>	93
Глава 10.	<i>Ната оперируют на борту «Надежды».— Три недели в море вдали от берега.— Британские матросы и офицеры.— Некоторые сведения о пиратском прошлом Моржа.— Продукты и питьевая вода на исходе.— Акула следует за судном.— Тропический дождь.— Сырая рыба — единственная пища.— Тяжелая работа гребцов под палящим солнцем.— По левому борту Большой Барьерный риф.— Трудные поиски прохода в рифе.— Высадка на острове Черепахи</i>	104
Глава 11.	<i>Пребывание на острове Черепахи.— Как проводят рекогносцировку.— Джон Батчер находит воду.— Черепахи яйца и кокосовое молоко.— Морская болезнь.— Прошлое Ната Лилли.— Растущий оптимизм.— Множество черепах.— Плавание под защитой Большого Барьерного рифа.— Многочисленные острова и проливы Лабиринта.— Старый Аллен рассказывает о своем прошлом.— Охота на дикого кабана.— Появляются первые крокодилы.— «Надежда» огибает мыс Йорк</i>	115
Глава 12.	<i>О Торресовом проливе и островах Пряностей.— Высадка на одном из островов Торрессова пролива.— Сэм еще раз спасает «Надежду» и ее пассажиров.— Следы человеческих ног под пологом леса.— Нападение аборигенов Торрессова пролива.— Высадка на острове Принца Уэльского.— «Надежду» преследуют на каноэ вооруженные охотники за головами.— Последний патрон использован.— Через Арафурово море.— Прибытие на Тимор</i>	125
Глава 13.	<i>Купанг на острове Тимор в Голландской Ост-Индии.— Кокса и Вила принимает губернатор Ваньон.— Придуманная история о кораблекрушении.— Мэри и дети в больнице.— Шарлотта приобретает подружку по играм.— Беглецов разоблачают и отправляют в тюрьму.— Капитан Эдвард Эдвардс и потерпевшие кораблекрушение на «Пандоре».— Мятужники с «Баунти».— Тяжкие испытания в трюме «Пандоры».— Эдвардс заковывает «ботаников» в кандалы</i>	134
Глава 14.	<i>Батавия в 1791 году, чумная яма.— Вильям Брайент умирает на тюремном судне.— Джеймс Кокс готовится к побегу.— Эмануэль умирает в госпитале в Батавии.— Сэм Бёрд и Морж умирают от малярии на пути в Капстад.— Джеймс Кокс прыгает за борт и доплывает до берега.— Мэри снова встречает капитана Тенча.— Шарлотта умирает</i>	147
Глава 15.	<i>Тюрьма Ньюгейт в Лондоне.— «Защитные деньги».— Эндрю Мэнор.— Джеймс Босвел решает помочь уцелевшим «ботаникам».— Как были найдены дневники и бумаги Босвела.— Суд в Олд-Бейли.— Исследования Джона Говарда об английских тюрьмах.— Мэри выпускают из тюрьмы.— Босвел обещает ей ежегодную ренту.— Замечательная история листьев сарсапарильи.— Четырех остальных «ботаников» освобождают.— Джон Батчер возвращается в Австралию свободным человеком</i>	155
Приложение		165

А. Фальк-Рёнке

ГДЕ ТЫ, РАЙ?

Редактор русского текста *А. И. Прокопенко*
Художник *И. Б. Явнель*
Художественный редактор *А. М. Ефремов*
Технические редакторы *В. Ю. Никитина, Т. И. Юрова*
Корректор *Н. В. Ожерельева*
ОСР - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа
ИБ № 16868

Сдано в набор 25.10.88. Подписано в печать 13.04.89. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 13,54. Усл. кр. отт. 27,56. Уч.-изд. л. 15,13. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1205. Цена 1 р. 70 к. Изд. № 43 633.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bul'var, 17.

Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

Mary Phillips, for taking flowers over a
name to ensure 28

James Martin being
of leather in the
found guilty of
the sea and by
of
a letter
wanted to be
and from
and they
threw out
and to be

A Chart of
NEW SOUTH WALES
on the East Coast of
New-Holland
Discovered and Explor'd
1770
Lieutenant J. Cook,
Commander of his Majesty's
SHIP ENDEAVOUR
in the Year
MDCCLXX.

